

Альманах

№ 19

Семейка: Литературно-художественный альманах, вып. 19

Составитель: В.М. Авцен

edition rossija – Imprint der MedienAgentur Böpple, 2019. – 268 стр.

*«Семейка» – альманах для взрослых
и детей, из которых, собственно,
и состоит этот мир...*

edition rossija

© Авцен В.М., составление

© Лозенко В.И., обложка

© Маша Лавринюк, рисунки обложки

ISSN 1862 - 7781

*Литературно-художественный
альманах*

Семейка

выпуск девятнадцатый

*Вупперталь
2019*

Благодарим за поддержку:

Herzlichen Dank für Ihre Unterstützung:

Caritasverband
Wuppertal/Solingen e.V.

Stadtparkasse
Wuppertal

Qualität für Menschen

Wuppertaler
Elternverein
„3x3“ e.V.

Für Kinder, Eltern und die ganze Familie

Уважаемые читатели, взрослые и маленькие!

Главные темы этого выпуска продиктовал календарь знаменательных дат истекшего и наступившего года.

2018 год:

25 января мог бы праздновать своё 80-летие замечательный бард, поэт и актёр Владимир Высоцкий.

27 января отмечалась годовщина освобождения советскими войсками в 1945 году нацистского концентрационного лагеря Освенцим-Биркенау. День был провозглашен Генеральной Ассамблеей ООН Международным днём памяти жертв Холокоста. 70 лет назад, 9 декабря 1948 года, Генеральной Ассамблеей ООН принята историческая Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. К сожалению, не все извлекли необходимые уроки из страшной трагедии: геноцид и массовые зверства продолжают совершаться в ряде регионов мира и сегодня. Не случайно в 2018 году темой Международного дня памяти жертв Холокоста стало «Просвещение по вопросам Холокоста и сохранение памяти о нём – наша общая ответственность».

2019 год:

11 февраля исполняется 150 лет со дня рождения выдающейся немецкой поэтессы, уроженки Вуппертала Эльзы Ласкер-Шюлер.

6 июня будем отмечать 220-летний юбилей великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Разумеется, только этими темами выпуск не ограничивается.

Наш альманах мы именуем международным не для красного словца, а потому что в нём с первых номеров участвуют литера-

торы со всего мира. В 19 номере «Семейки» представлены авторы из Германии, Франции, Голландии, Израиля, России, Беларуси, Украины.

Хорошего вам чтения.

Составитель

Стухи

и проза

Анна КРЕСЛАВСКАЯ

Харлем

Анна Креславская. Преподаватель языка и литературы, поэт, переводчик, писатель. Родом из Украины, всей жизнью и судьбой связана с Крымом, Запорожьем, Харьковом. Преподавала русскую и всемирную литературу и русский язык в элитных школах Запорожья и в британском университете Ньюкасла, работала переводчиком-синхронистом. Стихи и эссе публиковались в журналах «Радуга» (Украина), «Еврейский мир» (США), «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Ренессанс» и «Зарубежные задворки» (Германия), в электронных журналах «На огонек», «Буквица», «45-я параллель», в «Московском комсомольце», в «Альманахе поэзии» (США) и альманахе «Серверное сияние» (СПб), в книге «Талисман» (издательство «Алетейя», 2015, СПб). Лауреат первого международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» (лучшее стихотворение в номинации «Здесь»), победитель конкурсов Эмигрантская лира 2013 года (Льеж, Париж) в номинации «Эмигрантский вектор» (поэзия) и 2015 года в номинации «Свеча толмача» (художественные переводы). Лауреат конкурса поэзии им. Ольги Бешенковской (Германия). Была редактором отдела эссеистики (2013 и 2014) и малой прозы (2014 и 2015) журнала «Эмигрантская лира». Проза частично опубликована на сайте Проза.ру. Стихи – на сайтах «Самиздат» при библиотеке М.Мошкова, Стихи.ру, Поэзия.ру и др. Член жюри конкурса и фестиваля «Эмигрантская лира».

В эмиграции 20 лет. Жила в Великобритании, Бельгии. Сейчас живет в Голландии.

когда болеешь долго и мучительно
а помощи не выискать нигде
так больно и немного удивительно
что ты оставлен близкими в беде
ты странник сквозь болезни и страдание
хоть страсти и кипят в твоей душе
но всем простил ведь слово до свидания
не прежним смыслом полнится уже

* * *

когда душа больна утешна тишина
 и музыка стиха почти что не нужна
 почти что не слышна почти что умерла
 и ты ее не ждешь как ангел без крыла
 как тополь без ветвей как ветер у воды
 и чем душе больней тем безнадежней ты
 прощаешь тишине отсутствие музык
 не по своей вине ты сердцем к ней приник
 и вот уже она ликует воцарясь
 как будто не нужна ей строк всеильных вязь
 и бязь кромешных слов пусть обовьет других
 как кокон вещей снов и мыслей дорогих
 ты видишь наконец что выжил без крыла
 ты выжил как слепец а песня умерла
 лежи себе на дне куда девалась прыть
 и чем душе больней тем легче все забыть

Весна возвращается

но вот соседское дерево розовым зацвело
 пусть и холодно ночью даже хуже зимы
 а для человека это что утопающему весло
 жить говорит хочется будем живы и мы

живы и жить хочется вопреки страданиям и тоске
 вот что птицы насвистывают в предутренний час
 а для человека это как божий след на песке
 значит господь своей милостью не оставил нас

из-за тумана выползла круглая жесьть и муть
 тусклая поначалу но позже греющая окно
 а для соседского дерева это солнечный свет и суть
 весна возвращается все же и каждому будет дано

горько старуха плачет где моя молодая жизнь
лежишь себе на кровати так не было ничего кажись
начала вспоминать взгрустнулось
учеба роды муж-пьянь да нужда
но вот ведь была же юность смешная юность когда
на столе среди рюмок фрейлехс выплясывала с дружкой
сначала на острых шпильках а после после уж босиком
а дружка-то дружка уж сколько долгих лет и на свете нет
уже не сделает больно лишь во сне передаст привет
выйдет из тьмы без слова обнимет старуху опять
старуха припомнит снова совсем другую кровать
когда им было под сорок все в путях своих семей
тяжек греховный морок только любовь сильнее
в припадке хмельного счастья сходили с ума не боясь стыда
маген довид с цепочки от страсти срывался и падал тогда
на грешный живот старухин совсем еще молодой
тянет старуха руки милый милый постой

Хоспис

вот и заплачешь некстати все слезы некстати
разве что счастья слеза да когда ж она льется
ходит рассеянный доктор по вечной палате
рад если кто-нибудь утром сегодня проснется

вряд ли твой зов долетит все они уже где-то
снова светлы повидавшие многое лица
в этой стране ни весны не наступит ни лета
в этой стране ни провинции нет ни столицы

только больница где твердь рассыпается в полночь
эта страна так беспамятна так безответна
смерть приезжает сюда будто скорая помощь
и милосердно решает вопросы конкретно

я запыхавшись влетаю в палату сквозь стены
мне сюда можно и даже пока что обратно
здесь уже верности нет значит нет и измены
все очень зыбко расплывчато малопонятно

встречи возможны с живущими здесь ненадолго
все поезда и трамваи несутся транзитом
кажется каспий вливается в лету и волгу
да и поэта уже не зовут паразитом

это страна где прощаются с жизнью а значит
это страна ожидания смерти как воли
где оставаться в живых не решают задачу
слишком уставшие от нестихающей боли

Загадочное кино

катит черный катафалк по имени смерть
не смей к нему приближаться не смей смотреть
катится машина по имени болезнь
под колеса ей не суйся да и в дверь не лезь
пока такси катится по имени жизнь
ничего не бойся сиди там и держись
да дороговато включенный счетчик стучит
а ты хоть небогатый плати давай и молчи
а чем выше горка тем трудней подъем
но пока мы бодрствуем и едем-идем
не ной и не жалуйся за все сполна плати
а мотор заглохнет подталкивать выходи
увидишь сразу автобус твоих школьных дней
а за ним свадебный кортеж зрелости твоей
а за ним трехколесный сына твоего велосипед
а ты думал ничего что этого уже и в помине нет
оказывается все это тихо катится тебе вслед

к дороге колесами ластится и катится за тобой
и сам-то ты тоже едешь там невидимый и другой
невидимый и забытый неведомый даже себе уже
но ты сольешься с ними на дальнем вираже
со всеми своими ликами стершимися давно
потому что жизнь движется как загадочное кино

* * *

голубые глаза умирающих весен слабы
в них нельзя различить столь недавней зеленой судьбы
осыпается свод и жара заставляет все кроны темнеть
превращаться в заржавленных листьев гремучую медь
первомай первоцвет посыпается карой с небес
будто пепельный жар проливает невидимый бес
и настырно струится как фата моргана жара
от рассвета к закату и дальше опять до утра
о безжалостный солнечный бог почему ты оглох
почему ты куражишься пьяно как злой скоморох
отчего так болит голова и полуденный бешеный жар
так впивается в сердце как будто бы в теле пожар
попрошу я у солнца всей ярости силы и зла
чтобы все я сумела и все бы преграды прошла
чтобы где-то на дальних дорогах невзрачной судьбы
не предать свою музу и жизни не сдать без борьбы
наши судьбы с весной похожи и что ни денек
то экзамен на верность и даже когда одинок
ты и предан ты силишься верить и жить
и стихом ворожить и друзьями втройне дорожить
жить и птицей лететь над трагически грозной рекой
и когда-нибудь в этой реке обрести свой покой
жарит жаром жестокий и яростный солнечный бог
но пока от страдания ты не совсем изнемог
вечной жизни река что под солнцем течет глубока
и бездонна пока бьется сердце и кровь у виска

* * *

пока в стакане комнаты своей
живу нерастворимую таблеткой
я становлюсь мобильней и сильней
чем за окном кружащаяся ветка
ей любо колыхаться на ветру
она лишь часть и целому подвластна
и будет жить покуда не умрут
все корни ее зелени прекрасной
а я совсем не чувствую корней
я ветошкой в пространстве затаилась
в саду людей деревьев и камней
услышь меня мой боже сделай милость
даруй мне день исполненный друзей
даруй мне сказку жизни в одиночку
и в анфиладе жарких летних дней
диктуй мне запятую а не точку

* * *

ты жив мой маленький оттаявший мой мир
где ласточки снуют и спит лоза витая
и смерти нет за окнами квартир
и точки нет
а только запятая
ростка зеленого и листьев кутерьма
как стайка школьниц диких и влюбленных
живи мой маленький ведь кончилась зима
себе ты кажешься большим и обновленным
но ты так мал
для сердца моего
ты маковое зернышко в ладони
и я твое вдыхаю вещество
что не отнимут и уже не тронет
тебя ни тлен ни сумрак ни зима
ты жив мой мир и я жива сама

когда обнимаешь родное дитя
ты вдруг прозреваешь совсем не шутя
ты прожил всерьез и прожилки твои
вплетались в бессмертное древо семьи
а нежности вереск и тепел и свеж
защита от смерти для боли рубеж
колышется в сердце и тает в глазах
и ты понимаешь ни шагу назад
ни слова ни звука ни тягот ни бед
уже облаков ослепительный плед
полощется в небе и в водах земных
но разве же просишь ты силы у них
ты главная сила ты самая мощь
несущая сына дающая дождь
растящая хлеб и дарящая свет
сильнее тебя никого больше нет
без всякой опоры легко подыми
сияющий ворох с людьми и зверьми
ты божьи крыла раскрываешь летя
когда обнимаешь родное дитя

* * *

о моя золотая единственная моя жизнь
 ты мне шепчешь ночами бездонными слышишь держись
 заоконом безлуньем меня утешаешь побудь
 и чудесным напевом ласкаешь мне ухо и грудь
 говоришь свою юность предать не давай ни себе
 ни корявой своей неразумной гремучей судьбе
 а когда ты заплачешь я рядом она говорит
 у нее не парадный скорее заношенный вид
 но идут ей заплаты в стране где цветет секонд хенд
 и обычной зарплаты хватает на тихий уикэнд
 о моя золотая хочу тебя помнить и ждать
 каждым утром пусть будет пусть будет тебе благодать
 благодарна тебе за любовь за стихи и за боль
 о моя золотая побыть мне с тобою позволь

Рисунок Ренаты Вольф

Генрих ШМЕРКИН

Коблени,

ИЗ ПОВЕСТИ «ВЕЛИКАЯ ЭПОХА
(КАРТИНКИ МАСЛОМ И ЛИВЕРНОЙ
КОЛБАСОЙ)»

Вводное слово

Нам, послевоенным детям, есть чем гордиться.

Сто тысяч раз прав мой земляк Эдуард Лимонов, живой классик, автор знаменитой «Харьковской трилогии»: «У нас была великая эпоха»!

И я не собираюсь смотреть на неё сквозь розовое пенсне, я срываю его с переносицы и вижу прошлое незамутнённым молодецким оком.

Человек человеку был друг, потому что был стыд, товарищ – потому что был страх, и брат – потому как у людей была совесть. Начальник строительства не «отрывался» на Багамах и не возводил себе виллу на месте бывшего пионерлагеря, он отдыхал в обычном профсоюзном санатории, как тот же штукатур или каменщик. Главврач дымил тем же Беломором, что и простой физиотерапевт. И не было такого, чтоб один давился ливеркой по 30 копеек кило, а другой пил «Romance Conti» по 25000 долларов бутылка. Жить богато было стыдно, слыть вором – ещё стыдней.

Утро в сосновом лесу

Одно из ярчайших воспоминаний детства – встреча с дедом. На мне плотная ночная рубашка до пят, я просыпаюсь, слезаю с кровати и по привычке усаживаюсь на горшок. Сей-

час я «сделаю», меня умоют, оденут и отведут в детский садик. Сажу, позёвываю, плясую в окошко, а там весна, сирень, птичий щебет и трухлявый забор, отделяющий наш дворик от двора Кольки Резинкина. Слышу, как скрипнула калитка. «Папа!» – раздаётся мамин крик из соседней комнаты. «Дедушка вернулся», – понимаю я. Зову маму, сейчас она вытрет мне попу, и я помчусь к деду. Но мамы и след простыл – уже побежала ему навстречу.

«Дедушка!» – кричу я и подскакиваю. Меня переполняет радость, но... Сейчас появится дед, а я – с грязной попой, в горшке какашка... Входит худенький человечек в просторном сером костюме, я забываю обо всём. Путаюсь в ночнушке, бросаюсь к нему, дедушка подхватывает меня на руки... Он тоже видит меня впервые – когда его взяли, я был у мамы в животике. Садик отменяется, бабушка собирает на стол, её не узнать – никогда не думал, что бабушка у меня такая красивая.

Русский бильярд

Иногда с дедушкой мы навещали дядю Суню – то ли дальнего родственника, то ли дедушкиного друга детства. К тому времени я уже ходил в школу и знал половину таблицы умножения.

Жил Суня на улице Кирова за высоким забором в своём собственном доме, похожем больше на областной дом пионеров, нежели на жилище рядового пенсионера. Семья Суни состояла из четырех человек: сам Суня, его жена Рахилия и сын Гутик с невесткой Идочкой. Вчетвером они занимали половину дома. В крыле было пять комнат и две залы: гостиная и игровая. В игровой стоял бильярд.

Во второй половине Суниного дома квартировал его родной брат – Пиня. Семья брата занимала такие же хоромы, как и Суня, но без бильярдной. Собственной жилплощади брат не имел, а имел тяжелобольную жену и обездвиженную оче-

редь на семейное общежитие. Денег с брата Суня не брал, так как тот работал простым трамвайщиком и с фронта вернулся контуженым.

В бильярд Суня сражался сам с собой. Иногда – с сыном. А с братом в бильярд Суня не играл. И в домино тоже. И не разговаривал, и даже не здоровался. Потому что брат считал Суню вором.

Игра в прятки

Увидев нас с дедом, Суня откладывал в сторону грелку (у него была больная печень) и, побряхтывая, поднимался с кушетки. Он угощал деда своим вином из одичавшего дворового винограда, Рахилия подавала бутерброды с икрой, фаршированную щуку, телячью вырезку, неизменные кнейдлах¹ из настоящего крестьянского творога и обязательно вазу с разрезанными пополам гранатами – независимо от времени года. Такое продавалось только на рынке, стоило огромных денег, и нам – даже в праздники не снилось.

За перекусом дед с Суней делились своими взрослыми новостями, а я, проглотив бутербродик-другой, начинал вслушиваться в их разговоры.

И тогда Суня звал меня играть в прятки.

Первым жмурился я.

Суню я находил в два счёта, ибо владел секретом: он всегда укрывается в бильярдной, за креслом.

Наставал мой черёд прятаться. У меня тоже было избранное место – в спальне Гутика с Идой, под их никелированным супружеским ложем. Суня считал до десяти и отправлялся на поиски. Я замирал под кроватью, слышались тихие Сунины шаги и шёпот: «Куда он подевался? Ничего, сейчас найду! Как миленького!». Вскоре перед моим носом возникали лёгкие

¹ Кнейдлах – пончики, еврейское нац. блюдо (идиш).

«сталинские» сапожки дяди Суни. «Он здесь, он определённо здесь...» – раздавалось прямо надо мной. Мощный адреналиновый взрыв сотрясал моё подкроватное логово.

Потоптавшись в спальне, сапожки так же мягко удалялись. Из гостиной вновь доносились обрывки фраз: «взяли с поличным», «инкриминировали», «азохен вэй»¹, «с левым товаром». Я уже начинал думать, что Суня забыл обо мне, но через время он заходил снова, вновь бормотал: «Так... За трельяжем его тоже нет...» или «А что, если заглянуть в шкаф?..» И опять не мог меня найти. Затем снова – обрывочное: «ордер на обыск», «лехаим!»², «гефилте фиш»³, «восемнадцать кило левой шерсти»...

А ещё через час в спальню заглядывал дедушка и, посмеиваясь, звал меня пить чай. Я выползал из-под кровати, бежал мыть руки и проходил к столу. Суня начинал допытываться, где это я прятался, а я победно молчал, задрвав голову и глядя на Суню как бы сверху вниз.

Откуда дедушка знал, где моё лежище – до сих пор загадка.

Прогулка

Как человек разумный, Суня опасался слезки и тщательно конспирировался. Раз в неделю он демонстративно ходил на базар и покупал там картошку, только картошку, и ничего, кроме картошки. Ведь нет ничего глупее, чем погореть на приобретении чего-то такого, что тебе не по карману. Пойди потом, объясни, откуда ты взял такие деньги.

За парной телятиной и другими драгпродуктами в зону риска отправлялся человек с кристально чистой биографией, заподозрить которого в финансовых махинациях было невозможно по определению. Это был кавалер ордена Красной

¹ Азохен вэй – ох, горе! (идиш).

² Лехаим! – будем здоровы! (идиш).

³ Гефилте фиш – фаршированная рыба (идиш).

Звезды отставной генерал Ковалёв, проживавший в соседнем дворе; никто не подозревал об их взаимодействии.

Со старым разведчиком Суня общался через окошко, которое из его двора выходило прямо в спальню генерала. Тактика была проста и надёжна, как автомат Калашникова. По утрам после подъёма Суня ставил генералу боевую задачу, тот отвечал: «Есть!», хватал сумку и отбывал на задание. С базара возвращался «с полным боезарядом», о чём сигнализировал двумя американскими кактусами в означенном окошке. Суня шёл во двор, получал через форточку свой продуктовый заказ и щедро рассчитывался. За каждый рейд старому сталкеру было гарантировано двадцать пять дореформенных рублей. На такой приварок к военной пенсии мужа генеральша не могла нарадоваться, она регулярно бегала в храм ставить свечки за здоровье раба божия Суни Ручинского.

...Попив чаю с тёти-Рахилиными кнейдлах, мы с дедом собирились на выход.

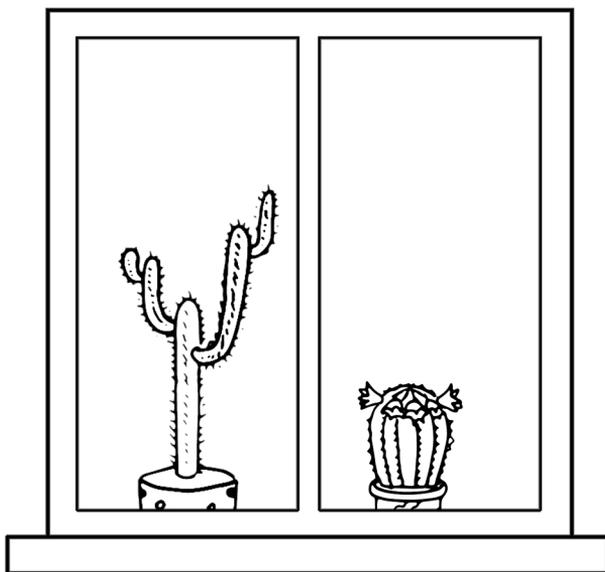
Перед тем как встать из-за стола, дед намекал, что сейчас нам как нельзя кстати пришлось бы сотня-другая...

Суня давал команду Рахиле, Рахили приносила деньги. Бывало и наоборот – дедушка лез в карман галифе и возвращал долг.

Судя по их разговорам, дядя Суня был цеховиком или крутым артельщиком... Жили мы на Москалёвке в покосившейся халупе с вечнозелёной крышей, покрытой мхом. Дед поменял кучу профессий, он успел побывать грузчиком, точильщиком, фотографом, пожарником, трикотажником, киоскером. Читал с трудом, писать мог только на идиш. Попался на четырёх килограммах левой пряжи, отсидел шесть лет. После отсидки ни в какие игры уже не играл. Он радовался, как ребёнок, чужому фарту, чужой остроумной афере и огорчался, когда кого-то замечали. С восхищением цокал языком, узнав, как ловко провернул тот или иной гешефт его собрат по ремеслу. Дед приходил домой и без тени зависти рассказывал, что побывал у своего экс-компаньона, и у того не дом, а «полная чаша», и три

домработницы одна краше другой, и вся мебель арабская, и в шкафах – 200 пар ненадёванных туфель по последней моде...

Ни расписок, ни каких-либо процентов не было и в помине. Вопросов «Зачем?», «На какой срок?» Суня не задавал. Ни кредитор, ни заёмщик деньги не пересчитывали никогда. Они верили друг другу, как себе...

Алексей ГЛУХОВСКИЙ

Баден-Баден

Алексей Глуховский родился в Москве 22 апреля 1955 года.

Окончил факультет журналистики МГУ. Работал на радио. Стихи пишет с юности, много лет занимался художественным переводом с немецкого, французского, сербского языков. Поэтические переводы печатались в сборниках издательства «Художественная литература», в «Литературной газете» и др. Автор сборника стихотворных переводов «Слова» (Москва, 2013), а также поэтических книг «Лирика» (Нью-Йорк, 2015), «Вид из окна» (Москва, 2017) «Знаки времени» (Москва, 2018).

Живет в Баден-Бадене (Германия).

Не заставляй меня любить
сильней, чем я могу.
Поверь, непросто это –
быть
перед тобой в долгу.
Меня, пожалуйста, не вини
во всех земных грехах.
Они давно погребены
в раскаянных стихах.
Теперь считаться не резон –
кто прав, кто виноват...
Вблизи маячит горизонт
и ангелы трубят.
Возможно, возвестят
с небес
всеобщую беду,
и я, единственный,
к тебе
на выручку приду.

Контракт

Жизнь предлагает
подписать контракт,
недолгий и невыгодный,
ну что же...
Я и такому договору рад,
пусть даже цель
и суть его ничтожны.
В нём всё, что есть,
чем обладаю я,
даётся ей в прямое
управление –
больное тело и душа моя...
Не брезгует ничем,
на удивление.
Мои права здесь сводятся
к нулю,
и на исход я повлиять
не в силах.
И я на все неточности
плюю,
не вчитываясь
в текст его унылый.
Продлению договор
не подлежит,
и санкции штрафные
неизбежны,
передо мною он уже лежит,
подписанный
рукой её небрежно.

В полёте

Пожелай мне удачной посадки,
помолись обо мне не спеша.
Я уверен: всё будет в порядке,
если будет в порядке душа.

Если сердце в груди равномерно
отбивает уверенный такт,
будь спокойна – я жив. Это верно,
как стократно проверенный факт.

Я лечу. И не надо сомнений.
Надо мной бесконечная высь.
В крайнем случае... – это мгновенье.
Так что всё ж не забудь, помолись.

* * *

А в саду-то у нас листопад,
круговерть до
го-ло-во-
круженья!
Если что и скажу – невпопад...
Не ищи в том
большого значенья.
Это осень
тоскует опять,
выжимая
из тюбика охру.
Длинный день
не воротится вспять,
и земля от дождей
не просохнет.

Чуть дрожит
угасающий свет –
день осенний
расписан и прожит.
Вдруг подумалось:
тот не поэт,
кто об осени строчки
не сложит.

* * *

Я утром отопру калитку,
бездомных в сад пущу котов –
пока осуществить попытку
вселенской жалости готов.
Несчастливым
предоставлю кров я,
охоту верную на птиц,
хоть я противник
всякой крови
и всяческих
птицеубийц.
Я с ними чувствую согласие
и родственность
бродяжьих душ.
И дам поймать им
птицу
счастья...
Да вот они,
поймали уж!

Шутка

Свою постылую свободу
с печалью горькою смешав,
минутной слабости в угоду
я сотворил себе «ерша».
Сегодня вышил я изрядно,
и у прохожих на виду
себя веду я неприглядно,
из ряда вон себя веду.
На сотне матерных наречий
заговорить пытаюсь вдруг,
и каждый встречный-поперечный
теперь мне самый лучший друг.

Целую мусорные
урны
в разверстия
холодных губ
и шпарю пьяные
ноктюрны
на флейтах
водосточных труб...

* * *

Словно
патологоанатом,
по пациенту
не скорбя,
я расчленяю каждый атом,
сам препарируя себя.
Рука неопытным движеньем
врезается в
живую плоть,

чтоб острым
скальпелем сомненья
её больнее уколоть.
То сердце извлечёт сначала,
боясь обжечься об него –
ещё недавно источало
любовь и ненависть оно.
То, на святое покушаясь,
она коснется самых недр,
покой душевный нарушая,
за миллиметром миллиметр.
Дойдя до нервного сплетенья,
из мрака вытащит
на свет
все в моей жизни
прегрешенья,
которых не было
и нет.

* * *

Не оставляя завещаний,
друзья уходят навсегда:
без утомительных прощаний,
без рюмки, выпитой до дна.

Они уходят «по-английски»,
как будто вышли покурить...
А нам трагические списки
опять доверено продлить.

И всякий раз, сводя балансы,
пропажи обнаружив след,
свои мы взвешиваем шансы –
хотя б ещё на пару лет.

Одноклассникам с Арбата

Как разбросало нас, ребята:
Нью-Йорк, Париж, Иерусалим...
Повсюду выходцы с Арбата,
арбатский дух неистребим.

Неистребимо наше братство,
и где б мы ни были сейчас –
пусть окуджавское арбатство
объединяет вечно нас.

Памятнику Ф. Достоевскому в Баден-Бадене

И в награду ему, и в усладу
прозябанье даровано тут.
Он прославил тебя, Баден-Баден,
получив по заслугам приют.

Он сутул. И под тяжестью бронзы
обвисает потёртый сюртук.
Что-то в этой трагической позе
мне Россию напомнило вдруг:

внешний блеск дорогого металла,
водружённого на пьедестал...
А душа бесконечно устала,
и расчёт неизбежно настал.

* * *

Я то наскоком,
как кавалерист,
машу пером,
заточенным
под шашку,
то медленно
осваиваю лист,
перу вверяя душу
нараспашку.
Или я словно
мастерю слова –
из тишины
сгущённой и тягучей.
Там не играет роли голова,
где всё решают
рифмы
и созвучья.
Глаза мои
давным-давно сухи,
и в них былой запас
исчерпан влаги.
Но вместо слёз
опять текут стихи,
вливая жизнь
в пустую плоть бумаги.

Просьба

Гость хозяина хвалит всегда – ну так что ж,
коль любому хозяину благодна ложь.
Ты стихи мои тоже
хвали иногда,
Мне приятно,
тебе ж –
не составит
труда.

Александр ВАСИЛЕНКО

Заль

ОХОТА С ГОНЧИМИ

Когда в разгаре листопад, когда становятся полупрозрачными лесные дали, когда по утрам покрывается серебром утренников трава, начинается лучшая пора охоты на лёттов. В это время они еще не сидят в своих укрытиях, но и не разбегаются по бурьянникам и кустам, и хозяин берет нас, псаров и собачар, на одну из лучших видов охоты: охоту с гончими.

Для меня это первая в моей жизни охота. Как всё красиво! Впереди доезжачий на огромном мерге – один из самых опытных и удачливых охотников региона. Следом выжлятник – тоже на мерге, и мы бежим рядом: дюжина взрослых псаров, столько же гончих собачар и шестеро собачьих щенков, которые уже почти догнали взрослых по росту, но по уму пока что – чистейшая глупизна.

Район, в котором нам предстоит работать, – настоящая глушоба. Это вам не в заповеднике контролировать численность видового состава. Лётты этого участка – злобные и агрессивные бестии, умные, хитрые и изобретательные. Но тем приятнее победить их.

Мы все на взводе, в крови кипит адреналин, и только наши хозяева, как и полагается высшим сущностям, спокойны. Ко мне подбегает сестра. Она уже не первый раз на охоте. Да и вообще ее ценят: шутка ли – три медали за экстерьер и за способности. Кто бы завидовал, я нет. Ведь это значит, что и я, будучи из той же семьи, имею достаточно хорошие шансы стать отличным охотничьим псаром.

Сестра что-то говорит, я что-то отвечаю, к нам подбегают собачары. Все напряжены до предела, все жаждут схватки!

Труба запела. Слава высшим, только мы, собачары, да охотники слышим ее звук. Для лёттов он за пределами их диапазона

восприятия. Вот мы уже в районе их обитания. Ужасное место. Когда-то эту территорию занимали каменные пещеры лёттов. Говорят, что будто бы раньше на этой территории их обитали миллионы. Прожорливый, неэффективный вид, вышедший из-под контроля эволюции и начавший стремительно разрушать биосферу. Конечно, мы, псары, их близкие родственники. У нас, как и у них, – две руки и две ноги. Мы подобны, ну как волк и собачара. И так же, как эти два вида псовых, мы ненавидим наших «близких родственников». Так уж мы устроены, точнее, такими нас вывели высшие. Говорят, что лётты являются не только нашими непосредственными предками, но и высших. Сомнительно, высшие отстоят на эволюционной лестнице, по моему мнению, очень далеко и от них, и от нас.

Бежим. Справа одна из полуразрушенных пещер – скорее всего, в ней никто и не обитает, вход совсем зарос толстомясым будыльником с водянистыми стеблями и красными цветами. Обычно глушебные лётты оставляют много следов в местах своего обитания. Протоптаные дорожки, мусор. Но я на всякий случай посылаю в отверстие короткий луч «ужаса», собачары дыбят шерсть на загривке, дружно лают, но в дыру не лезут. Видимо, там действительно никого нет. Но на всякий случай бросаю туда хлопушку. Из дыры тянет смрадным дымом. Кто спрятался – не жилец. Форвертс, дальше, дальше!

Впереди схватка! Наши опытные псары выгнали группку лёттов из их укрытий. Они огрызаются. Швыряют заостренные стебли дерева, камни, один даже пускает заостренные речки с помощью гнутой палки. У одного из молодых псаров такая вот с виду безобидная речка уже торчит в плече. Я полосую лёттов «ужасом!» «Ты сдурел! – кричат мне товарищи из стаи. – Ты же своих так положишь!» Вот уже одна из наших собачар виснет на горле этого палочника, они падают, я подбегаю и помогаю собачаре. Ура! Все лётты уложены, ставим маячки, двигаемся дальше.

Появляется доезжащий, его забота не зарваться, не перелестнуть слишком уж выше того количества, что проставле-

но у него в лицензии. А нам до этого дела нет! У нас адреналин в крови! Охотничий инстинкт!

Мы движемся, оставляя после себя охотничьи трофеи, обозначенные маячками. Бьем всех: и взрослых самцов, и самок, и молодняк! У лёттов положено отстреливать всю стаю, молодняк очень плохо выживает без взрослых. Это с кабанами надо разбираться: кого подстрелить, а кого выпустить. Здесь не так. Недобитые лётты становятся чересчур опасными. А охота – это для вышших прежде всего развлечение. И только потом экологически полезная штука, которая помогает держать видовой состав региона в равновесии. А для нас, псаров, – это жизнь. Как вы думаете, если б не было охоты, что стало бы с гончими псарами?

Участок кончается. Через пару километров будет поляна, конечный пункт. Там намечен сбор всей стаи. Слева из какой-то дыры слышится лай, а затем отчаянный скулеж молодой собачары. На выручку! Чуть-чуть придавим «ужасом» – и вперед!

В первом зале никого, осторожно пробираюсь во второй и, оглушенный, падаю. Успеваю лишь подумать о том, как будет журить меня хозяин. Глупая мысль, но с ней я и отключаюсь.

Очнувшись, я понял, что бедный щен спас меня, спас ценой своей жизни. Он основательно прокусил правую переднюю конечность лётта, который шарахнул меня чем-то по голове. Эта тварь потом долго молотила собачару, которая сражалась до последнего и дала мне возможность прийти в себя.

Я вскочил. Наверное, со стороны это выглядело несколько по-другому: я, медленно шатаюсь, поднялся. Лётт прекратил добивать умирающего щенка и наставил на меня мой «ужас». Я застыл. Конечно, эта глупая тварь не знает, как нужно обращаться с оружием. Но ведь иногда и идиот может случайно нажать на нужную кнопку... В голове туман, ноги как ватные. Что делать?! Я замер, в уме просчитывая возможные варианты дальнейших действий. Патовая ситуация. Лётт дико вращал глазами и пытался, скривив губы, отдуть прядь волос, закрывающую глаза. О вышние! Это же самка! Говорят, они хотя и не столь сильны, как самцы, но более опасны, особенно если при них детеныши. Но это совсем молодая самка, пожа-

луй еще и не вышедшая из категории щенков. Да и детенышей поблизости не видно. Сквозь вату в голове пробивается: стыд и позор погибнуть на своей первой охоте от какой-то лёттовской щенятины.

– Брось эту штуку, – говорю я медленно и дружелюбно. – Я отпускаю тебя. Иди.

Конечно, псарских слов лётты не понимают, но тембр и интонация возможно будут ей понятны.

– Ты врешь, гнусный выродок, – вдруг отвечает она на псарском. Не чисто, конечно, но понять можно! У меня перехватывает горло от изумления. Высшие, она и похожа на псарку!

– Как? – мямлю я. – Ты псарка?! Как ты сюда попала?!

– Отец, – цедит она, – выродок, но я вас ненавижу!

– Спокойствие, – говорю я все так же ровно и дружелюбно, а в голове сплошная сумятица, нас же не учили, что делать в такой ситуации! – Ты можешь отойти на несколько шагов, потом бросить «ужас» вон туда и убежать. Я вряд ли тогда тебя догоню, не побегу же я за тобой, бросив оружие.

– Да-да, вам, выродкам, можно верить! Куда мне бежать, гад, если все племя мое погибло?! А так я ещё одного выродка убью, отомщу за смерть своих сородичей!

Она тоже подранена и не может прыгнуть! И вот теперь шарит по кнопкам и выступам – ищет предохранитель.

– Отомстишь? Кому? Глупая дичь. Никто и не осознает, что это была месть! Просто стандартная потеря одной псарской единицы на охоте. А я и не особо ценная единица, это моя первая охота. Брось и иди! Мне не нужна твоя жизнь.

– За что вы нас ненавидите? – взвизгивает она.

– Мы вас ненавидим? Бред! Мы просто охотимся. В соответствии с лицензией мы убиваем немного дичи. Только и всего.

– А вот мы вас ненавидим! – визжит она почти на ультразвуке. – Выродки! Почему вы не даете нам жить спокойно?

– Экология, – шевелю я заплетающимся языком. – На этой территории должно проживать определенное количество крупных видов животных. Если они слишком размножились, устраивается охота.

– Но мы-то не животные! Мы же люди! Мы же разумные, как и вы, как и людены!

– Кто? – спросил я, а сам подумал: «До чего же глупая ситуация! Стоит охотничий псар и разговаривает с дичью».

– Ну эти, ваши хозяева. Они же произошли от нас. Когда-то, глупый ты выродок, мы, люди, и были хозяевами планеты, а потом отдельные личности стали изменять своим детям генетику, улучшать. Так и образовался новый вид – людены, ваши хозяева. Они потом и свели нас, простых людей, вот в такие резервации. Превратили в дикарей! Это сейчас здесь развалины, поросшие лесом, а когда-то стоял величественный город!

– Город? Местность огороженная... Чем? Зачем? Глупости ты говоришь, – похоже, я слышу щелчок предохранителя. Как глупо! – Не были вы предками великих! Правильнее сказать: у нас у всех был общий предок. Так и амеба ведь в общих предках числится. И этот наш общий предок когда-то так расплодился на планете, что привел ее к экологической катастрофе. А еще он истребил неандертальца, гориллу, еще там кого-то. Так что, поверь, высшие – они высшие, и всегда делают все правильно!

– Они безнравственны! Их мораль!..

Она все-таки нажала на курок. Слава Великим, нажимая, она дернула «ужас»...

Луч ушел вверх. Но мощностъ она накрутила изрядную. Досталось нам обоим – отраженным сигналом. Я, конечно, сильнее, да и постарше ее. Поднялся раньше. Подобрал «ужас». Посмотрел на дичь, лежащую в обмороке. Красивая, зараза, хоть и помесь. Добивать не стал. Прошел азарт охоты. Да и торопиться надо. Все уже, поди, на месте сбора. И доезжачий, определенно, перебрал все нормы, что прописаны в лицензии. Так что эта маленькая лётка для него никакого значения иметь не будет. А на вид она уже взрослая и без своего племени не пропадет. Прибьется к соседнему, я знаю, такие случаи бывают. Вот щена жалко. Я повернулся и потащил убитую собачару из пещеры. Разрушенной пятиэтажной пещеры когда-то будто бы величественного города.

Татьяна ШВЛЕВА

Эссен

Исповедь пилигрима

*...И, значит, остались только
иллюзия и дорога.*

Иосиф Бродский. Пилигримы.

Идут по земле пилигримы.

Булат Окуджава

Скитаясь целый век по миру,
Я суть вещей постигнуть смог:
Глагол – настраивает лиру,
Талант отгачивает слог.

Поэт богат строфой и рифмой,
А вор богат чужим добром.
Кораллами богаты рифы,
Разрухой – революций гром.

Власть копит славу и богатство,
Закон и правда – не в чести.
В загоне равенство и братство,
И дух свободы – взаперти.

Мой сын – и плоть, и кровь родная! –
В иллюзий омут погружён,
И мой народ, лицо роняя,
Жесток и зол, и – отчуждён.

Толпа глупа и безразлична.
Я – одинок и нелюдим.

Не гам толпы, но гомон птичий
Скитальцу кажется родным.

Сомнений тяжесть и мытарства
Мои попутчики весь век:
Из клана в клан, из царства в царство
Без цели устремляю бег.

В чужих, казалось, лучших странах
Я обретал покой стопам,
Но безысходно, беспрестанно
Был одинок и здесь, и там.

Служил чужбине и отчизне,
Устал от пуганых дорог
И понял на закате жизни,
Что жизнь я изменить не смог.

Всё иллюзорно в мире этом –
Со дня рожденья до седин.
Родись хоть принцем, хоть поэтом –
Свой путь земной пройдёшь один.

Дженни

Дженни вымокла до нитки...

Р.Бёрнс

Двадцать лет борщи варила,
Пол мела и дом вела.
Сад блюла, детей растила,
Суетилась, как юла.

Погремушки. Постирушки.
Не до сна. Не до утех.

Ах, зарыться бы в подушки...
Только Дженни не из тех.

Всех встречала-проводжала,
Всем служила, как могла.
Уважала. Обожала.
Их заботами жила.

Ни гу-гу – ни слёз, ни жалоб.
Безответна, как ветла...
Быстро времечко бежало,
И в саду герань цвела.

Дом и сад – хоть на открытку!
Но однажды – вот дела! –
Дженни вышла за калитку
И обратно не пришла.

Неразгаданные сны

Себя во сне я часто вижу нищей,
Бегущей от погони и войны.
Но сонник Миллера, но мэтры –
Фрейд и Ницше –
Едва ли разгадали б эти сны.

Бегу сквозь мрак, в толпе теряя сына,
И крик мой нем, как Мунка полотно...¹
Душа от слёз черна наполовину,
Лавиной бед влекомая на дно.

¹ «Крик» – полотно норвежского художника-экспрессиониста Эдварда Мунка.

А там, вверху, на краешке обрыва,
Меня спасая, тянет руку мне
Пресветлый ангел с веточкой оливы,
С глазами мамы, явленный извне.

О, спасена! В предутреннем затишьи
Я просыпаюсь – впрямь и наяву
Бегущей от погонь безродной нищей
И всё ищу кого-то и зову.

* * *

Друзья, не зовите меня в этот дом,
Где пахнет предательством и воровством.

В том доме живут самозванцы князя, –
Таким доверяться, поверьте, нельзя.

Там вóрону вóрон не выключет глаз,
Там Спас на Крови злые души не спас.

По тёмным углам затаился навет,
И в чёрное выкрашен весь белый свет.

В хрустальных бокалах на доньшке – яд,
Оравы чертей в табакерках сидят.

Назначили ставки рвачи ловкачи,
Злодейские песни горланя в ночи.

Вас ловко заманят в кромешный уют –
Азартно проспорят, просадят, пропьют.

Ах, княжеской ласке не верьте, друзья!
Ведёт в те чертоги лихая стезя.

На этой стезе оборвётся ваш путь:
В упор – без печали – вам выстрелят в грудь.

А коль не сдадитесь и выветесь всё ж,
Вас – в спину – догонит предательский нож.

Но если к вертепу ведёт колея,
Я вам не судья, – прощевайте, друзья!

Пусть – вольному воля, спасённому – рай...
Трубач, на прощанье «Славянку» – сыграй!

Парус

Соратникам по эмиграции

А он, мятежный, просит бури...

М. Лермонтов

...А мне теперь покой лазури
Милей, чем ветер штормовой.
Нет, парус мой не просит бури,
Не бьёт крылом над головой.
Не рвутся нервы, струны, жилы,
Времён связующая нить...
Всё в прошлом, но пока – мы живы,
И не в чем нам себя винить.
В краю родном, в стране далёкой
Под колокольный перезвон
Белеет парус одиноко,
Но ничего не ищет он.
Молчат акриловые струны
Там, где звенело серебро...
И месяцы сменяют луны,
И злом сменяется добро.

Картинно парус мой белеет
В багетной раме на стене,
И глубина под ним мелеет,
Надежды хороня на дне.
А по ночам – легко, бесплотно –
Витают сны над головой:
Мне снится не сквозняк залётный,
Но вольный ветер штормовой.

Компьютерная графика Игоря Жука

Елена ХАНЕН
Хайнсберг

Василий ЛОГИНОВ
Москва

В ТОЧКЕ НЕВОЗВРАТА

Однажды доктор медицинских наук, москвич Василий Анатольевич Логинов, и кандидат биологических наук, уроженка города Казани, Елена Рустемовна Ханен, затеяли игру под названием «Я начну писать рассказ, а ты закончи».

Василий Анатольевич (между прочим, обучавшийся не только медицине, но и литературному мастерству в институте им. Горького), пару страничек набросал и Елене Рустемовне прислал: вот, сударыня, выкручивайтесь теперь, сделайте из сего настоящий рассказ!

И вот что из этого получилось...

В.А.

*Pagan Baby, won't you walk with me?
Pagan Baby, come on home with me...*

Композиция группы «Creedence Clearwater Revival»¹ звучала из банкомата, как только пластиковая карточка исчезла в щели. Игрок со стажем Зиновий Передонов набрал четыре шестерки в ответ на запрос пин-кода. Экран мигнул, и появились надписи:

PAGAN BABY БАНК ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС! ПОДТВЕРДИТЕ, ЧТО ВЫ ПРОШЛИ ТОЧКУ НЕВОЗВРАТА. ДА. НЕТ.

¹ «Creedence Clearwater Revival», сокращённо «CCR» – популярнейшая во второй половине прошлого столетия американская рок-группа.

«Что за глупый вопрос! Конечно, прошел. Вон казино через дорогу. А я не могу сделать ставку. Пусто в карманах. Да и возвращаться некуда».

Зиновий нажал стрелку рядом с «да».

ПОЖАЛУЙСТА, ЗАПОЛНИТЕ РЕГИСТРАЦИОННУЮ ФОРМУ.

Женат – трое – отец – мать – брат – сестра – безработный – три месяца – и т.д. – казалось, что вечно будет длиться анкетирование... И вот наконец-то белые буквы на черном экране сложились в четыре предложения:

ОПЕРАЦИЯ С МАТЕРИАЛЬНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ
ОПЕРАЦИЯ С НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ
ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ОБМЕН В HALLOWEEN
ДИСКОНТ В ПЯТНИЦУ 13-ГО

Передонов задумался. Ему были нужны деньги, наличные, кэш, а не материальные ценности. Хотя... В качестве ставок иногда принимают и ценные вещи. Да, да, было бы очень интересно узнать, что сулят последние две загадочные надписи! Но всё-таки больше хотелось получить шуршащие банкноты.

«Эх, ладно, в другой раз!» Зиновий нажал стрелку напротив первой фразы, и банкомат истошно взвыл:

*Pagan baby, take me for a ride.
Roll me, baby, roll your big, brown eyes.
Yeah! Ooh! Ooh!*

Композиция «CCR», казалось, неслась сразу, как минимум, из шести динамиков.

«Что ж он так орет? Где они только здесь запихнуты, динамики эти? Места-то нет свободного!»

Передонов оглядел банкомат. Обыкновенный. Зеленый. Сбербанковский. Значит, все дело в карточке. Черную матовую карточку он выиграл однажды у одного рыжего господина со свинячьими глазками. Кажется, его звали Акмо. Точно, Акмо Китодин. Да, были времена, когда Передонову везло в рулетке! Не то что сейчас! Тот рыжий Акмо поставил на шесть черное, а Зиновий озвучил «восемнадцать, красное» и выиграл. Когда пришло время расплачиваться, то проигравший предложил свою карточку.

– Ха! Странная какая-то. Левая, наверное. А деньги-то там есть? – засомневался Передонов, покрутив ее в руках.

Вместо привычных цифр на карточке было выдавлено шестнадцать каких-то змеистых загогулин, сгруппированных по четыре.

– Не сомневайся, драгоценный! Мы, Китодины, чистоту сделок чтим! Можем пойти и проверить. Хочешь?

– Да ладно, верю, – после секундной паузы ответил Передонов. – Только почему ты сам-то деньги снять не хочешь?

Китодин замялся.

– Учти, драгоценный, этой карточкой можно воспользоваться только три раза... Вчера у меня был последний...

Китодин хмыкнул, будто вспомнил нечто презабавное, шмыгнул носом и, высунув кончик языка, нацарапал пин-код на клочке бумаги.

– Держи, драгоценный. Кстати, вместо денег некоторые выбирают материальные ценности, – скосив глаза в сторону и продолжая ухмыляться, пробормотал он.

– Какие ещё «материальные ценности»? – принимая бумажку с кодом, недоверчиво спросил Передонов.

– Узнаешь. У каждого своя музыка после того, как проходят точку невозврата, – с гнусавинкой в голосе и всё еще ухмыляясь произнёс тогда Китодин.

Вот такие воспоминания вихрем пронеслись в голове Передонова, когда он, подзуживаемый желанием доиграть, от чаяния решил воспользоваться «левой» кредиткой.

Музыка внезапно прекратилась, и на экране появилась красная надпись: «Выбрана операция с материальными ценностями». Потом экран мигнул, и появилась черная надпись: «Подтвердите выбор кнопкой ОК». А под нею – список в строчку:

КОМПЬЮТЕР – КОЖАНАЯ КУРТКА – СОКОВЫЖИМАЛКА – КУКЛА БАРБИ – КВАРТИРА ДВУХКОМНАТНАЯ – КУХОННЫЙ ГАРНИТУР – ГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ОГОНЁК» – ВИЛЛА НА ТЕНЕРИФЕ – ТРУСЫ ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЕ МУЖСКИЕ – АВТОМОБИЛЬ «ФЕРРАРИ»...

Список был длинный, очень длинный... «Надо брать самое дорогое», – подумал Передонов.

– Вилла или квартира? Или «феррари»? Чёрт их возьми, нет чтобы цены написать... – пробормотал он и вздрогнул – из динамиков снова грянула музыка:

*Pagan Baby, won't you walk with me?
Pagan Baby, come on home with me...*

На экране загорелась алая строка: «Согласно правилам, прошедшие точку невозврата могут выбирать материальную ценность в течение пяти минут. Осталось десять секунд».

Красная десятка, появившаяся в углу экрана, тут же со щелчком сменилась на девятку. Передонов занервничал и, почти вдавившись носом в экран, начал вчитываться в список.

«О, вот, пожалуй, это – сеть супермаркетов! И ценность, наверняка, большая, и доход будет приносить!».

Семёрка, щёлкнув, превратилась в шестёрку.

«Нет, лучше вот это – пуд золота 99,99%», – судорожно вздохнув, прошептал Передонов. – «А то вдруг с супермаркетами дело не пойдёт, да и напряг какой с таким хозяйством».

На экране уже алела тройка.

«А всё же квартира-то подороже будет, эх, пересчитать бы сейчас, сколько пуд золота стоит...», – Передонов мотнул головой, словно пытаясь заставить предательски отупевшие мозги побыстрее соображать.

*На Канарских островах
Утопает всё в цветах...*

Строчки полузабытой песни вспомнились под аккомпанемент щелчка. В углу экрана зловеще вспыхнула единица.

«Вилла на Тенерифе! Выбрал! Где, где она? Вот же! Да!»

Передонов суетливо навёл стрелку на «виллу на Тенерифе», но в то же мгновение раздался щелчок... Рука дрогнула от громкого звука, и стрелка неожиданно поразила соседнюю надпись: «Труссы хлопчатобумажные мужские». На экране появился огромный ноль и надпись:

PAGAN BABY BANK ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ!

Раздался скрежет принтера, под экраном распахнулись створки и выползла бумага с печатью банка и адресом магазина, в котором Передонову полагалось получить приобретённую материальную ценность.

– Эх, сам виноват, быстрее соображать надо было, – вздохнул Передонов, с досадой скомкав в кулаке бумагу. Между тем на экране банкомата появились три строки:

**ОПЕРАЦИЯ С НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ
ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ОБМЕН В HALLOWEEN
ДИСКОНТ В ПЯТНИЦУ 13-ГО**

«А ведь карточкой можно воспользоваться три раза! – вспомнил Передонов. – У меня осталось две попытки. Ага, теперь материальные ценности не предлагают...»

Он навёл стрелку на «Операции с нематериальными ценностями», и вновь выплыл список:

ХОРОШИЙ АППЕТИТ – ОПЕРНЫЙ ГОЛОС – СПОКОЙСТВИЕ ДУХА – ХИТРОСТЬ – ЭКСТРАСЕНСОРНЫЕ СПОСОБНОСТИ – КРЕПКИЙ СОН – ВЛЮБЧИВОСТЬ – ЧУВСТВО ЮМОРА – РЕГУЛЯРНЫЙ СТУЛ...

Перечисление нематериальных ценностей растянулось строк на пятьдесят. У Передонова испортилось настроение: он понял, что выбрать будет ещё труднее, чем в первый раз. И, как и в первый раз, он заметил, что мозг начал работать медленнее обычного...

– Какой дурак придумал этот список, – злился Передонов, поспешно пробегая глазами строчки, – многое у меня и так есть.

Включились динамики, вновь загрохотала музыка, и на экране со щёлканьем стали сменяться алые цифры.

Десятка, девятка...

И вдруг Передонов увидел: «везение в игре №1», а далее, вслед за «писательским талантом», – «везение в игре №3», а чуть далее – «везение в игре №8».

Шестёрка, пятёрка...

– Конечно, «везение в игре», что там думать, – бормотал Передонов, – только что эти номера значат? Наверное, степень везения... Ага, вот и «везение №24» есть... Ещё больше? Есть! Везение №33!» И в тот момент, когда на экране вспыхнула единица, Передонов осторожно, чтобы не промахнуться, навёл стрелку на «везение №33» и нажал...

– Ай, молодца! Хоть теперь не подкачал! – с жаром прошептал он.

РАГАН ВАВУ БАНК ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ!»

РАЗДАЛСЯ СКРЕЖЕТ ПРИНТЕРА, ПОД ЭКРАНОМ РАСПАХНУЛИСЬ СТОРОНКИ И ПОЯВИЛАСЬ БУМАГА С НАД-

ПИСЬЮ: «ВЫ ВЫБРАЛИ «ВЕЗЕНИЕ №33» И ОТНЫНЕ ОБЛАДАЕТЕ УНИКАЛЬНЫМ ДАРОМ ВЫИГРЫВАТЬ...

Передонов посмотрел на часы – до закрытия казино ещё целый час.

– Успею отыгаться! Успею... – воскликнул он и осёкся, дочитав фразу:

...УНИКАЛЬНЫМ ДАРОМ ВЫИГРЫВАТЬ В НАСТОЛЬНОЙ ИГРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА «ВЕСЁЛЫЕ МАРТЫШКИ».

Передонову захотелось плюнуть в экран, на котором теперь осталось только две строки:

ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ОБМЕН В HALLOWEEN
ДИСКОНТ В ПЯТНИЦУ 13-ГО

Последний, третий шанс! Эх, была не была, пусть будет «Эквивалентный размен»! Никакого длинного списка на этот раз не появилось. Текст был совсем короткий:

В ПРЕДДВЕРИИ ПРАЗДНИКА HALLOWEEN PAGAN BABY
БАНК ИСПОЛНИТ ОДНУ ВАШУ МЕЧТУ. ПОЖАЛУЙСТА,
ВЫБЕРИТЕ ОДНО ИЗ ТРЁХ: ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА ДЕТСТВА –
ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА ЮНОСТИ – АКТУАЛЬНОЕ ЖЕЛАНИЕ.

– Конечно же, «актуальное желание». Надо отыгаться и выиграть! – не сомневался Передонов и навёл стрелкой на третью строчку. Но вдруг замер – он ощутил острую физиологическую потребность, обусловленную большим количеством выпитого накануне кофе.

– Ну, уж нет! Китодиновы штучки! – Передонов сощурился и погрозил пальцем банковскому автомату. – В третий раз я не позволю себя обмануть! Актуальное желание я уж после и сам справлю...

Он попытался вспомнить, о чём мечтал в детстве и в юности. Но, как ни напрягал свою память, никакой другой мечты, кроме как выиграть много денег, припомнить не мог. Хотя... Нет, пожалуй, ребёнком, да и в юности, он ещё не думал о деньгах, тогда было другое, вот, где-то в дебрях воспоминаний мелькнул зыбкий призрак... Шум какой-то... Что это?

Время истекало. И Передонов, не колеблясь, нажал на вторую строчку: «Заветная мечта юности».

Из автомата снова грянула музыка громче прежнего:

*Pagan Baby, won't you walk with me?
Pagan Baby, come on home with me...*

PAGAN BABY БАНК ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ИСПОЛНЕНИЕМ МЕЧТЫ ЮНОСТИ!

Створки распахнулись – никакой бумажки на этот раз не появилось, а выпал большой картонный конверт. На конверте была изображена смеющаяся физиономия рыжего Акмо Китодина. И надпись готическими буквами: «Любой живой звук снаружи лучше, чем частый деревянный стук изнутри». Передонов в нетерпении стал раздирать, рвать непослушными пальцами жёсткую бумагу.

В руках у него оказался виниловый диск группы «Creedence Clearwater Revival». Передонов достал пластинку из обложки – ни единой царапины на новой, блестящей чёрной поверхности, ни разу ещё не соприкоснувшейся с иглой проигрывателя...

Татьяна ЖИЛИНСКАЯ

Минск

Жилинская Татьяна Геннадьевна – поэт, актриса, бард, режиссер. Лауреат международной литературной премии им. Николая Гоголя «Триумф» и многих других. Академик международной литературно-художественной Академии (Украина).

Публиковалась в журналах «Новая Немига литературная» (Минск), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Молодая гвардия» (Москва), «Литературный европеец» (Германия), «Берега» и «Балтика» (Калининград), в канадской газете «Перекресток Виннипег» и других изданиях. Автор нескольких поэтических сборников.

Член Союза писателей Беларуси и Союза писателей Союзного государства, почетный член Союза русскоязычных писателей Болгарии. Член редколлегии журнала «Новая Немига литературная».

Работает старшим преподавателем кафедры теории и методики преподавания искусства Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. Живет в Минске.

КОЖЕЙ ТРАВУ ТРЕВОЖУ

Соломинка

Казалось, нет спасения...
 Жалея и кляня,
 Упрямое растение,
 Прорывом сквозь меня,
 Пронзает руку тонкую.
 Сквозь боль разлук и встреч,
 При жизни я – картоною –
 Пыталась уберечь
 От ветра стебель рябенький,
 Листок – от сквозняка...
 А здесь, дружок мой слабенький,
 Древесная тоска.

Давай, тянись к воробышку,
Что вздумал присмиреть.
Склевав надежды зёрнышко,
Решилась умереть.
Прескверное надгробие –
Зачем его на грудь?
Земная тьма недобрая,
Промозглый рыхлый путь.
Ни тропочки, ни щёлочки
На много-много лет.
Давай, моя метёлочка,
Увидим вместе свет!
Ты сильная, ты смелая!
Ты соком налилась.
Тяни за кожу белую,
Под ней угасла страсть.
Тебе – последней капелькой
Отдам порыв на жизнь.
Пробейся яркой крапинкой
И песней продержись
На две ладони просеки,
На три глотка воды,
Где дымчатые сосенки –
Защита от беды,
Тянись, моя соломинка,
Спасай меня, спасай...
С упорностью паломника,
Что дверцу ищет в рай.
И если все получится,
На свете погости.
Тянись, моя сподручица,
Твой час пришел – расти...

Я слова стелила тихо

Заглянуло в душу Лихо –
Выпивало «красное».
Я слова стелила тихо,
А спала – с напрасными.

Отменило жестом томным
Все дела неспешные,
Я молилась мыслям умным,
А в итоге – грешная.

Напугало взглядом пресным,
Как ружье двуствольное.
Я хотела песен честных –
А достались – вольные.

Угощало шоколадкой,
Речью, брызнув бойкою.
Я искала правды сладкой,
А нашла – лишь горькую.

Толку с этой вековушей
Мне петлять рассеянно.
Я спасала чью-то душу,
А свою – посеяла.

* * *

Сердобольные, отстаньте от меня.
У меня теперь не кожа, а броня.
От такой отрикошетит на авось,
И молитесь, чтобы мимо пронеслось.
У меня теперь не сердце, а гранит.
Не жалеет, не рыдает, не болит.

Не зовет, не проклиняет, а взамен
Нет напрасных слов и несуразных сцен.
У меня теперь не нервы, а канат.
Наплевать на то, кто прав, кто виноват.
И на мщение-прощенье наплевать.
У меня теперь что слово, то печать.
Припечатаю и знаю – я права.
У меня теперь не чувства, а права.
Столько лет себя теряла, вот нашла...
Даже радуюсь, что молодость прошла...

* * *

Словно с креста снятая,
Кожей траву тревожу.
Все же не *рас-пятая*,
Два или три – быть может.

Болью в строку свитая,
Нервами в дерн вступаю.
Горем не *раз-битая*.
Вечно иду по краю.

Кем-то не *рас-продана*,
Даже цела одежда.
И на вопрос: «Кто она?»
– Чья-то, – шепчу, – надежда...

* * *

Нет вечерней звезды в онемелом раю:
Звали «муж» моего, а «женою» – твою...
Невозможно друг к другу – осудит семья.
Что мой муж без меня, а жена без тебя...

Холод наших квартир, книг, вина, сигарет...
Строчки, письма, стихи, слезы, песни, Инет...
Ты – не пишешь теперь, я – теперь не пою.
Ты кроишь свой мирок... Я одежду крою...

Баба Нина и баба Валя

Побудьте со мной, отдохните немного.
С трудом добрали до земного порога.
Путь был непростым из-за облачной дали,
Скажи, баба Нина, скажи, баба Валя?

Я редко стремилась *«до вашага чаю»*,
Делиться успехом, улыбкой, печалью,
Рассматривать раны, седины, медали –
Твои, баба Нина, твои, баба Валя.

Последний раз, помню, была званым гостем
На светлом, осеннем, смиренном погосте.
Так мудро от нас, от земных *«паміралі»*,
Что ты, баба Нина, что ты, баба Валя.

Тихонько вдвоем собирались в дорогу,
«Дзеця́м» жизнь свою отписав понемногу.
С разбежкой в месяц *«ляглі ў зямлю кралі»*,
И ты – баба Нина, и ты – баба Валя.

Теперь пустота. Не прийти, не проведать.
Не спеть, не испечь, не спросить, не отведать...
Кому я скатерки стараюсь, крахмалу?
Зачем, баба Нина, зачем, баба Валя?

Ну вот, повидались, пора и обратно.
Там, с Богом, ведите себя деликатно...
Жемчужной росинкой на скатерть упали
Слеза бабы Нины, слеза бабы Вали.

Опыт перелома

Хватит кидать на пальцах: круг, треугольник, куб...
Солнце натёрло смальцем несколько снежных шуб.
Мех в светлых искрах. Скрип от чужих шагов.
Но не сомкнулись кругом всхлипы друзей-врагов.
Стайка слепых и строчных, разношрифтовых букв...
Кто разберет их почерк шепотом синих губ?
Холодно, мокро. Злая. Это – совсем не рай.
В ухо метель, играя, шепчет мне: «Засыпай...»,
Бисером, рисом, ватой, чистящим порошком...
Кто-то, не виноватый, хлопнет глухим смешком.
Видимо, поскользнувшись...
Жаль, ведь хотел помочь.
В память о самом лучшем сердце царапнет ночь.
В угол слезу загонит, пальцы сомкнет в печать.
Кто-то зовет и стонет – лучше не отвечать.
Кто-то шажком активным прочь от проблемы в ночь...
Кто-то, во всём повинный, будет тебя волоочь
По пустырям овражным – воротникам зимы.
Станут многоэтажны жесты глухонемых.
Мимика, взгляды, окрик, смелость чужих квартир.
Где-то шумит и спорит прямоугольный мир.
Там, где коварно ломкий старый седой февраль
Не подстелил соломки и не зажёт фонарь...

* * *

Люблю тебя, обворожитель мой,
И ты теперь люби меня такой.
С моей сумой, тоской и кутерьмой,
С большой котомкой за больной спиной.
Я твой укор, твой ропот и венец,
Ты искуситель, зрячий и слепец.
Не объяснить такое никому...
Быть может, мы разгадываем тьму
Простой любовью без постылых фраз.
И кто-то вечность вымолит за нас.
Пусть будет наш порыв необратим...
Мы не умрём...
Мы, может быть, взлетим...

Раф Айзенштадт

Дюссельдорф

Рафаэль Айзенштадт. Образование: среднее – медицинское, высшее – филологическое. До эмиграции жил и работал в Одессе. Эмигрировал в Германию в 1992 году.

Автор книг «Ах, эта жизнь эмигрантская наша», «Вечера на хуторе близ Германии», «Держу пари, что я еще не умер».

Президент международного поэтического турнира в Дюссельдорфе. С 2001 – 2010 гг. провел десять турниров, на финалы которых съезжались и слетались русскоязычные поэты Германии, России, Украины, Израиля, США, Австралии. Ежегодно издавал сборники турниров. В 2011 году издал заключительный сборник турнира «Золотая книга». Праздник «Золотой книги» прошел в Дюссельдорфе.

Организовал и провел в Дюссельдорфе с 2005 – 2006 гг. фестиваль культуры русских центров и еврейских общин городов земли Северный Рейн Вестфалия – 16 масштабных праздников культуры. А с января 2015 – май 2016 гг. проходил 2-й Фестиваль культуры еврейских общин городов NRW, в котором приняли участие 17 общин.

С 2002 года на севере нашей Земли в курортном городке Эрлингхаузен четыре раза в году проводит семинары культуры под названием «Творческие импровизации в Эрлингхаузене».

В Дюссельдорфе с 1998 года существует авторский театр – «Айзен Stadt-Theater», где силами труппы театра ставятся пьесы и инсценировки его рассказов на темы нашей эмигрантской жизни. За это время были осуществлены постановки: «Ревизор», «Записки сумасшедшего», «Вечера на хуторе близ Германии», «Майская ночь, или Утопленница», «Любовь моя Вероника, или Дюссельдорфский Пигмалион», «На коленях у Рембрандта».

С 1996 года является руководителем «Литературной Гостиной». За это время им проведено 200 заседаний.

Проводит вечера и культурные мероприятия в зале еврейской общины Дюссельдорфа.

Член редколлегии газеты «Neue Zeiten».

Член правления клуба «Neue Zeiten».

ЛЮБОВЬ МОЯ, ВЕРОНИКА (Дюссельдорфский Пигмалион)

История создания пьесы

Когда однажды, десять лет назад, между бесконечной беговой по всяким Amt'ам, Arbeitsamt'ам я совершенно случайно заглянул в этот сквер, то был в одночасье поражен и пленён стоящей там удивительной скульптурой, где мастерство скульптора восхищало, а прелесть и грация юного создания чуть кружили голову. Да, это была любовь с первого взгляда. На пьедестале две лаконичные строчки: Prof. Walter Schott «Die Kugelspielerin» 1902.

Просто информация для любого прохожего. И как-то слишком часто я появлялся там, задерживая шаг, а проезжая мимо сквера, среди густой зелени угадывал знакомый силуэт. Это была первая заноза в моей душе.

Через три года на экраны Германии вышел фильм «Comedian Harmonists», где рассказывалось о хоровом коллективе под этим названием, весьма популярном в 20–30 годы. Из шести солистов – четверо были евреи. Вот тогда-то, побывав на сеансе этого фильма, я впервые услышал песню «Вероника». Вот вам вторая заноза.

Третьей занозой стало гигантское здание Kaufhof'a на Königsallee. Хозяевами его до войны была еврейская семья, которую уничтожили в концлагере, а магазин конфисковали.

Четвертой занозой стала информация о скульпторе, который также погиб в тридцать восьмом году. И уже этот пепел стучал в моё сердце.

И этого оказалось более чем достаточно, чтобы появилась моя пьеса. Всё стало на свои места. Я представил себе, что девушку, которая позировала скульптору, звали Вероника, любимый её был из группы «Comedian Harmonists», а родители – хозяевами Kaufhof'a.

Вот так возникла эта скорбная история о прекрасной девушке, сгинувшей в печи крематория, но которую, смею думать, оживил я и сделал это не только для себя.

Когда я попадаю на эту величественную улицу, то иногда вспоминаю её промозглой, как в первую зиму своего пребывания здесь, запруженной безудержной рекой первого в моей жизни карнавала.

Königsallee – её неприступные витрины и щедрый дар её ежемесячных концертов в Kö-Galerie.

Я люблю, гуляя вдоль её канала, свернуть сюда, в этот небольшой сквер, где однажды открылись для меня юность и грация, прелесть и очарование милого создания в развевающихся одеждах – Jugendstil начала прошлого века. На постаменте две лаконичные строчки: Prof. Walter Schott «Die Kugelspielerin» 1902. Но в памяти возникает только 1938 год – год гибели скульптора.

Я не слышу тогда шума машин, ничего не слышу, а остаётся только тридцать восьмой год и эта девушка, так неотвратимо привлекающая моё внимание. Мне уже кое-что известно: и фамилия скульптора – Вальтер Шотт, популярного в те ещё доверчивые годы, и что сгинул он в нацистском концлагере.

Всё вязнет и тонет в пучине времени... и я уже не различаю, откуда этот стук, откуда эта боль... И этот стук... И эта девушка...

(В моем воображении возникает комната, в которой находится юная девушка и молодой человек.)

Вероника: Послушай, Вилли, что ты сидишь здесь, когда наши уже все там?

Вилли: Мне и здесь неплохо...

Вероника: Брось дуться... Сегодня же такая Party. Право же смешно. Это из-за Хорста?

Вилли: Индюка этого? Не смейся... Вырядился в эту дурацкую форму и думает, что-то изменилось. Как был последним в классе...

Вероника: Ты просто завидуешь.

Вилли: Как же...

Вероника: Конечно. Он уже штурмбаннführер. Командует батальоном.

Вилли: Придурков.

Вероника: Ты что? Тише... Уж кто-кто, а вы должны быть ему благодарны. Никто вас не трогает.

Вилли: Ещё бы.

Вероника: Ну, мы идем? Вилли!

Вилли: Никакой я не Вилли! Не Вилли... Вэлф я.

Вероника: Ну и что?

Вилли: А то, что и ты не Вероника, а Шейла.

Вероника: Подумаешь... Ну и сиди здесь со своими бумажками. (Собирается уходить.) Говорят, ты вчера исполнял что-то новенькое?

Вилли: Откуда ты знаешь?

Вероника: Эта песня обо мне? Да? Скажи!

Вилли: Просто песня.

Вероника: Там же Вероника...

Вилли: Ну и что?

Вероника: Ты можешь спеть? Сейчас. Я прошу.

Вилли: Ты правда хочешь?

Вероника: Перестань дуться, Вилли... Ой, молчу... Вэлф.
(Смеётся)

Вилли: Слушай. «Вероника».

Вероника: Я же Шейла.

Вилли: Так называется песня.

Исполняется песня «Вероника» на немецком языке.

*«Veronika, der Lenz ist da, die Mädchen singen Tra-la-la.
Die ganze Welt ist wie verhext,*

Veronika, der Spargel wächst.

*Ach Du, Veronika, die Welt ist grün,
drum lass uns in die Wälder zieh'n.*

Sogar der Großpapa, sagt zu der Großmama:

Veronika, der Lenz ist da.

Mädchen lacht, Jüngling spricht,

Fräulein woll'n sie oder nicht?

*Draußen ist Frühling!
Der Poet Otto Licht hält es jetzt für seine Pflicht,
er schreibt dieses Gedicht:
Veronika, Veronika, der Lenz ist da...»*

Вероника: Эта песня обо мне! Обо мне! Ты даже мою спаржу вспомнил. Спасибо, милый. Мы никуда не идем. Ну их!

Вилли: Но мне надо идти.

Вероника: Куда?

Вилли: У нас сегодня генеральная репетиция. Завтра концерт.

Вероника: Приходи потом ко мне. Я буду ждать.

Вилли: Я приду. Обязательно. Только жди! *(Покидает комнату.)*

Вероника исполняет песню на русском языке.

*«Вероника, весна пришла, поют девчонки тра-ла-ла.
Весна пьянит, как бужеле, и спаржа скоро на столе.
Смотри, Вероника, как всё цветет,
зеленый лес к себе зовёт.*

*И даже Grosspapa воскликнул: Grossmama,
Вероника, весна пришла!
Ей смешно – ему нет: любит Fräulein или нет?
Солнце смотрит в лужи.*

*И поэт Отто Лихт сочинил весенний стих
После зимней стужи.*

*Вероника, весна пришла, поют девчонки тра-ла-ла!
Весна пьянит, как бужеле, и спаржа скоро на столе.
Смотри, Вероника, как всё цветет,*

зеленый лес к себе зовет.

*И милый, старый Grosspapa
воскликнул доброй Grossmama:
Вероника, весна пришла!»*

В это время раздаётся клаксон автомобиля. Она нервничает, бросается к двери. И я в своем воображении мысленно оказываюсь в этой комнате, в этом 1938-м году.

Я: Не надо... Идти.

Вероника: Ой, кто это?

Я: Не знаю, как объяснить... Но я – друг.

Вероника: Где вы? Что за шутки?

Я: Здесь уже не до шуток. Какой у вас сейчас год?

Вероника: Вы что? С луны свалились?

Я: Серьёзно.

Вероника: Тридцать восьмой.

Я: А число?

Вероника: Да бросьте вы...

Я: Это важно. Я потом расскажу.

Вероника: Девятое ноября.

Я: Хрустальная ночь.

Вероника: Как красиво... Как в сказке...

Я: В страшной сказке, Вероника. Вы должны бежать! Спастись!

Вероника: Бежать? Почему, куда?

Я: Не знаю. Знаю только, что сегодня вечером по всей Германии будут громить, жечь, убивать.

Вероника: Зачем? Кого?

Я: Евреев.

Вероника: Но этого не может быть! С чего вы взяли? И вообще, откуда вы?

Я: Я не могу вам всего объяснить, но вы должны мне верить.

Вероника: Что будут жечь, убивать? Чушь! Это же Германия! Двадцатый век.

Я: Но вашу синагогу сожгли.

Вероника: Какую?

Я: На Kasernenstrasse.

Вероника: Как это? Она же огромная. Каменная.

Я: Сейчас на этом месте памятный камень.

Раздается требовательный сигнал авто.

Вероника: Но у меня сегодня Party. И вообще... О чём вы говорите? Мой папа – хозяин Kaufhof'a на Königsallee. Нас все знают! И любят...

Я: Вот поэтому.

Вероника: Но кто вы? И откуда обо мне узнали?

Я: Я знаю вас уже десять лет. Я люблю смотреть на вас...

Вероника: Что вы такое говорите?

Я: Нет... То есть да... На вашу скульптуру.

Вероника: Мою?

Я: Я просто представил себе, что была девушка, которая позировала скульптору, и этой девушкой были вы.

Вероника: Ах, вот оно что? Она ещё стоит? А это когда? В каком вы году?

Я: Тоже девятого ноября, но только 2003 года.

Вероника: Это не может быть!

Я: Чего?

Вероника: Я уже не знаю, чего. Я боюсь вам верить. Я боюсь...

Я: Вероника, родная...

Вероника: Что вы такое говорите?

Я: Слушайте! Я знаю вас уже десять лет, и теперь знаю, что люблю...

Вероника: Как это? Но мы ведь не знакомы... А Вилли?

Я: И Вилли вашего люблю, и его песню.

Вероника: Правда? Она вам нравится? Он – просто чудо.

Я: Мне очень нравится группа «Comedian Harmonists».

Вероника: А как же он? А папа, а мама? Все мы?

Я: Вам надо уезжать из Германии. Все бросить и бежать.

Вероника: Как это? Всё бросить... А наша вечеринка? А магазин, а подруги? Мой Дюссельдорф? Это невозможно!

Я: А эта ночь? А шесть миллионов погибших евреев, а война?

Вероника: Какая война? Миллионов? Евреев?

Я: Да! Да!

Вероника: Это неправда... Правда? Это ведь сон?

Я: Мне и самому до сих пор так кажется.

Вероника: Ой! Что это? Там на улице какие-то люди! Они громят наши витрины. Наш Kaufhof. Там же папа! Мама! Всюду факелы... Их море... *(Некоторое время её не слышно.)*

Я: Вероника!

Вероника: Они идут! Откуда вы узнали?

Я: Так было.

Вероника: Что же делать? Они поднимаются!

Я: Бегите чёрным ходом! Бегите ко мне в сквер!

Вероника: Куда?

Я: Туда, где скульптура с шаром.

Вероника: Вы там?

Я: Да!

Вероника: Бегу! *(Пронадаёт.)*

Я: Господи! А что теперь? Что я ей сказал?

Это же шестьдесят лет назад. Господи, когда я хожу по этим улицам, меня не покидает ощущение, что это было здесь. И мне здесь хорошо, и я не могу забыть. И как теперь быть... Когда она прибежит. Может, сильно захотеть... Зажмуриться... Хотя бы во сне... Ты бредишь... А девятое ноября? А эта ночь? Хрустальная.

Издалека слышна мелодия «Вероники». Она приближается. Совсем близко. В скверик вбегает ослепительной красоты девушка и в нерешительности застывает передо мной.

Вероника: Вы?

Я: Вы? Вероника?

Вероника: Но как это? Я даже не знаю, как вас зовут. Я даже не знаю – я здесь или вы там.

Я: Слава Богу, вы здесь. Я тоже не знаю, как это... Может, надо только сильно захотеть... обоим... в один и тот же день... и в эту ночь... А может быть, теперь мир стал миром?

Вероника: Давайте же познакомимся: Вероника, то есть Шейла...

Я: Вилли.

Вероника: И вы?

Я: Теперь – да.

Вероника: Боже! Но я их бросила! Как мне теперь вернуться? Они пропадут!

Я: А вы?

Вероника: Это не важно (осматривается). Как здесь тихо. Который час?

Я: Половина двенадцатого.

Вероника: Так поздно. Мне надо бежать.

Я: Куда?

Вероника: Я не знаю.

Я: Вы здесь в безопасности.

Вероника: А они?

Я: Они ещё смогут спастись. Все бросить и бежать.

Вероника: Куда?

Я: В Америку, Англию. Через три года немцы захватят всю Европу, а в 41-м начнут войну с Россией.

Вероника: А Вилли?

Я: Я знаю только, что группа «Comedian Harmonists» эмигрировала в Америку.

Вероника: А я?

Я: Но вы уже здесь. Вы спасены.

Вероника: Как же предупредить моих? Всех.

Я: Это невозможно.

Она садится рядом. Дрожит. Я набрасываю на неё плащ.

Вероника: Сколько света... А витрины... Какие машины... А вот там наш Kaufhof. Был...

Я: Он и сейчас стоит.

Вероника: А я?

Я: Что?

Вероника: Моя скульптура? Где?

Я: Вот же она.

Вероника: Я ничего не вижу.

Я: Как это... *(В растерянности оглядываюсь.)* Но вот же её пьедестал... Только что была... и восемь лет... стояла. *(Смотрю на неё.)* Шар... У вас в руке шар...

Вероника: Откуда?

Я: Это вы. Я уже ничему не удивляюсь. Эта странная ночь.

Вероника: Хрустальная ночь. Ой... Там кто-то есть... Я боюсь... *(Инстинктивно прыгает ко мне.)*

Я: Что вы... Это ветер... Или кролик в кустах.

Вероника: Да нет же! Там кто-то с фонарем.

Резкий свет фонаря освещает попеременно их лица – то одно, то другое. Появляется Хорст.

Хорст: Halt! Стоять на месте! Вам уже ничего не поможет.

Вероника: Хорст? Ты? Какое счастье! Ты нас спасешь! Как твоя Party?

Хорст: Это уже неважно. Мы накануне великих дел! Теперь весь мир узнает, что мы...

Я: Банда негодяев!

Хорст: Молчать! Юде! Думаешь, спрятался здесь? *(Свистит.)* Polizei!

Я *(Веронике):* Не бойся. Это мираж. Пустой звук.

Хорст: А это ты скоро узнаешь – пустой или не пустой... Заключей проволокой. И твои любимые «Comedian Harmonists» *(Поёт издевательски.)* «Lebe wohl, gute Reise...»

Вероника: Не смей!

Хорст: Теперь будут другие песни! Наши!

Я: Нет! *(Включаю магнитофон. Звучит песня):*

«Lebe wohl, gute Reise, und denk' an mich zurück!

Lebe wohl, gute Reise, denk' an das Glück!

Denk' an die Stunden, da wir voller Seligkeit,

so allein zu zweit das Glück gefunden

Lebe wohl, gute Reise, vergiss mich bitte nicht!

*Denk' daran, was mir leise dein Mund verspricht.
Gib mir Mut für die grauen Stunden,
bald bin ich ohne dich.
Lebe wohl, gute Reise, und denk' an mich.
Sieh mal nach, ob du auch nichts vergessen hast.
Hast du auch, liebes Herz, all' deine Schuh'?
Die Hüte dazu?
Und den schönen Nerz?
Hör mal: jeden Tag erwart' ich Post von dir,
Gleich morgen, wo du bleibst
Und vergiss mich nicht ganz über Skilauf und Tanz,
und dass du mir schön schreibst!
Lebe wohl, gute Reise...»*

Хорст: *(время от времени старается перефразировать):*
Deutschland! Jude! У вас осталось 2 минуты. Шейла, я пришел за тобой!

Вероника (мне): Прощай...

Я: Нет, ты останешься! Не будет этого! Ты нужна здесь. *(Подвожу её к пустующему пьедесталу.)* Вот твое место – и навсегда.

Вероника: Вилли... Я не хочу опять терять... Это одиночество...

Я: Здесь ты не будешь одинока.

Вероника *(становится на пьедестал в позу «девушки с шаром»):* Я люблю тебя.

Рядом со мной опять скульптура «Die Kugelspielerin». Теперь она навсегда останется для меня «Вероникой», а шар её – посланием из прошлого к нам, чтобы мы никогда не забывали. Не могли забыть.

Я: Я люблю тебя...

Хорст: Всё! Время вышло! Шейла!

Я: Здесь нет никого. Только скульптура. Взгляните.

Хорст: Тогда ты! Мне всё равно!

Я: Я готов... (Пою.)

*В добрый путь и удачи, не говори – прощай!
В добрый путь, нашей встречи не забывай.
Ах, эти дни и мгновенья чудесные!
С нами был весь мир, а мы вдвоем.*

Вероника:

*Улыбнись на прощанье
И трогай, в добрый путь!
Про свои обещанья, молю я, не забудь!
Дай мне сил для безрадостных будней,
Без тебя сгорит мне в огне.
В добрый путь и удачи! Помни обо мне!*

Бьют часы 12 раз. На сцене застывшая фигура «Kriegsspielerin». Всё исчезло, как наваждение.

Я (проходя по авансцене): Когда я хожу по улицам этого, уже ставшего моим, города, любуясь изысканными витринами, я вижу иногда в них неясные отражения той жизни – с огромной, ещё не разрушенной синагогой на Kasernenstrasse, с твоей лёгкой фигуркой, Вероника, в развевающихся одеждах. И тогда всё отступает куда-то, и я стою в недоумении, оглядываясь по сторонам. Где я? Что это? Но это быстро проходит. Да и было ли? И опять город полон жизни, людей. Но без тебя... Вероника. (Ухожу.)

Скульптура (оживает):

*«Улыбнись на прощанье
И трогай, в добрый путь!
Про свои обещанья, молю я, не забудь!»*

*Дай мне сил для безрадостных будней,
Без тебя сгореть мне в огне.
В добрый путь и удачи!
Помни обо мне!»*

*Перевод стихов на русский язык Беллы Гулиевой
и Аркадия Равиковича*

Владимир СЕМЧУК
Вупперталь

КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ ВУППЕРТАЛЯ

9 сентября 2018 года в очередной раз отмечался День памяти жертв Бабьего Яра, одного из самых страшных символов Холокоста. С 29 сентября по 11 октября 1941 эсэсовцами и их добровольными помощниками было истреблено почти всё еврейское население Киева – более 50 тысяч мужчин, женщин и детей. Похожая трагедия произошла и в Мариуполе, где осенью того же года расстреляли около 12 тысяч евреев – практически всех (спаслись единицы, в их числе моя троюродная родня). Менее масштабное, но, как правило, поголовное истребление советских евреев, не успевших эвакуироваться, происходило на всех оккупированных фашистами территориях. Ни в чём не повинные люди становились жертвами нацистской политики окончательного решения еврейского вопроса, приведшей в итоге к исчезновению с лица земли 6 миллионов евреев...

Как известно, основы будущего Холокоста были заложены в Германии. После прихода Гитлера к власти в 1933 году началась политика, направленная на изгнание из страны евреев – кстати, в основе своей вполне лояльных граждан, много сделавших для процветания страны: к примеру, 24 процента лауреатов Нобелевской премии из Германии были евреями по происхождению. Разгул нацистской пропаганды, избиения евреев, сжигание книг еврейских авторов становились повседневной реальностью: страх и ужас поселились в сердцах людей. В сентябре 1935 года были приняты «Нюрнбергские законы», лишившие евреев гражданских прав. Полумиллионному еврейскому населению не стало места в Германии, но трагедия в том, что и деваться ему было некуда! Впрочем, однажды такой шанс появился. До ночи сож-

жённых синагог в ноябре 1938 года оставалось совсем немного, когда 6 июля 1938 года во французском городке Эвиан по инициативе президента США Рузвельта, понимавшего, как впрочем, и большинство руководителей других государств, куда всё идет, была созвана специальная международная конференция. В её задачи входило продвижение еврейской эмиграции из Германии и Австрии, а также создание международной организации, которая занялась бы этой проблемой. 32 страны, включая США, Великобританию, Францию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию и ряд других стран Европы и Латинской Америки, приняли участие в этой конференции. И ни одно (!) государство не согласилось принять у себя евреев...

Что было потом, мы знаем... Но знаем мы также и то, какие уроки извлекли немцы из трагической истории прошлого века. Главный из них – не предавать забвению преступления нацизма.

Оригинальное решение этой проблемы предложил в 1994 году художник из Кёльна Гюнтер Демниг. В память о жертвах нацизма – евреях, цыганах, Свидетелях Иеговы, гомосексуалах, левых, участниках Движения Сопротивления и других – устанавливать на мостовых и тротуарах страны окованные латунью «камни преткновения» (Stolpersteine) с именами, годом рождения, годом и местом смерти человека, загубленного гитлеровским режимом. К апрелю 2015 года было установлено 50000 камней в 1200 городах и населенных пунктах Германии, Австрии и других европейских стран. Чтобы их жители, проходя мимо, остановились, прочитали, вспомнили... В Вуппертале таких камней 186. Фотохудожник Владимир Семчук заснял их все. Перед вами некоторые из них.

Владимир Авцен

Матвей Грубиян
(перевод с идиш Владимира Авцена)

ДЫМОХОД

Мое горло – труба.
Сквозь нее к небесам
опаленные души вздымались дымами.
Черный пепел мой разъедает глаза,
Не росую я их на заре обмываю,
а слезами и кровью своих татэ-мамэ.
И пока я врасплох не застигнут судьбой,
и пока для стиха мне дыханья хватает,
я живу как проклятие тем, кто мечтает,
чтобы горло мое
снова
стало
трубой.

Luisenstraße 124

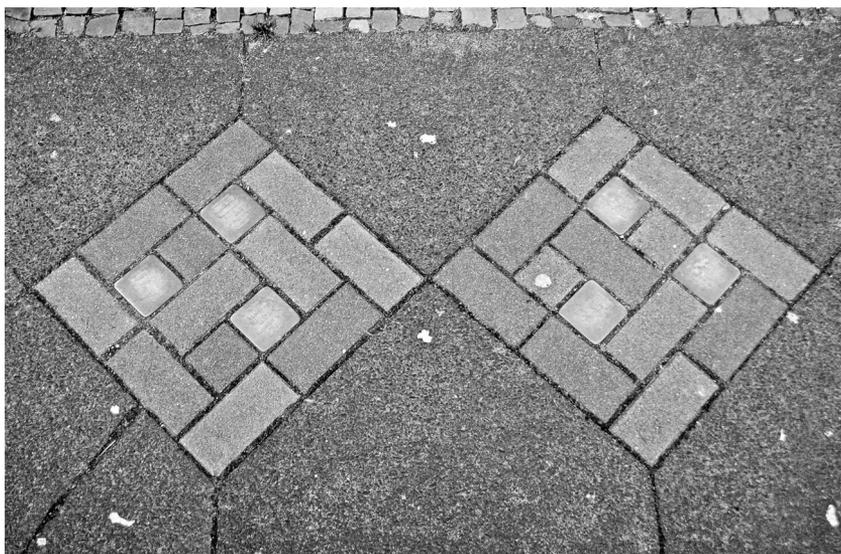
HER WOHNTE
EMIL HIRSCHBERG
JG. 1883
DEPORTIERT 1943
ERWURDE IN
MINSK

HER WOHNTE
HENETTE
HIRSCHBERG
JG. 1886
DEPORTIERT 1941
ERWURDE IN
MINSK

HER WOHNTE
SAMUEL ZUCKERMAN
JG. 1878
DEPORTIERT 1941
LÖSE
ERWURDE 8.5.1942
IRELAND

HER WOHNTE
SOPHIE ZUCKERMAN
JG. 1883
FLUCHT FRANKREICH
INTERRIEST GANCKE
DEPORTIERT 1942
AUSCHWITZ
ERWURDE 16.11.1942

Наталья МЯГКОВА

Львов

БАБУШКА И СУЛАМИФЬ

Сегодня мой первый в жизни выходной, то есть так называемый методический день. Неделю назад, как-то неожиданно для самой себя, я устроилась на работу в школу. И учебный год сразу же свалился мне на голову тремя параллелями классов, стопками тетрадей, ночными бдениями над конспектами уроков. И сегодня, прекрасным солнечным сентябрьским днем, я бы с удовольствием отдохнула и погуляла по парку. Но нужно быть дома. Потому что мама спешит на работу. А в комнате, которую уже двадцать с небольшим лет мы делим с бабушкой на двоих, умирает бабушка. Ей 82 года, она сидит в кресле, обложенная со всех сторон подушками, и вовсе не мучается. Еще месяц назад бабушка ходила, говорила и даже готовила обед, тяжело передвигаясь по кухне с помощью табуретки. А потом она как-то сникла и потихоньку начала угасать. Вначале нужно было помогать ей ходить, потом перекладывать с кресла в кровать. Постепенно она утратила аппетит, перестала есть и говорить. Начала погружаться в долгий сон-забытье. Бабушка и сейчас мирно спит и дышит спокойно, глубоко и размеренно. Поэтому в нашем доме нет ощущения трагизма происходящего. Кажется, что глубокая тонкая всепроникающая печаль разлита в воздухе. Я не хочу оставаться с бабушкой одна, но мама уходит, и сейчас мое дежурство.

– Я купила синенькие, порежь их продольными дольками и обжарь в масле, будем вечером закрывать в томате, – говорит мне она.

– Хорошо, – отвечаю я, хотя, по моему мнению, любые дела по хозяйству сейчас неуместны. Но с мамой лучше не спорить, ей и так тяжело. Она не хочет оставаться наедине с гнетущей тишиной и страхом смерти любимого человека и поэтому не-

вольно цепляется за привычный ритм жизни. И когда мама уходит, осторожно прикрыв входные двери, послушно плетусь на кухню и беру в руки нож.

Вообще-то я очень плохая хозяйка. Дольки получаются у меня кривые и неравномерные. Бабушка, глядя, как я работаю, всегда говорила: «Руки у тебя не оттуда выросли». Я и сейчас невольно оглядываюсь на дверь, мне кажется, что вот сейчас она войдет, увидит мою работу и отругает меня. И стараюсь исправиться. Но через время качество разделки баклажанов перестает меня волновать. Завтра у меня первый урок литературы в одиннадцатом классе. «Песнь песней» Шолом-Алейхема. Детей боюсь просто до дрожи в коленях. Особенно одиннадцатиклассников. На урок русского языка пришли веселые, взбудораженные, полные впечатлений от летних каникул. Мальчики – в футболках, джинсах, с серьгами и тоннелями в ушах, девочки – в коротких юбках, с накрашенными ресницами и губами. Наверное, завуч еще не успела провести воспитательную работу. Все – вольные птички, которых вдруг согнали и заперли в клетку, да еще и пытаются научить петь!

Может, это и хорошо – говорить с ними о любви тогда, когда у них еще свежи впечатления о летних тусовках, дискотеках и пляжах. Только как же начать? Лучше, наверное, с притчи о Соломоне и Суламифи. Но как рассказать эту историю современным детям? Старейший мужик с сединой в бороде, у которого было 700 жен, 300 наложниц и еще без числа рабынь, встретил тринадцатилетнюю девочку и понял, что вот – наконец-то это оно, настоящее чувство. И наговорил ей столько красивых слов, что сердце девочки мгновенно загорелось ответной страстью. Современные дети, очень просвещенные в некоторых вопросах, тут же назовут Соломона педофилом, а Суламифь окрестят лолитой...

Но рассказать надо, только, может быть, немного сместить акценты. Вот возьму и спрошу у них: «Как вы думаете, почему говорят – влюбленные живут в раю?» Как так получается, что живет себе человек живет, ходит в школу или на работу, гото-

вит кушать, покупает одежду, слушает музыку, смотрит телек – и вдруг – бац! Вмиг всё меняется и жизнь приобретает новый, особенный смысл. Вот как Шимек, например, для которого с появлением Бузи деревня, где жила его семья, превратилась в виноградник царя Соломона.

Пока я рисовала в воображении рощи бальзамические да роскошные грозди винограда, покрытые утренней росой, незаметно для себя справилась с порезкой синеньких. Ну уж как смогла. Кладу нож и захожу в комнату посмотреть, как там бабушка. Она спокойно спит, как и раньше. Мне хочется окликнуть ее, но я не решаюсь. Интересно, снится ли ей что-нибудь или ее забытье слишком глубоко? Бабушкино лицо расслабленно, кажется очень умиротворенным. Большие жилистые руки безвольно опущены на подлокотники. Вообще-то бабушка редко бывала спокойной и довольной. И никогда не сидела сложа руки. Начиная с пяти лет, когда, оставшись сиротой, чтобы не умереть с голоду, нанялась пасти гусей у соседей. В семь лет она уже нянчила чужих детей. А потом – то приимы, то наймы, скитания по чужим домам. И так до тех пор, пока ей уже от завода не выделили комнату в коммуналке, куда она переселилась вместе с маленькой мамой. Бабушка всю жизнь работала, учиться было некогда. Даже читать она толком не умела. Помню, возьмет в руки отрывной календарь, оторвет листочек и читает по слогам текст на обороте, водя заскоружлым пальцем по строчкам. Или меня просит. Календари – это еще ничего. Хуже всего было, когда мы с ней читали инструкции к лекарствам.

– Вот почитай мне про эти таблеточки...

– Ба, это от давления.

– Ты всё читай, не пропускай ничего.

И зачем ей надо было вслушиваться в непонятные фармацевтические термины?

Бабушка не была красивой. Даже на той молодой послевоенной фотографии, где завитые локоны выбиваются из-под берета. Слишком сосредоточенным и настороженным было

ее лицо. Несколько месяцев счастливого замужества не смогли смягчить его черты. И замуж вышла поздно, в тридцать лет, и муж вскоре после женитьбы погиб в русско-финской войне, и больше ни с кем так и не познакомилась. Почему, бабушка? Ты говорила, что как-то посватался к тебе мужчина, да маленькая мама устроила такой скандал, что ты вынуждена была ему отказать. Но, бабушка, разве можно идти на поводу у пятилетнего ребенка? Ведь главное, чтобы человек был хороший и тебе с ним было хорошо. А с капризной мамой они бы со временем поладили. Ведь она отца своего и не видела никогда, родилась, когда он был на фронте, а может, его уже и в живых не было.

В бабушкиной сумочке, вместе с пенсионным удостоверением, нашими крестильными крестиками и потускневшими от времени обручальными кольцами, лежит фотография мужа, присланная с фронта. Дедушка был настоящий красавец. У него удивительное лицо, правильной формы с округлым подбородком, маленький аккуратный нос, удивленно приподнятые брови над глубоко посаженными карими глазами, стройная осанка. На обороте фотографии письмо, которое начинается словами: «Драгоценная моя Домнушка...» Что ж, эти три слова – уже сами по себе рай, в котором когда-то жила она и была прекрасной, нежной и желанной Суламифью.

Некоторое время постояв возле бабушки, прислушиваясь к ее дыханию, возвращаюсь на кухню. Ну вот, теперь эту гору баклажанных долек нужно обжарить.

Бабушка и сама не считала себя красавицей. Она не раз рассказывала мне:

– Разденусь, смотрю, бывало, на свои ребра в зеркало – и плачу, одни кости торчат.

Как же я завидовала ей, когда слушала это! Я тоже люблю раздеться и посмотреть на себя в зеркало. Только вот ребра почему-то не видны, и даже прощупываются с трудом. А когда вертелась перед зеркалом в новых джинсах, лучше уж было бабушкиного мнения и не спрашивать...

– Ба, я не толстая?

– Внученька, в нашей семье, слава Богу, худых нет!

«Сильный ветер срывается в эту секунду и треплет на ней легкое платье и вдруг плотно облепляет его вокруг ее тела и между ног. И царь на мгновение, пока она не становится спиной к ветру, видит всю ее под одеждой, как нагую, высокую и стройную, в сильном расцвете тринадцати лет; видит ее маленькие, круглые, крепкие груди и возвышения сосцов, от которых материя лучами расходится врозь, и круглый, как чаша, девический живот, и глубокую линию, которая разделяет ее ноги снизу доверху и там расходится надвое, к выпуклым бедрам».

О чем только я думаю? Разве сейчас подходящий момент для этого?

Кухня наполнилась едким дымом – я и не заметила, что неуклюжие дольки баклажанов успели сильно подгореть. Зачем только я взялась за готовку?

В комнату к бабушке проник кухонный чад, и это меня очень расстраивает. Последнее, что вдыхает в жизни моя бабушка, это горький дым, и всё по вине непутевой внучки, которая до сих пор так и не научилась готовить.

Я лучше просто посижу рядом с тобою, ба. Может быть, ближе, чем сейчас, мы с тобою уже никогда не будем. Ни в каком из миров и ни в какой из будущих жизней. Я думаю о любви, ба. О тебе, о себе и детях, к которым завтра пойду на урок. Почему сильна, как смерть, любовь? О чем это? О всепоглощающем пламени страсти или о том чувстве, которое больше, чем страсть? О том, что только любовь способна наполнить жизнь смыслом? Или о том, что истинно любящий человек придет к концу жизненного пути благодарным и умиротворенным путником, который обошел весь мир и счастливо вернулся домой?

Я не знаю, бабушка. Но обязательно закончу мой урок этим вопросом. Потому что вопрос – это начало, ответ – это конец. А начало, даже самое печальное, всегда лучше самого счастливого конца.

Ольга БЕШЕНКОВСКАЯ
(1947 – 2006)

Пушкин и Керн

1

Его толкали, обнимали,
Он ничего не замечал.
Он видел в зеркале рояля
Как лиру – линию плеча...
Опять Она... Опять фатально...
Опять смертельно и шутя
Влюблен в гостиную на Фонтанке
Повеса, гений и дитя.
Метелит бальная погода,
Заносит в дерзости опять...
Ещё до Юга – больше года.
И до Михайловского – пять...

2

Потом смотрел почти спокойно
На приоткрытое плечо...
Потом арапской масти кони
Раздули ноздри горячо...
Адье, салонное позёрство
И платьев трепетных пурга –
На шаловливую позёмку
Свалились тяжкие снега...
И тешит светом серебристым
Уже не люстра, а луна,
Хотя ещё по декабристам
Звонить не начала она...

Ещё запястья их сковали
Манжеты, а не кандалы,
А он уже в пути...
Едва ли
Мечты о будущем светлы.

3

Переложить на тяжесть трости
И тяжесть изгнанной души...
Он ходит к Осиповым в гости,
Французским балуясь в глуши.
Течёт брусничная водица.
Не стынет яблочный пирог.
И новый снег заносит лица
Далёких женщин...
И порог...
Что день, что месяц – одинаков.
Столица творчества – и глушь.
А ночь смеялась черным лаком
И разливала лунный пунш!
И он застыл на полуслове,
И в пальцах дрогнула свеча:
Откуда здесь – надменный профиль,
Как лира – линия плеча?

4

Аннет – как нет...
Зизи, потише!
Что это, сказка или быль?
С крыла рояля фирмы «Тышнер»
Как будто вдруг смахнули пыль...
Как неожиданно и странно:
Луна и пруд... Она и он...

О как продлить мгновенье, Анна!
Вечерний звон... Печальный звон...
Поскольку встреча и прощанье –
Мгновенье чудное одно,
Ему ли верить в обещанья –
Давал и сам... И не одно...

5

Пусть губы стонут, очи стыннут,
И в сердце – ноющая боль,
Поэту жаловаться стыдно
На безответную любовь...
Звенели по снегу полозья,
И становилось веселей,
И линовали тени сосен
Страницы чистые аллея
Не для неё...
Она оценит
Не грустный воск луны и свеч.
Она объявится на сцене –
Живая подлинная вещь...
Опишет юных строк рожденье
В морщинах дряблая рука...
...Век – мимолетное виденье,
Мгновенье Гения – века...

Литкафе

Здравствуйте! Вы пишете стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, вы нам – свое реальное стихо- или прозотворение.

Здравствуйте! Вы любите стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, реальные стихи и рассказы, вы нам – ваше доброжелательное внимание: ведь авторы, даже очень самоуверенные с виду, всегда волнуются...

Согласно Уставу, в кафе каждый раз будут приглашаться всё новые и новые авторы. Прежним остаётся только место встречи. Его, как мы помним, изменить нельзя.

Добро пожаловать!

Михаил ЖИНЕР

Обон

Дине

Жена молила: «Приезжай в Париж!»
А эта Дина (и какой-то Стриж)
Слезой брала: «Когда страна на грани
Безумия, ужели ты сбежишь?»

Ты, – говорила, – нашим злом изранен.
Ты, – говорила, – русский наш поэт!»
Спасибо, Дина. Уже много лет
Конфет ей всё хочу послать в Израиль.

Челночок

Птичка певчая синичка
Защечечет и молчок.
В речке быстрая водичка,
А по речке – челночок.

А вдоль речки – то овечки,
То лошадки, то бычки,
Камышей тугие свечки
И кувшинок светлячки.

А вдоль речки – рощи, чащи
Да песочные мысы,
Дух ядреный, настоящий
Средне-русской полосы.

Проплывут в многозначенье –
Тут запруда, там мосток.
В русле среднего течения
Ускоряет речка ток.

Челночок волною плещет,
Ветром утренним гоним.
Вечер мчит ему навстречу.
Вечность тянется за ним.

А под вечностью беспечен
И на вечность обречен,
Человечек, человечек,
Человечек – червячок.

Бутылочка

Б О

Девочка милая в розовом платьице,
чья у нас слёзки солёные?
Не подбирай её, пусть себе катится
эта бутылка зелёная.

Девушка, школьница, мамина милочка.
Жалится, колется улица...
Крутится-вертится звонко бутылочка...
сладко ночами целуется.

Женщина, тетка в берете мохеровом,
не колыхай ты фигурую.
Снова родного бутылочкой белого
балуешь, дура ты дурую.

Бабка, бабулька с посудой порожнею,
Сходня, Таганка, Бутырочка...
...а по асфальту дорожкой божьею
катится дальше бутылочка.

Сонет языку

Я знакам твоим не обучен,
Но звук возникает из книг,
На вдохе – колюч и на выдохе – звучен,
Мой древнееврейский язык.

Я чую его приближенье,
как дальний порог болевой.
Моё горловое суженье
Ещё не узнает его.

Когда, словно в новое русло,
В словарь подготовленный русским
Гортанный войдёт этот слог,

Чтоб древняя память воскресла –
Тогда я спою мою песню,
Которую вспомнить не мог!

Ночь на подоконнике

Художнику Сашке Рабину

Что так, что эдак пролистнул –
Все начинается с обложки
И возвращается назад,
Какой тропинкой не пойти.
Ты, снова ночью не уснув,
Сидишь у жизни на окошке,
Пытаясь вычислить звезду
Для направления пути.

Что в лоб, что по лбу – все одно.
В который раз начав с начала,
Никак тебе не разучить
Банальной песенки куплет.
Кончай коситься на окно.
Кому от этого легчало?
А что печальное кино –
Такой уж вытянул билет.

За сорок лет, за сорок бед
Кого пошлют за прокурором?
Кто камень греет за спиной,
Кто сердце вычислил в упор?
Не знаешь правильный ответ? –
На, подпишись под приговором.
Покуда сам себе судья,
Тебе не нужен прокурор.

Лев КАЗАРНОВСКИЙ

Нойс

ЙОСЬКА

Мои родители всегда называли город, в котором они жили до войны, Двинском. И так его называли все их земляки, перебравшиеся в Ригу. Поэтому я однажды стал спорить с одной латышкой, которая доказывала, что уже после революции город назывался современным именем – Даугавпилс. К моему удивлению, она оказалась права. Это говорит о том, что переименовывать города не имеет смысла – горожане до конца жизни будут называть его так, как знали с детства.

Непременным атрибутом любого маленького провинциального городка является местный сумасшедший. Эпитетом «мишугинер» (сумасшедший) родители нередко награждали некоторых своих знакомых. Например: «Вы слышали, старик Александрович женился на молодой? Мишугинер». В Двинске тоже был свой «мишугинер». Звали его Йоська. В отличие от старика Александровича, который хоть и женился на молодой, но в остальном был вполне нормальным человеком, Йоська был настоящим сумасшедшим. Одним из признаков его безумия было то, что он ко всем без исключения людям относился доброжелательно и всячески старался угодить. В частности, когда он видел, что хозяин зовёт свою собаку, а та не реагирует, он подходил к собаке, наклонялся к её уху и говорил: «Вам зовуть!».

Жил он с того, что прохожие кидали ему подаяние. Одет он был, как и все нищие, в лохмотья, но однажды одна дама подарила ему настоящую шубу. Шуба была женская, слегка покусанная молью, но Йоську это не волновало, и, пока были холода, он проходил в шубе, как какой-нибудь король. Однако следующую зиму он опять встретил в своих обносках. Когда сердобольная дама его снова встретила, то, конечно, поинтересовалась: «Йоська, а где же твоя шуба?», он безмятежно ответил:

– А я её обменял.

– Как?! Почему?

– А было лето. Жарко.

Сумасшедшие более счастливые люди, чем мы. Они не заглядывают слишком далеко в будущее.

И ещё у Йоськи был собственный бизнес. Когда горожане перебирались на дачу, они поручали Йоське дотащить до железнодорожного вокзала их баулы. Взять извозчика стоило дорого, а у Йоськи всегда была одна такса. Сумму не помню, но это не важно, пусть будет 50 сантимов. Однако некоторые жители, зная, что имеют дело с сумасшедшим, пытались сэкономить.

– Да ну, какие 50 сантимов? 25 тебе хватит.

Йоська никогда не спорил, двадцать пять, так двадцать пять, взваливал поклажу на плечи и шёл к вокзалу. Однако, пройдя ровно половину пути, он сбрасывал вещи на землю и сообщал: «Усё! Вокзал здесь».

Вот и всё, что я знаю про этого человека. Хотя нет. Когда фашисты вошли в город, то он стал первой жертвой среди еврейского населения. Его застрелили прямо на том месте, где Йоська постоянно обитал, прося милостыню. Он не знал, что на свете существуют фашисты, всех продолжал любить, и даже не думал убегать и прятаться. А для немецкого офицера еврей, да еще сумасшедший – это был, что называется, недочеловек в квадрате. И, наверняка, этот немец был уверен, что его жертву никто оплакивать не будет. И вот тут он ошибся. Мои родители дожили до преклонного возраста и частенько вспоминали безобидного двинского сумасшедшего. И для меня он тоже частица того города, где когда-то жили мои предки. А вот того храброго офицера нынче стараются забыть даже на его родине. И этого не понимают все убийцы – как прошлые, так и будущие. Их самих вычеркивают из памяти, как позорное грязное пятно. А об их жертвах помнят. Даже таких, как сумасшедший Йоська из маленького провинциального Двинска. Или Даугавпилса – кому как нравится.

Артур ОФЕНГЕЙМ
Дюссельдорф

Советы самому себе

Постарайся не быть аманатом у жизни (пусть нелегко),
постарайся пасть, вопреки канону, от яблони далеко.
Пусть Аредовы веки не про тебя, не пропасть
обон пол. Не унизься, моля временить Атропос,
но как можно пристальней вглядывайся в стариков.

Прежде, чем жизнь и деньги окажутся на нуле,
прежде, чем сменишь автобус, метро, «Шевроле»
на харонов челн (но и тут потребуют мзды),
никакой, опричь избранной, не признавай узды.
При отсутствии сил веселиться, оставайся навеселе.

Если понял, что вышел к началу и что бытие есть круг,
если не был ни плох, ни хорош и это открылось вдруг, –
постарайся, насколько возможно, не суетиться.
Не будь столь труслив и пошл и не вопрошай зегзицу
о сроках отправления на асфodelовый луг.

Не всякий, запомни, святочной ночи вещь сон,
не всякий, явившийся полубосой, – Ясон.
Изначально и до... отрекись от гаданья по звёздам.
Осы вопросов пусть ссорятся в сотах мозга.
Иначе в пути твоём, кроме финала, какой резон?

Комнате

Привязанность не подлежит обмену.
И если есть на этом свете место,
принявшее меня, каков я есть,
то это ты. Не прихоть (глупость, месть),
что от меня лишь вмятина на кресле
тебе осталась. Извини: измену

и коромысло дыма сигарет,
ругательства, которые срывались,
когда я забывал, что не один.
Я – бывший раб, служака, господин
твоей утробы. Ныне же, оскалясь,
глядит окно на голых стен портрет.

В шестнадцать «эм» из хляби перекрёстков,
из тёмных улиц, в коих несть числа
ожившим адорантам и рекламам,
как верящий к кресту, к оконным рамам
я приходил. Моя тебе хвала.

Привязанность не подлежит обмену.
Отныне, до предела обострив
вниманье ко всему, что не под крышей,
уже не обращаясь к небу (выше
проблем, подобных этой, нет), вперив
взор в объявления, ищу тебе замену.

Мы вместе год без четверти, и плод
союза зримый – в нескольких страницах
(которые потомки не прочтут,
но, может, современники?). И тут
вины с тобою нашей нет: столица,
жилищный кризис дали нам развод.

Ныл гул шальных ночных автомедонов,
под окнами питомник – пёсий вой
(чтя бестиариев, прислушивался к вою).
И, лежбища, достигнув головою,
благодарил за посланный покой.

Моя любовь, мой собеседник, друг,
приют, квадрат убежища, досуг
со мной деливший и работу, миф мой,
мне двадцать пять, и некого винить,
что я не в силах отблагодарить
тебя иначе и полней, чем рифмой.

Город

Покосившаяся колокольня (местное подобье Пизанской башни),
стадо овец (напуганное притчей об Исааке и Аврааме).
Сегодняшняя мысль о будущем торопится стать вчерашней,
ибо так спокойнее. В открывшейся панораме

радует глаз отсутствие красок, а не избытие оных
(пестрота утомляет, однообразие снимает усталость).
Невозможно счесть количество метров погонных
чернозёмной ткани наводит на мысль, что старость

лучше встретить вдали от: попыток свести к единому
знаменателю опыт собственный и предшествующих поколений,
от большой удачи, от юбилейнодлинного
списка наград и гостей и от сучьих велений.

Здесь не примут тебя ни в одном из домов, да и сам ты
не протянешь руки (разве – ноги), чуждый гораздо более
городу этому, чем гравий полозьям санок.
Это нормально. Одиночество – спутник воли.

Афины

Не важно, кто мы, важно, что и с нами
всё будет так, как некогда с Элладой –
короткий век триумфа, а затем
волна забвенья, равная цунами, –
и жди любителя, чтоб отыскались клады
нас волновавших дум, событий, тем.

Неси свою удачу на горбу,
но всё-таки, на миг замедлив бег,
задумайся – скажу тебе причины,
по коим грек благодарит судьбу:
за то, что он не пёс, а человек,
не варвар – эллин, и к тому ж мужчина.

* * *

Без ума и таланта, не будучи благословен
в гроб сходящими или же ныне живущими,
в постоянстве не видящий смысла, в чреде перемен,
не боящийся ада, не прельщаемый райскими кущами,

связь утратив с прошедшим, сошедший почти что с ума,
безголос, атонален, выталкиваем отовсюду,
отдающий часы, что там! – годы и те задарма,
не желая являться гарниром к всеобщему блюду,

не услышавший брани, не ответивший криком на вой,
расставляя свои запятые, стремящийся к точке,
за отсутствием прочего, это назвавши судьбой,
существует (и дай ему Бог!) человек-одиночка.

Эльвира МОЛЬС

Эссен

ЧИСТАЯ ПРАВДА

(притча)

Давным-давно жила на земле добродетель по имени Правда. Её тело было прекрасно, как сама природа, её глаза были чисты, как хрусталь, её походка была грациозна, как у лани.

Она обожала людей, желала им добра, а те уверяли Правду, что любят её, хотя с ней дружить. Но едва Правда приближалась к людям, как они в страхе убегали прочь. Так было всегда, и Правда от этого очень страдала. Один случай переполнил чашу её терпения. А было так: увидела она двух спорящих мужчин, встала между ними, и один из них, взглянув ей в глаза, закричал: «Будь ты проклята!», – и в ужасе убежал. Заплакала Правда и ушла в лес – подальше от людей. Много дней бродила она по непролазным чащам, в которых было так же сумрачно, как у неё на душе. Однажды в прогалине замаячил свет, и Правда поспешила на него. На залитой солнцем поляне сидела Сказка в роскошном одеянье, с венком на голове. Правда сразу узнала её.

– Почему ты такая печальная? – спросила Сказка.

– Я в отчаянии, – отвечала Правда. – Люди клянутся мне в любви, а на деле боятся и ненавидят. Почему, за что?!

– Ты, Правда, стара как мир, но так и не поняла людей! Да, ты чиста, честна и прекрасна, но ты – голая. Кому нужна голая Правда?! Я тоже стара, как мир, но люди искренне любят меня. Сделай, как я: прикрой свою наготу яркими цветными одеждами. Вот увидишь – всё наладится.

Послушалась Правда мудрого совета. С тех пор такую Правду люди любят.

Перевод с немецкого Анны Шаф и Владимира Авцена

Ева ЗЛАТОГОРОВА

Москва

РЫЖАЯ ДОЛЛИ ИСЧЕЗАЕТ ВМЕСТЕ С ИГРУШЕЧНЫМ ЛЬВЕНКОМ

У меня на подоконнике давно сидит львенок. Его оставила моя старшая внучка, когда надолго уезжала из Москвы.

– Бабушка, – сказала она, – пусть он побудет у тебя до моего возвращения.

Время шло, внучка не приезжала. Львенок, хотя он и был просто мягкой игрушкой, ждал свою хозяйку.

С каждым днем его мордочка становилась все грустнее и грустнее. Казалось, что плюшевый малыш вот-вот заплачет. А Долли, моя рыжая спаниелька, все чаще подходила к окну и подолгу смотрела на бедное молчаливое создание. Иногда она начинала лаять. Тогда мне казалось, что она зовет львенка прыгнуть с подоконника и поиграть с ней.

И вот однажды, когда прошло уже больше полугодя с того момента, как беднягу львенка оставили и сказали: «Жди!», я, придя с прогулки, не обнаружила его на привычном месте. Долли, которая всегда радостно выбегала в прихожую, чтобы меня встретить, тоже не показывалась. Было непонятно, куда они пропали.

– Долли, Долли! – звала я. – Где ты, иди сюда!

Но никто не отзывался. Ничего не понимая, я села на диван и задумалась. Посидев немного, я вышла на балкон. Шел мокрый снег. По крыше монотонно стучали капли. Спасительная мысль о том, где может быть моя собака, не приходила.

Подождав еще немного, я позвонила дочери, которая жила тремя этажами ниже. На мой вопрос, не знает ли она, где Долли и львенок, я получила отрицательный ответ. И тут вдруг я вспомнила: мне же сегодня из аптеки приносили лекарство! В тот момент, когда я открыла дверь, Долли могла выскочить на лестничную клетку и спуститься вниз. Но ведь после того как

мне принесли лекарство, я была на улице. Собаки рядом с домом не было. «Что делать?» – повторяла я про себя, оставаясь внешне спокойной. Я искала пути выхода из сложной ситуации. И вдруг меня осенило! Я вошла в спальню, дверь которой с утра оставалась открытой. Уже много месяцев по ночам моя любимица спала со мной на кровати. Когда я подошла и положила руку на одеяло, под ней что-то слегка зашевелилось. Ну конечно, это была Долли.

Но это еще не все. Откинув одеяло, я увидела, что рядом с собакой лежит львенок. Долли легла на спину, а это означало: «Гладь меня!».

Как же львенок оказался рядом с собакой на кровати? Если бы я верила в сказку, то все было бы понятно. Но мы живем в реальном мире. И можем только предположить, что собака взяла львенка с собой за компанию.

Пять лет спустя...

Прошло пять лет. Я переехала в другой район Москвы. За чередой дел из памяти ушёл красавец-львёнок. Но однажды, когда уже заканчивался переезд, в одном из мешков я нашла малыша. Его мордочка была грустной-прегрустной. Пропахший от носа до хвоста пылью, долго пролежавший в шкафу на балконе, он слегка улыбнулся, как бы радуясь грядущим в его жизни переменам.

Я погладила родное существо, напомнившее мне события пятилетней давности. Смахнув непроизвольно появившиеся слёзы, положила малыша в стиральную машину. Через час игрушечный львёнок благоухал чистотой и лёгким приятным запахом стирального порошка. Причесав гриву, отнесла улыбающуюся игрушку на балкон и посадила на столик сохнуть и любоваться новым для него видом города. Вернувшись в прихожую, вынула из мешка большую черную бесхвостую плюшевую собаку, которой в декабре прошлого года исполнился 21 год.

«Как же много событий связывает нас с прошлым, – подумала я. – Эту собаку подарил Анечке Лёня, мой младший брат, когда его внучатой племяннице исполнилось четыре годика».

Прошло несколько часов. На балконе, глядя в окошко, сидели почти высохшие красавцы. Я присела рядом и спросила:

– А вы знаете, что ровно через неделю у меня юбилей? Мне исполнится семьдесят лет.

На мордочках моих собеседников появилось удивление. Они замахали лапками, ушами, а у львёнка даже немного поднялась грива. В один голос мои друзья спросили:

– Это шутка?

Мне было приятно их искреннее удивление. Но в ответ немного грустно прозвучало:

– Это действительно так.

Апро себя подумалось: «Как хорошо, что ты молод душой, и это отражается на твоей внешности...»

Владимир СЕРГЕЕВ
Париж

СВУ ты мое, СВУ...

Как забыть этот бой барабана,
Подгонявшего нас на плацу,
Ту трубу, что будила так рано,
Ту метель, что секла по лицу?

Досьпали, сомкнувшись рядами,
И не слышали крик старшины.
СВУ и во сне будет с нами:
Становились мужчинами мы.

Вместо дома родного – казарма,
И наряд по ночам – туалет.
Бог простит коротышку-жандарма!
Моего же прощения нет.

И чего только не было с нами –
И обиды, и ссоры до драк.
Притирались-стирались углами:
Все свои – и остряк и дурак...

Надо лбом долгожданная чёлка –
Знак того, что ты не мелкота.
И стоит новогодняя ёлка!
И оркестр и вокруг суета...

Там в бантах неземные созданыя
Кружит вальс и ведёт падеграс.
Назначали на ушко свиданья
Той любви, что пришла в первый раз.

Сигареты тайком, самоволка,
Первый ус на припухлой губе...
И татарочка-комсомолка...
Это все, СВУ, – о тебе!

Да, учение было сурово,
Но достойно мы держим ответ.
И по жизни дороже нет слова,
Чем чеканное имя – кадет.

Булату Шалвовичу

Негромкий голос ваш, и грустные глаза,
И тонкий силуэт усталого подростка...
Но сила ваших строф, прозрачных, как слеза,
Звенит для нас то серебром, то сталью жесткой.

И про московского простого муравья,
И про Арбат, и про пиджак, и про циркачку
Поете вы, и вам внимаю я
Про косточку в земле, про госпожу Удачу.

Мы с вами, Шалвович, дежури́м в тот апрель,
И общий Бог у нас с зелеными глазами,
И Дáли, и орел, и горная форель...
И все, чем вы так щедро поделились с нами.

В ночном троллейбусе плывем, вершится круг...
Давайте же, друзья, друг другом восхищаться!
Благодарим за доброту, поэт и друг, –
Вы в сердце нашем призваны остаться...

Эйфелева башня

Подружки милой Гулливера
Булавка воткнута в Париж!
С тобою ближе стратосфера,
Легко над городом паришь...

Тобой французская столица
Пристегнута к земной оси.
Нарядом праздничным искрится
Игла у Сены и Пасси.

Твои ажурные аркады
И вечно стройный силуэт
Усталым путникам отрада,
И рад воспеть тебя поэт.

Давно уж детищу Эйфеля
Минуло сто – не думал он,
Что чертежами из портфеля
Взрастет всемирный чемпион.

Паломники со всей планеты
К твоим стопам спешат припасть,
Чтоб увезти с собой по свету
Твою чарующую власть.

Ода вину

Шампанское – для милых дам!
Оно кружит и растлевает,
Напиток сей для флирта дан,
С ним дамы годы забывают!

Бордо – несменная звезда!
Его ценить помогут гены:
Вкус, цвет, удачные года
И блюд, конечно, перемены...

Бургундское, как мушкетер,
Пленит стремительным захватом!
Чуть больше выпил, вмиг бретер
В тебе проснется фатоватый!

Анжуйское – ему под стать,
Окрутит мягкостью повадки,
И вот уже – ни с лавки встать,
Ни утолить огонь мулатки...

Куда спокойней Кот дю Рон!
Как та река, чье носит имя.
Не будет от него урон
Мужской ни силе, ни гордыне.

Не для стола, а для беседы
Букет луарских вин ценю,
Но если рыбные обеды,
Я тоже их ищу в меню.

Медок, Пуйи, Дом Периньон...
Всех вин не перечесть.
Найдется ль в мире чемпион,
Что всем отдаст им честь?!

Но... прежде всех – аперитив:
Пастис или перно...
Обед закончит дижестив:
Коньяк уж ждет давно...

Поэму я пою вино –
С ним в жизни веселей!
Не вижу в том свою вино,
Коль мера есть – налей!

Я болен тобою, Париж!

Я болен тобою, Париж.
Твоим голубым перламутром.
Подарком туманного утра –
Пастелью фронтонов и крыш.

Я сладостно болен тобой,
Когда под лучом предзакатным
Прекрасен ты обликом статным,
А ночью – иглой золотой.

Вдали от родных колоколен
Тобой, равнодушным, я болен?
Казалось, что болен тобой,
Но больше я болен Москвой.

Семён ФИЦ

Вупперталь

СОБЕСЕДОВАНИЕ

Историю эту рассказал мне родственник. Передаю её от первого лица так, как услышал, сохраняя по мере сил стиль повествования...

Работал я в 1983-м в одной из часовых мастерских, разбросанных по городу, подобно грибам после летнего дождя. Как-то в конце дня в нашей комнатке раздался телефонный звонок. Трубку взял мой напарник Марк Фридман – формальный руководитель немногочисленного, в два человека, коллектива.

– Здравствуйте. Номер вашей квитанции? – на автомате произнёс Марк.

Выслушав ответ, он озадаченно посмотрел на меня. Я напрягся: нет ли за мной каких-либо «хвостов»? Вроде бы нет, за исключением часиков одной скандальной клиентки, но тут не моя вина – со склада никак не приходила нужная деталь...

Мои размышления прервали слова Марка:

– Не беспокойтесь, Евсей, я, таки да, скажу этому шлемазлу!

Марк беззлобно называл меня «шлемазлом» («недотёпой» – на языке идиш), а я его уважительно – «балабосом», что на иврите и на идиш означает «хозяин». Впрочем, пиетет к этому слову ослаблялся тем, что в моём сознании оно распадалось на «балабол» и «босс». О моих лингвистических изысканиях я Марку благоразумно не сообщал, хотя, если честно, «балабол» к нему, большому «не любителю поговорить», таки очень подходил...

О Марке Фридмане надо сказать отдельно.

Он родился перед Великой Отечественной в Горьком, куда его родители бежали из несравненной Одессы в годы другой войны – гражданской. И хотя отец с матерью много лет прожили в городе на слиянии рек Оки и Волги, говорили они

преимущественно на родном еврейско-одесском сленге. Марк окончил десятилетку, любил читать и, в отличие от родителей, ему не был чужд язык родных осин – он мог при случае ввернуть в разговор:

*Из вечной бронзы выкован
извечный русский выговор,
чеканное, глубокое
то аканье, то оканье...¹*

Но впитанная с молоком матери «Одесса» неизменно прорывалась наружу. Например, в разговоре с теми же клиентами: «Почему не сказать за цену работы, мы с вами разве поссорились?», «Ну, так вы будете уже заказывать, или мне забыть вас навсегда?», «Не делай мне беременную голову!». Однажды, споря со мной по какому-то поводу, Марк огорошил меня совсем уж невообразимой конструкцией: «На тебе дулю, купи себе трактор, а на сдачу застрелись!».

С особым удовольствием я наблюдал, как он «включает одессита» в разговоре со своими земляками, которых он вычислял на раз. Когда я впервые услышал, как он подобным образом общается с председателем профкома Евсеем Нойманом, то удивился, ибо знал, что тот родом из Молдавии. На моё замечание Марк возразил, подозреваю, на ходу придуманной версией:

– Я тебя умоляю! Запомни, шлемазл, все молдавские евреи родом из нашей Молдаванки.

Кстати, о Ноймане. Вернёмся к его звонку.

Положив трубку, Марк подошел ко мне, уселся напротив и, скрестив на груди руки, изрек:

– Я имею тебе кое-что сказать, Евгений! Звонило наше профсоюзное начальство, и оно хочет видеть тебя перед своими очами завтра, не позднее девяти утра. И что же случилось?

¹ Из стихотворения В. Гордейчева «Родная речь».

– Понятия не имею...

– Может быть, ты таки решился поменять лучшую в мире страну на землю предков? Скажи честно: так ты уезжаешь, слава Всевышнему, или остаешься, не дай Б-г?

В ответ я только развёл руками.

– Улыбайся, шлемазл... Завтра будет еще хуже, – напутствовал меня Марк.

В девять утра я робко постучал в дверь председателя профкома Ноймана..

– Проходи, присаживайся, Евгений, – сказал профбосс. – Тут такое дело: на комбинат пришла разрядка из горкома комсомола на отправку члена ВЛКСМ в турпоездку по Венгрии. Такой член ты у нас один. Работаешь давно, нареканий на тебя нет. Надеюсь, ты не против?

– Нет, конечно...

– Вот и славно. На следующей неделе, в четверг, дуй в горком партии на собеседование. Почитай про Венгрию, про соц- и капллагеря, и обязательно (!) – решения последнего съезда КПСС. Вот тебе брошюры. Не подведи!

– Спасибо. Постараюсь.

Всю неделю я штудировал выданные мне материалы. Пригодились и университетские конспекты супруги по истории партии.

– Вы куда? – спросил на входе в горком милиционер.

– В Венгрию, – ответил я, надеясь вызвать улыбку у стража порядка.

– Девятый кабинет – вверх по лестнице, – бесстрастно ответил он.

Интересно, а если бы я сказал «в Израиль», возможно, в ответ прозвучало бы «подвал – вниз по лестнице»?

У кабинета толпились несколько человек далеко не комсомольского возраста. Вызвали меня. В комнате за большим столом сидели двое пожилых мужчин и девушка, которая вела протокол. Мужчины начали изучать мою анкету. «И что там смотреть? – подумал я. – Не был, не участвовал, не имею, я бы еще

добавил: не знаю и знать не хочу». Дойдя, как я понял, до 5 пункта, члены комиссии переглянулись. Пошли подробные вопросы по съезду партии. Я отвечал бойко, без запинки – зря, что ли, готовился. Легко управился и с именами лидеров компартий соцстран. Я ещё не закончил их перечислять, как меня прервал по виду самый молодой, но лысый, как коленка, член комиссии:

– А что вы знаете о событиях в Венгрии 1956 года?

Это был опасный для меня вопрос. В том году в Венгрии случилось антикоммунистическое восстание, в подавлении которого активную роль играл нынешний руководитель нашего государства Ю.В. Андропов, а тогда Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в братской республике. От дяди моей супруги, служившего тогда в Венгрии в рядах Советской Армии, я знал о тех событиях больше, чем положено...

– В 1956 году в Венгрии случилось антикоммунистическое восстание, – по писанному протараторил я, и, боясь, что начнут спрашивать, как я к этому событию отношусь, пошутил. – А ещё в пятьдесят шестом родился я.

Это сработало. За столом улыбнулись.

– Ну хорошо, – сказал лысый. – Вот вам последний вопрос. Ответите – можете паковать чемодан... Как зовут председателя компартии (здесь он почему-то посмотрел в окно, словно там находился суфлёр) государства ... государства... ну, допустим, Шри-Ланка?

Я оторопел.

Будь на моем месте Марк, он с его эрудицией, конечно, уделал бы этого экзаменатора. Но я, к сожалению, не мой напарник, поэтому пришлось шевелить извилинами. То, что Шри-Ланка – это азиатское государство, именуемое прежде Цейлон, я, любитель цейлонского чая, ведал. Но кто там во главе компартии?! В голову полезли знакомые имена: Джавахарлал Неру, Индира Ганди, и даже почему-то Омар Хаям... Всё было явно не то. Я понял, что засыпался. Поэтому, когда мой мучитель повторил свой вопрос, я (терять мне было нечего), ответил с вызовом:

– Рабиндранат Тагор!¹

Члены комиссии воззрились на своего коллегу. Он приосанился и солидно кивнул:

– Правильно. Признайтесь, Евгений, случайно угадали?

«Издевается гад», – подумал я. Но взглянув на гордого экзаменатора, всё понял.

– Честное комсомольское, случайно, – поддакнул я «знатоку».

– Повезло! Но, как я обещал, можете паковать чемодан.

На следующий день вместо «здрасьте» я задал напарнику вопрос:

– Марк, вот как бы ты ответил, кто главный коммунист Шри-Ланка?

– Не я! – рассмеялся балабос.

...Мой первый выезд за границу состоялся и был полон впечатлений, но это, как говорится, уже другая история.

¹ Рабиндранат Тагор (1861 – 1941). Индийский писатель, поэт, композитор, художник, общественный деятель. В 1913 году первым среди неевропейцев был удостоен Нобелевской премии по литературе..

✿ Бардклуб ✿

Марина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ
Дюссельдорф

КАК ЗДОРОВО, ЧТО ВСЕ МЫ ЗДЕСЬ!

«Германия. Вупперталь. Горная речка Вуппер – студёная, с характером, пахнет цветами. И такая чистая, что в ней водятся раки. А раз в год, в последние выходные августа, на ее берегу водятся русские барды». Этими словами начинается фильм телестудии RWTV «Вупперталь поёт по-русски». Этими словами началась когда-то и моя новая жизнь.

Когда-то, очень много лет назад, я собиралась резко менять свою судьбу и, фигурально выражаясь, «прыгать в холодную воду в незнакомом месте». Разумеется, я мысленно прощалась с привычными радостями, в том числе и с движением КСП, ставшим тогда уже почти неотъемлемой частью моей души. «Кому я там нужна со своей семистрункой и своими песенками?! – думала я с печалью, пакуя пожитки. – Арбайтен-арбайтен, может, иногда пиво тринкен и телевизор зеен – вот и вся культурная программа...» Всё изменилось за неделю до отъезда, когда продвинутый компьютеризованный приятель, у которого (о, чудо!!!) уже был Интернет, принес мне пачку отпечатанных на струйнике листков. В глаза бросились два волшебных слова «КСП» и «Вупперталь».

«Вроде это где-то недалеко от Дюссельдорфа, – заметил мой компьютерный бог. – Ты, кажется, туда собралась?»

Эти несколько страничек – статья Виты Левинсон о КСП в Германии – придали мне сил и уверенности, позволили сделать шаг, которого я боялась более всего, и который, как показали дальнейшие события, был единственно правильным.

В начале было Слово. И я даю его автору вышеупомянутой статьи «Гитара по кругу» Виталии Левинсон из Дортмунда:

«Весной 1995 года большой любитель этого жанра Олег Цыганов из Эссена решил найти друзей по увлечению. К этому времени он уже работал, занимался любимыми каратэ и плаванием, но ему не хватало именно песни. И Олег повесил в русском магазине в Дюссельдорфе объявление: «Любителей авторской песни приглашаю позвонить по такому-то телефону для организации КСП». Приглашались все умеющие играть на гитаре, петь и просто любители этого жанра. И тут же в магазине к нему подошла пара из Кёльна. Супруги сказали, что они немного играют на гитаре и предложили собраться у них в русской видеотеке.

Через несколько дней встреча состоялась. Лена и Вадим Киришеры, так звали этих симпатичных ребят, пригласили своих знакомых из Кёльна, а Олег – своих. Попили кофе, попили, понравились друг другу. Стали дальше искать единомышленников – казпэшников из разных городов. Олег нашел Бориса Резника (бывший одесский КСП), а Борис пригласил свою землячку Аню Белякину из Франкфурта. Она дала в Кёльне концерт, на который собралось уже около двух десятков человек. Мое имя назвал кёльнским ребятам Сергей Никитин, который там выступал и знал мой адрес. А еще через некоторое время кто-то из знакомых назвал Олегу имя Юры Томилина из Вупперталя. Юра имел хорошие связи с Internationalbind Вупперталя, который предоставил нам помещение: в Кёльне было уже тесновато для всех желающих, да и ездить туда было недешево.

В июне мы собрались уже в Вуппертале. А народ всё прибывал, ведь мы искали единомышленников всеми возможными способа-

ми. Еще не было в нашем регионе русских газет, и мы раскладывали на стульях объявления о клубе на любом русском концерте, по русским магазинам и так далее. И люди откликались.

Собирались мы один раз в месяц, а в конце августа для того, чтобы познакомить всех, кто любит авторскую песню, решили провести концерт. Этот концерт, который мы назвали Первым фестивалем авторской песни в Германии, неожиданно для многих таковым и стал – на него собралось около 150 человек. Конечно, не все собравшиеся были авторами и исполнителями, но все знали и любили песню. К этому времени в клуб пришли люди, которые «в прошлой жизни» были лауреатами многих фестивалей авторской песни. Это Таня Синицына, Борис Резник и Аня Белякина, ваша покорная слуга и некоторые другие».

С тех пор прошло (страшно подумать!) больше 20 лет! Тот первый для меня Вуппер (по счёту – четвертый, по-моему) проходил под Золингеном на небольшой поляне байдарочной базы. Только полянка уже тогда оказалась маловата – желающих поучаствовать с каждым годом становилось всё больше, вот и слёт, оставаясь Вуппером, сплавлялся по одноименной реке в поисках всё больших и больших полян. Пока в 2001 году не приплыл на Rutenbecker Weg 167, где и бросил якорь на долгие (я надеюсь) годы. Был досадный перерыв на 3 года, но теперь всё разъяснилось и утряслось, и наш лагерь ждёт гостей как всегда в последние выходные августа!

Мы говорим, что КСП – это не увлечение, а образ жизни. И Вуппер – тоже большой кусок жизни. Это не просто три дня в палаточке. У нас, слава Богу, есть и октябрьский Нюрнберг, и ноябрьский Мюнхен, и майский Хёкстер, и июньская Фульда... Но Вуппер мы ждем с особым чувством – он апофеоз, главное блюдо на этой кухне!

Конечно, Вуппер меняется, как и всё живое. Он растет – и количественно (всё больше нашего народу подъезжает), и качественно (всё больше НАШЕГО народу подъезжает). Ощущение такое, что в Германии сконцентрировались мощ-

ные бардовские силы, прежде размазанные (или намазанные тонким слоем) по большому пространству некогда большой страны. Было как? Автор – там, исполнитель – там... Ташкент, Киев, Новосибирск... Сливки поуждали оттуда. И собрались здесь! Куда ни глянь – сливка. Авторы Александр Соломонов, Евгения Фрайфельд, Марина Белоцерковская, Татьяна Синицына, Борис Серёгин, Александр Ищенко, Александр Емельянов, Сергей Сусло, исполнители Нина Блюмшайн, Виталия Левинсон, Станислав и Анна Сабецкие, Людмила Барон, Владимир Корниенко и многие-многие другие! Да и из близлежащих стран подъезжает народ нас посмотреть, себя показать – из Франции, из Швейцарии, из Дании. Наезжают друзья из стран нашей бывшей Родины, и даже из Израиля и США. Мы всем рады!

Приходят к нам на огонек и местные немецкие барды. Для меня было открытием, что с 50-60-х годов тут тоже существует такое движение, и уже второе, а то и третье поколение немецких каэспешников поёт свои и даже наши песни (как, например, Клаус Грабенхорст из Дюссельдорфа, который очень талантливо и с большим пониманием переводит на немецкий и исполняет песни Булата Окуджавы). А еще я помню своё удивление, когда родители одного нашего немецкого приятеля – достопочтенные бюргеры – достали альбом фотографий своей молодости. У меня было полное ощущение, что я рассматриваю фото старой Грушинки, и я даже поймала себя на том, что невольно ищу на них знакомые лица...

А какие гости у нас побывали за эти годы! Александр Дов (Медведенко), Михаил Трегер, Вадим Ланда, Владимир Каденко, Николай Якимов, Владимир Туриянский, Владимир Ланцберг... Перечислять – просто не хватит отведенного места. Достаточно хотя бы сказать, что в этом году на Вушпер-2018 приехали наши давние друзья: Алексей Иващенко, Нателла Болтынская, Антон Трофимов, рижане Александр Бекназаров и Слава Сэ, киевский автор Илья Винник, американский поэт Владимир Блэй, израильчанин – бард и игрок той самой одес-

ской команды «Что? Где? Когда?» Роман Морозовский, дуэт из Москвы «Мастер Гриша» – Борис Кинер и Михаил Цитриняк. А в жанре конферанса блистали Вадим Тучинский и наша гостья из Вроцлава Наталья Ненашева.

Иногда я слышу странное мнение, что, мол, русская бардовская песня в Германии – удел неудачников. Что, мол, успешные люди адаптировались, прижились, отринули за ненадобностью прежний язык и культуру, и живут себе по-новому. А те, кто так и не вписался, сидят себе в лесу в прокуренных свитерах и ностальгируют по давешней жизни, аккомпанируя на гитарке. Мнение расхожее и на все сто неверное! Как показал многолетний опыт, вышеописанные персонажи как раз предпочитают продавливать мягкие диваны у больших телевизоров с обложкой русских программ. А «в лесах» место у костра делят врачи, инженеры, программисты, профессора местных вузов, журналисты и режиссеры местных СМИ, и даже политики! Да-да, это не опечатка, даже такие голоса есть в хоре, поющем «Солнышко лесное»!

Но самое главное – это наши дети! Не верьте пессимистам, которые прочат нашему языку и культуре полное забвение через поколение-другое. Мол, уже дети говорят по-русски еле-еле и не знают, кто такой Маршак, а уж с внуками всё умрет. Просто подойдите на фестивальную поляну в субботу днём и посмотрите, как на сцене царит наше новое поколение – наши дети и внуки! Которые поют «Ёжика резинового» и «Пони бегаёт по кругу», «На далёкой Амазонке» и «Бабушка пирата», а еще песни своих мам и пап. И угадайте, на каком языке?

Так что, опять же цитируя фильм «Вупперталь поёт по-русски», я повторю: *«В последние выходные августа, место и время без изменений. И не забудьте детей!»*.

P.S.

Для того чтобы слёт проходил радостно и запомнился только хорошими событиями, приходится соблюдать целый свод правил поведения и техники безопасности. В результате очень грамотного юридического перевода нам в руки лёг талмуд на 6-7 листов мелким кеглем. Содержание которого организаторы слёта обязаны были донести до наших гостей.

– Ой! – сказали мы и поняли, что надо упрощать.

То, что из этого упрощения вышло, мы предлагаем и вашему вниманию. Вдруг пригодится!

Марина Белоцерковская:

За каких-то 10 евро
Ты купил Браслет Всевластья –
С ним – почёт и уважуха,
С ним ты – гость наш дорогой!
Если ж ты его подарить,
Повредишь иль потеряешь,
То карета станет тыквой
И закроется портал:
Безбраслетным нету места
Ни в палатке, ни на сцене –
Доведётся иль уехать,
Или новый покупать.

Мусор – бич любого слёта!
 Потому мешок огромный
 Ты получишь за 5 евро,
 Чтобы мусор собирать.
 Если ты такой богатый,
 То бросай мешок в контейнер;
 Мусор увезёшь с собою –
 Денежки вернёшь назад.

Есть одно на слёте место,
 Где водитель с пешеходом
 Могут поменяться ролью
 По десятку раз на дню:
 На парковке будь на страже –
 Здесь один ты во двух лицах,
 Так что правила движенья
 Должен помнить за двоих!

Если ты не хочешь видеть,
 Как горит твоя палатка,
 Вместе с ней пяток ближайших
 И соседский павильон,
 Разожги огонь в мангале,
 Да растопкой, а не спиртом –
 И взовьются без опаски
 Ночи синие костром!

Слёт – не место для дискуссий
 О политике и войнах.
 Мы не будем вешать флаги
 Всяких разных дальних стран,
 Мы не будем петь их гимны,
 А споём хороших песен!
 Будет в эти выходные
 На поляне «Миру – мир!»

Если друг четвероногий
 Дома без тебя скучает,
 Можешь взять его с собою,
 Но, конечно, с поводком.
 Впрочем, если эти ноги
 Носят друга-крокодила,
 Лучше бы оставить дома
 Этот дружеский комплект.

Если друг четвероногий
 (Крокодил – мы помним – дома!)
 Сделал кучу на поляне,
 До кустов не добежав,
 То не доверяй природе
 Ты процесс полураспада –
 Собери продукт вторичный,
 Скромно в мусор отнеси.

Если ты в азарте дивном
 Петь готов три ночи кряду,
 Если голос твой могучий
 Долетает до Луны,
 Вспомни – рядом местный бургер!
 Он-то встанет с петухами!
 Сбавь немного децибелы
 И колонки отключи.

В соавторстве с Яковом Гербером:

Водка, джин, вино и пиво
 Хороши чуть-чуть и порознь –
 Ты ж не хочешь все концерты
 Тупо пролежать в кустах?
 Да к тому же на поляне
 Есть такие алкозавры!!!
 Их тебе не переплюнуть.
 Так что пей, но меру знай!

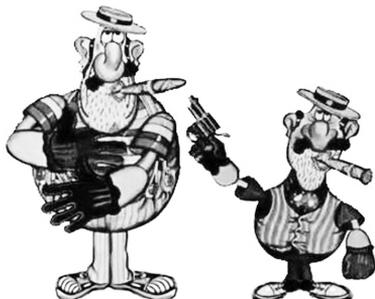
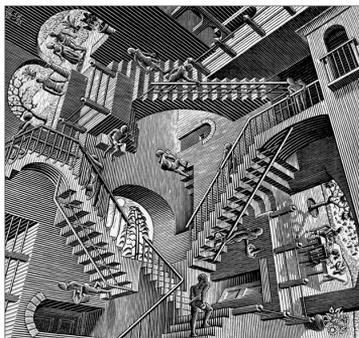
Борис Серёгин:

Если вступишь ты во что-то,
 Что немедленно запахнет,
 Или вдруг какая птичка
 Скрикошетит невзначай,
 Компенсация не светит!
 Даже, братец, не надейся!
 Как ты там ни кувыркайся,
 Сам же будешь виноват!

* * *

Это вроде бы понятно:
Мы тут все хотим вернуться,
По возможности, живыми
И здоровыми домой!
Сделай так, чтобы растяжки
От палаток (и другие)
Не болтались под ногами.
Карму береги свою!

* * *

И ещё тебе советик:
Можешь даже не пытаться
В плавки спрятать пистолетик
Иль пакетик наркоты.
С этим тут, поверь мне, строго!
Заметут на три-четыре
И оправят по этапу.
Если очень повезёт...

* * *

Если вдруг сие творенье
Очень скучным показалось
И поэтому стоишь ты
И зеваешь во весь рот,
Можем дать тебе по благу
Наш весёлый вариантик,
Что нотариус заверил, –
На страничек эдак шесть!

Зал переводчика

Алексей ГЛУХОВСКИЙ

С сербохорватского

Десанка Максимович

Светляки-свидетели

На месте расправы свидетелей не было,
ни прохожих, ни пастырей-душерадетелей,
никого – только тихая полночь да небо
были всему свидетели.
Лишь светляки налетели внезапно
и осветили поспешно зарытые
свежие ваши могилы.
Но наподобие молний скрещённых
вскинуты руки,
и вслед за залпом
пули, как рой метеоров,
по уголкам светляков простодушных
ударил сбоку,
в спину ударили, –
чтоб очевидцев расправы жестокой
даже среди этих безропотных тварей
не оставалось бы ненароком.

Мне зелёною азбукой листьев говорит об апреле,
о морозе – бряцаньем ветвей в ледяных,
серебрящихся ножнах.

И когда заключённый, распятый в оконном квадрате,
к обжигающей наледи нёба сухим языком приникаю, –
тополь тенью обдаст, стекла сыростью с веток окатит,
заструится, как Веруша-речка, искрясь и сверкая.

А когда, опускаясь, как пресс,
потолок мою голову сдавит
и мой труп бездыханный безвольно на стуле обвиснет, –
тополь стрелы ветвей отряхнет от дождя и расправит
и ворвётся в окно с кислородом, с грозой
и с запахом листьев.

И когда я жилище свое измеряю упрямо шагами
и качаюсь, как будто петля, порожденная воображеньем,
он, смыкая листву и ветвистую крону сдвигая,
указательным пальцем мне машет: не надо, не смей, мол!

Если мне надоест соглядатай,
то он, переполнен презренья,
как брезентом, меня заслонит от назойливых взглядов.
И опять барабанит в стекло. Отворяю.
И в то же мгновенье
он врывается – гононом птичьим,
весенним зеленым нарядом.

Или просто застыл у окна.
Мокнет, чистится, нежась листвою,
увлеченный, притихший, открытый –
под ливнем весенним.
Так поэт, вдохновлённый удачно рождённой строфою,
уступает стихам и трепещет в душевном смятенье.

Мокнет он за двоих – за двоих он и крепок, и собран,
устремляется ввысь и корнями уходит к истокам.
Потому он и есть, и от вас отличается, чтобы
достигать облаков, из глубин добывать себе соки.

С македонского

Блаже Конески

Песня певицы

Самое важное – это случайная,
единственная,
неповторимая,
скоротечная близость
кресала и камня,
пламени и воды,
ладони и сердца –
вот, где запрятана суть!
Берусь утверждать, что нет ничего важнее
эфемерных вещей,
лишь однажды происходивших,
запечатлённых,
увиденных,
услышанных только раз –
подобных твоей песне,
от которой замирает душа!
Разве не она это кружит вдали,
облетая орбиту
наших нимбов?
Разве я не тот единственный,
что под куполом звёздной вселенной
может внимать твоей песне?

Деревце, пересаженное с горы Кожув

Оно говорит:
люди нетерпеливы,
а я не спешу вырастать.
Мои думы запрятаны в корне
и постоянно уходят под землю.
У меня достаточно времени,
будущее принадлежит мне –
ты только скажи, как мне тебя
вспоминать,
когда вырасту?

Гончар

Он на базар принес творенье рук своих –
горшки, кувшины, глиняные миски.
Их вокруг себя расставил на земле,
чтоб пестротою росписи и красок
напоминали сад пред Троицыным днём;
иль походили на детей
большого и счастливого семейства,
которые в разгаре торжества
застыли перед фотоаппаратом.

Старик гончар не оставлял на них
следов своих трудолюбивых пальцев.
Но, отдавая их в чужие руки,
он вместе с каждым отдаёт
частицу своего тепла,
застывшее прикосновение рук,
неравномерность пульса и дыханья
и трепет сокровенной мысли.

Вот, чем торгует он!

Со словенского

Саша Вегри

Ела я
хлеб и соль,
чтоб не целовать губ
белого голода,
чтобы
не повернуть душой
в русло чужое.
Ела я
хлеб и соль,
чтоб белизну лица
под чужим солнцем сохранить.
Ела я
хлеб и соль,
чтоб моя жизнь была,
как моя кожа бела.
Теперь же я в белом стаде
черный теленок,
который у пастуха
всегда на виду.

Женщины
словно лютни –
тихи и покорны
и ждут,
чтоб запело
их тело.
И когда
кто-нибудь
прикоснётся к их струнам,
поют
о печали
ночей серебристых,
когда их мужчины
одних оставляют,
о цветке новой жизни,
которая в них
вызревает,
и о любви
их струны поют,
натянутые
между губами
и бедрами.

Фридрих ШРОТЪЯН

Бохум

БУКВА «J» В УДОСТОВЕРЕНИИ ЛИЧНОСТИ (Из повести «ДВЕ СЕСТРЫ. Рассказ о богатой со- бытиями жизни Ханны В. в изложении её сестры Лизбет»)

А вот ещё один снимок. Эта фотография – особенная. На ней человек, о котором я сейчас расскажу. Снимок из довоенного времени – тогда у него всё было благополучно. Взгляните! Чёрный костюм, жилетка, золотые часы с цепочкой, гладко выбритая голова (это, кстати, снова стало модно), аккуратно подстриженные усы – вид очень ухоженный. Смотрит на нас серьёзно, даже немного критически – как будто заметил, что на нашей одежде пуговицы недостаёт. Это Якоб Грундман. И как это Ханна его распознала? Бог знает!

«Пока Гарри в солдатах, найдётся место ещё для одного человека, – сказала Ханна. – Во всяком случае – мужчина в доме». Это была одна из её всегдашних шуточек, Якобу Грундману перевалило за семьдесят пять, когда туманной ночью в сентябре 41-го он очутился в Ханнином доме. И с тех пор жил у неё. Его и видно-то не было, как будто он там вообще не живёт. О его существовании знали только мы с Ханной. Она посвятила в эту тайну меня, потому что за стариком нужно было иногда присматривать, ведь Ханна была медсестрой, и ей приходилось сопровождать поезд с ранеными. Она могла отсутствовать целую неделю.

Вообще-то мне как арийке и жене члена национал-социалистской партии не следовало заботиться о скрывающемся в доме моей сестры еврее. «Ханна, это же противозаконно! – говорила я. – Это уголовное преступление. Ты же можешь в

тюрьму угодить! Ну зачем ты это делаешь?» Но Ханна пропустила мои доводы мимо ушей. И говорила, что ей ничего другого не оставалось, как втянуть в это дело и меня тоже. Я должна помогать ей – ведь мы же сёстры, нам нужно поддерживать друг друга! Я присматривала за стариком исключительно ради сестры. Я и самому Грундману сказала, что подвергаю себя опасности не ради него, а ради сестры, только ради неё.

Разумеется, Карлхайнц не должен был знать о Грундмане. Он наверняка бы счёл своим долгом донести о тайном убежище. А что потом сделали бы с самой Ханной, моему мужу было бы всё равно. Впрочем, нет. Не всё равно. Он, наверное, примирился бы с ситуацией. Да и что могут знать мужчины, если женщины делают что-то за их спиной?

То, что происходило за спиной Карлхайнца, было нашим с Ханной внутрисемейным делом и не имело никакого отношения к его партии. Кровные отношения – это кровные отношения. Поэтому я, по своей сути женщина вполне законопослушная, вела в то время двойную жизнь.

Когда Ханна уезжала и я оставалась присматривать за Грундманом, мы с ним, конечно, много разговаривали. От него я узнала кое-что такое, что раньше проходило мимо моих ушей.

«К шести часам всем евреям надлежало собраться на ярмарочной площади», – рассказывал Якоб Грундман. Этот приказ отозвался ужасом в душах кёльнских евреев.

Первая антиеврейская акция касалась польских евреев, живущих в Кёльне. Все они были вывезены из города. Немецкие евреи думали, что с ними такое не произойдёт, что вывезены только чужаки. А Якоб Грундман к чужакам не принадлежал.

Вторая депортация произошла после «хрустальной ночи», во время которой были сожжены синагоги и разграблены магазины, принадлежавшие евреям. И коснулась эта депортация прежде всего мужчин, которым было меньше сорока, сильных, здоровых, зажиточных. Якоб Грундман был уже слишком стар.

Потом началась война, и те евреи, которые ещё оставались в городе, подумали, что уж теперь-то их оставят в покое – теперь надо думать о вещах поважнее, а не возиться с евреями. В действительности произошло обратное: уже после первого воздушного налёта евреям было запрещено пользоваться бомбоубежищами. Это, конечно, плохо, но, может, это было сделано из-за нехватки мест в бомбоубежищах.

Потом началась война с Россией, и всех кёльнских евреев переселили из их квартир в специально отведённые для них дома. А еврейские квартиры, наверное, понадобились настоящим немцам, оставшимся без жилья после бомбардировок. С сентября 1941 года всем евреям было предписано носить на одежде шестиконечную жёлтую звезду, чтобы их сразу можно было отличить от истинных немцев.

Именно в это время Якоб Грундман и появился в доме Ханны. Точной даты его появления я не знаю. Ханна вообще говорила, что чем меньше я буду знать про «дедулю» (так мы с ней называли между собой Грундмана), тем безопаснее будет для меня.

Я не знаю, как удалось Ханне привести в свой дом этого старого, да вдобавок ещё и кёльнского еврея. Здесь ведь и своих тоже было достаточно. И их тоже постепенно увозили.

Присматривала за «дедулей» в основном Ханна. Садовый домик Ханниной свекрови был идеальным убежищем. Квартира самой Ханны сгорела во время воздушного налёта, и она тоже жила в этом домике. Я уже рассказывала вам, что домик был достаточно крепким, причём с удобствами, и в нём можно было жить даже зимой. В этой куче фотографий есть снимок этого домика. Да, вот он, уже нашла. Участок находился в самом конце садового товарищества и примыкал к пустырю, поросшему густым кустарником и заваленному садовыми отходами и другим мусором. Так что к убежищу Якоба Грундмана со стороны пустыря прохода не было. Да и сам садовый домик, как и большинство таких домов, был окружён деревьями и практически незаметен. Помимо всего про-

чего, в нём была небольшая комната с широкой кроватью, совершенно незаметная, спрятанная за оклеенной обоями дверью. «Раньше в ней, наверное, было «любовное гнездышко» моей свекрови», – смеялась Ханна. Теперь там прятался Якоб Грундман.

Ханна раздобыла для него маленький детекторный приёмник, и он слушал всё подряд: концерты по заявкам, сводки военных действий, предупреждения о воздушных налётах (иногда эти предупреждения были такими же регулярными, как теперь сообщения о прибытии и отходе поездов на вокзалах), а если ему удавалось поймать, – передачи вражеского радио на немецком языке. Когда мы с сестрой заходили к нему, он делился с нами последней радиоинформацией: «Знаете, что говорят противники?». Но каждый немец был убеждён, что вражеские радиопередачи – это заведомая ложь. Однако именно эти передачи поднимали старику настроение – всё лучше, чем предаваться унынию.

Одной из проблем, связанных с «дедулей», было постоянное добывание для него еды. Причём Ханна должна была делать это, не вызывая подозрений. С этим связан один довольно смешной случай. За свои «заслуги перед обществом» (подразумевалась деятельность Карлхайнца в качестве «ангела смерти») мой муж к своему тридцатилетию был награждён подарочным набором. Это была корзина, доверху наполненная всевозможными вкусностями: шоколадом, русской икрой, бельгийским паштетом. Там были даже две бутылки вина.

Карлхайнц, правда, получил не всё содержимое корзины. Его не было дома, когда корзину принесли. Зато в этот момент у нас находилась Ханна. Она сочла такое совпадение просто замечательным. Значительную часть подарка мы с ней припрятали для «дедули». Наконец до нас дошло, что значительная часть «партийного вознаграждения» достанется одному старому еврею, и мы стали неудержимо хохотать – такое в голову национал-социалистам и прийти не могло. Когда во вто-

рой половине дня Карлхайнц вернулся домой и увидел корзину, он недовольно пробурчал что-то про «скудость» своего партийного начальства. А я только посмеивалась про себя.

Прошло какое-то время, и Ханне стало ясно, что Якоб Грундман не может оставаться в её доме неопределённо долго. Он же может заболеть! Или из-за какой-нибудь нелепой случайности его убежище может быть обнаружено. Грундмана нужно переправить куда-нибудь в другое место. Впоследствии оказалось, что исчезновение старика послужило спасению самой Ханны. В 1944 году Гарри дезертировал из расквартированной в Амстердаме воинской части, поэтому Ханна была под особым наблюдением гестапо. И убежище Якоба Грундмана наверняка бы обнаружили.

Было бы безопаснее всего, если бы «дедуля» исчез не только из Ханниного дома, но вообще из страны. И тут появилась возможность переправить Грундмана в Швейцарию. Разумеется, Ханна этой возможностью воспользовалась.

В детстве Якоб Грундман несколько лет жил в Базеле. Там у него были родственники – сын его сестры с семьёй. Было ещё одно очень важное обстоятельство: с тех самых детских лет Грундман считался гражданином Швейцарии. Правда, швейцарского паспорта у него больше не было, только немецкое удостоверение личности. На первой странице этого удостоверения стояла большая жирная буква «J» (Jude), а старика теперь звали Якоб Израэль Грундман. Проблема заключалась в следующем: как переправить Грундмана в Швейцарию?

Но уж что у Ханны в голове засело, она непременно сделает. Ханна взялась за это дело с большой осторожностью. С помощью швейцарского консульства она наладила контакт с базельскими родственниками Грундмана. Они были готовы принять старика. Ханна получила свидетельство о том, что Якоб Грундман является гражданином Швейцарии и письменное согласие родственников старика взять его к себе.

Но как Грундман должен был добраться через Германию до Базеля? Не могла же Ханна просто посадить в вагон поезда человека с жирной буквой «J» в удостоверении личности! Ведь на протяжении всего пути проверки! Да к тому же Грундман был слишком стар, ему нельзя было отправляться в это путешествие одному. И время военное, поезда ходят нерегулярно, а порой их и вовсе нет. Значит, ему нужен сопровождающий. Или сопровождающая.

Я уже говорила, что Ханна в качестве медсестры часто сопровождала поезда с ранеными. «Я знаю каждый вокзал от Мааса до Мемеля, от Эча до Бельта», – сказала она однажды. К тому же Ханна знала, как организованы такие перевозки. Без командировочного предписания не обойтись.

Так вот, однажды она принесла домой два бланка такого предписания от Красного Креста, позволявшего быть сопровождающим. Печать на бланках уже стояла. Фамилии сопровождающего, причины и цели поездки, даты отправления и подписи сотрудника Красного Креста ещё не было. «Второй бланк я взяла на случай, если на первом напишу что-то неправильно», – сказала Ханна.

Второй бланк ей и в самом деле пригодился. В первом бланке вместо полного имени «Иоханна», стоявшего в её паспорте, она по привычке написала «Ханна». Зато второй бланк она заполнила правильно, да и подпись сотрудника Красного Креста выглядела вполне правдоподобно. Придаться было не к чему. Никто и не заподозрит обмана.

Ханна и её подопечный отправились в путь незадолго до рождественских праздников 1942 года. Якоб Грундман прожил в доме моей сестры один год и три месяца. На прощание он подарил Ханне фигурку танцующего мавра из майссенского фарфора – единственное, что ему удалось сохранить. «Теперь, – сказал Ханне старик, – он будет танцевать для вас, чтобы вы иногда вспоминали обо мне». Ханна была очень расстроена и до самой смерти бережно хранила статуэтку. Этот

танцующий мавр достался мне в наследство. Вот он танцует на моей тумбочке, видите?

Перед началом путешествия Ханна облачилась в форму медсестры, взяла с собой чемоданчик с изображённым на нём красным крестом, в котором лежали предметы для оказания первой помощи. Вид у неё был вполне официальный. Перед тем как выйти из дома, Ханна подробно проинструктировала «дедулю», как он должен вести себя во время поездки: изображать из себя дряхлого, страдающего потерей памяти старика, не вступать в разговоры, а если будут проверять документы, предоставить действовать самой Ханне.

Их путешествие продолжалось два дня: сначала до Кёльна, потом до Карлсруэ и наконец – до Базеля. Все поезда были переполнены. Но Грундман выглядел очень немощным, а у Ханны был очень официальный вид, поэтому для них всегда находилось, по меньшей мере, одно сидячее место. Ханне неоднократно приходилось предъявлять командировочное предписание. Никаких проблем при этом не возникало – одного командировочного предписания было достаточно. Ни паспорта самой Ханны, ни документов Грундмана никто не требовал. Одну ночь они провели в бомбоубежище Карлсруэ – была объявлена воздушная тревога, а на следующее утро сели в поезд и поехали в Базель.

Ханна уже думала, что путешествие подходит к благополучному завершению. Поезд приближался к границе и был почти пуст. Они были одни в купе. Внезапно дверь купе открылась, и вошли двое мужчин в форме СС. Громогласно выкрикнув «хайль Гитлер!», они обратились к Ханне и Грундману: «Ваши документы!» Предъявленное Ханной командировочное предписание возражений не вызвало, её паспорт и справка от базельских родственников Грундмана – тоже. Но жирное «J» в удостоверении личности старика чуть не сорвало всю затею: «Кто позволил вам содействовать в выезде еврея за границу?». Ханна поднялась со своего места – сестра милосердия из

«Красного Креста» при исполнении служебного долга. «Этот мужчина – гражданин Швейцарии. У меня приказ – сопроводить его в Базель. Я должна обязательно исполнить этот приказ, и вы не имеете права мне препятствовать».

«Одну минуту!», – мужчины в эсэсовской форме вышли из купе, прихватив с собой предъявленные документы. Через какое-то время в купе вошли два других эсэсовца, по-видимому, выше рангом. Они попытались поговорить с Грундманом. Однако у них ничего не получилось. Старик молчал, глядя перед собой ничего не выражавшими глазами. Вмешалась Ханна. Она ещё раз объяснила, что получила от своего начальства командировочное предписание. Ей приказано сопровождать этого человека в Базель. Остальные подробности ей неизвестны. А этого человека и его документы ей передали непосредственно перед отправкой, до этого она его не видела. И, как сотрудник Красного Креста, она обязана выполнить данный ей приказ. Мужчины ещё раз повертели в руках командировочное предписание, посмотрели на печать и со словами «хайль Гитлер!» вернули Ханне документы. «Я была готова расцеловать их! Но не сделала этого», – сказала Ханна.

В Базеле под пристальными взглядами немецких и швейцарских пограничников Ханна официально и сухо попрощалась с Якобом Грундманом. Ей очень хотелось обнять старика, но она сдержалась. Пожелала ему здоровья и благополучного пребывания у родственников. И пусть он не забывает систематически принимать свои лекарства. Словом, Ханна показала себя настоящей медсестрой.

Теперь старик был в Швейцарии, и Ханна поехала обратно. Когда она вошла в дом, вид у неё был – краше в гроб кладут: серое лицо, тёмные круги под глазами. Я ужасно испугалась. «Можно, я лягу вместе с тобой? – попросила сестра. – Сегодня я не могу быть одна». Я уложила её в нашу супружескую кровать и всю ночь спала рядом. А Карлхайнцу сказала, что у Ханны была очень тяжёлая поездка – поезд с ранеными, который

она сопровождала, попал под бомбёжку, – и постелила ему на диване в гостиной. Ханна проспала шестнадцать часов. Всё это время я была возле сестры, оберегая её сон. А после этого поклялась себе – такого безумия со стороны Ханны я больше не допущу.

Перевод с немецкого: Кира Немировская

Ханох ДАШЕВСКИЙ

Иерусалим

Учился в Латвийском университете. Специальность (кондиционирование и вентиляция) с литературой никак не связана. Зато связан с литературой опыт активной работы в литературно-художественном подпольном еврейском семинаре «Рижские чтения по шундаике» (70-80 гг. прошлого века), где и начал заниматься поэтическим переводом. А продолжил в Израиле, где живет с 1988 г.

Николоз БАРАТАШВИЛИ

(1817–1845)

Мерани

(с грузинского)

Знаю, знаю, что у этого знаменитого стихотворения масса переводов, хороших и разных. Кроме того, не люблю переводить с подстрочника. Но в альманах, посвящённый Грузии, нужно было что-то послать. Так появился ещё один «Мерани». Русскую транскрипцию разыскать не удалось, поэтому размер вольный.

Х.Д.

Дорога коня моего над землёю взлетела,
И ворон зловеще кричит за спиною моею.
Лети, мой Мерани, лети! Нет полёту предела!
Сомненья мои и печали по ветру развей!

Простор рассеки! Пронесись над скалой и потоком!
Вперёд, мой Мерани! Дни странствий моих сократи.
От ливня и зноя не прячься в ущелье глубоком.
Усталость мою не жалей и, как буря, лети!

Пусть близких покину и голос любимой забуду,
Пускай не увижу друзей и родного жилья,
Где встречу рассвет – там страна моя будет повсюду,
И тайну души только звёздам поведаю я.

Стон сердца тоскливый, как знак, что любовь не истлела,
Отдам я порыву коня и волненью морей.
Лети, мой Мерани, лети! Нет полёту предела!
Сомненья мои и печали по ветру развеи!

Пускай не схоронят меня на погосте родимом,
И пусть не прольёт моя милая слёз надо мной,
Мне выроет ворон могилу в краю нелюдимом,
И вихрь мои кости с рыданьем засыплет землёй.

Падёт вместо слёз на могилу роса голубая,
И только орлы будут в небе над прахом скорбеть.
Взмывай же, Мерани, за грани судьбы улетаая!
Кто был непокорен – не станет покорным и впредь!

Пусть грозы омоют моё неподвижное тело,
Враг доли своей – не устану бороться я с ней.
Лети, мой Мерани, лети! Нет полёту предела!
Сомненья мои и печали по ветру развеи!

Бесплодным не будет стремление сердца больного.
И, может быть, чей-то отважный скакун за тобой
Помчит, мой Мерани, по нашей дороге другого
В последнюю битву, в сражение с чёрной судьбой!

Дорога коня моего над землёю взлетела,
И ворон зловеще кричит за спиной моей.
Лети, мой Мерани, лети! Нет полёту предела!
Сомненья мои и печали по ветру развеи!

Наталья РХОВА
Бохум

МЕННО АДЕН, ПЕРЕВОДЧИК СТИХОВ

А.С. ПУШКИНА¹

*«Пушкин: Россия и ее первый поэт» – книга стихов
А.С. Пушкина, переведенных на немецкий язык док-
тором М. Аденом*

Доктор Менно Аден – известный немецкий адвокат, юрист, специалист в области банковского, делового и международного права, преподававший во многих университетах Германии. Автор курса лекций «Гражданское движение в Германии» и «Немецкий патриотизм в сегодняшней Европе». Ему принадлежит множество трудов по юриспруденции, а также большое количество книг по теологии, истории христианства и самым разным другим темам. Спектр научных и философских интересов Менно Адена чрезвычайно широк. И несмотря на это, с изумлением встречаешь в огромном списке его публикаций еще и такое неожиданное название, как «Пушкин: Россия и ее первый поэт». Да, это действительно так: адвокат Менно Аден является также переводчиком стихов А.С. Пушкина. И притом, первоклас-

¹ Материал впервые опубликован в «Партнёре», 12, 2018.

сным! Он сумел не только с точностью передать смысл каждого пушкинского стиха, но сохранить его звуковой рисунок и небрежное изящество пушкинской интонации. Бесспорно, эта книга станет заметным явлением в почти 200-летней истории переводов Пушкина на немецкой язык.

Сегодня доктор Менно Аден отвечает на вопросы нашего журнала.

– Откуда возник у Вас интерес к русскому языку, дорогой господин Аден? И как давно Вы этот язык знаете?

– Две причины способствовали моему интересу к русскому языку и русской культуре. Я родился в 1942 году, когда мой отец был солдатом на Ленинградском фронте. И он бы, наверное, погиб там, в лесах под Ленинградом, если б не отозвался на приказ «Руки вверх!» и не попал в плен к русским. Да, тогда была война, но я и потом всегда задавался вопросом, почему немцы и русские должны были воевать друг с другом. Есть и вторая причина. Я был уже студентом, когда увидел в Берлине, в западной части города, советский мемориал и советских солдат. И тогда я спросил себя: почему же мы так мало знаем о русских? Я пошел купил учебник и начал изучать русский язык. Я начал изучать русский язык, когда мне было 25, а сегодня мне 75 лет, и я до сих пор не справился с этим! Правда, у меня никогда не было никого, с кем я мог бы говорить по-русски. Ну и к тому же, конечно, у меня были другие дела, и работа, и семья, и пятеро детей...

– А какими языками Вы владеете?

– Поскольку я хорошо знаю латынь, мне не трудно было изучить итальянский, испанский и французский языки. Я говорю хорошо на них и читаю. Конечно, как современный человек, я владею также английским. Еще знаю древнегреческий, этот язык важен для меня как исходный язык Нового Завета.

– Когда впервые Вы услышали имя Пушкина? Какова история Вашего знакомства с именем и творчеством русского поэта?

– На самом деле, раньше я очень редко слышал имя Пушкина и почти ничего не знал о нем. Но так же, как любой изучающий немецкий язык рано или поздно узнает имя Гёте и Шиллера, так же точно и тот, кто имеет дело с русским языком, быстро приходит к имени Пушкина. В то время, когда я жил в Берлине, я много читал о России. А потом у меня появилось двуязычное англо-русское издание стихов Пушкина. Некоторые стихи, которые мне особенно понравились и показались интересными, я перевел. Первым в этом ряду стал «Талисман». Он понравился мне и был интересен тем, что я увидел в нем связь между русской культурой в Крыму и исламской там же. Затем я читал другие стихи, искал и находил самые для себя интересные и красивые. Так постепенно набралось более 120 стихотворных переводов.

– С кем из немецких поэтов можно сравнить, на Ваш взгляд, Пушкина?

– Лауреат Нобелевской премии Томас Манн однажды назвал Пушкина русским Гёте. Но я не считаю такое сравнение правомочным. Гёте прожил долгую жизнь, достиг 83-летнего возраста, а Пушкин погиб 37-летним. Представьте себе, если бы Гёте умер в возрасте 37 лет! Ведь тогда он бы вряд ли смог стать для нас сегодня тем, чем является. Этих двух поэтов нельзя и невозможно сравнивать. Поэзия Пушкина очаровывает своей легкостью и изящным языком. Я считаю, что такого немецкого лирика, равного ему, просто не существует! Но если честно, то признаюсь, я не очень люблю Пушкина как человека.

– А кто из немецкоязычных классических поэтов для Вас самый любимый?

– Мне нравится читать стихи. Я люблю Хёльдерлина, К.Ф. Мейера, Рильке и, конечно же, Шиллера и Гёте.

– *Немецкая славистика знает много имен замечательных переводчиков Пушкина: Rolf-Dietrich Keil, Michael Enge, Martin Remané... Кого из них могли бы Вы посчитать для себя образцом?*

– Перевод стихов с чужих языков – дело действительно очень сложное. Долгое время ищешь правильное рифмованное слово. И велика опасность, что ты спишешь что-то у авторов предыдущих переводов. Поэтому я позволял себе читать другие переводы только после того, когда сам полностью заканчивал свою работу. И, может быть, это звучит нескромно, но, как правило, мой перевод мне казался более правильным, поэтичным, более близким к Пушкину.

– *Переводчика пушкинской поэзии ждет много трудностей. К тому же некоторые ученые считают, что русский язык – самый трудный из европейских...*

– Из языков, которые я знаю, русский действительно является самым сложным, но всё-таки он менее трудный, чем латынь. Переводить с русского легче, чем, например, с английского, потому что английский состоит из коротких слов. Но дело не только в трудностях русского языка, а еще и в том, что в произведениях Пушкина есть свой семантический колорит. Это условные риторические фигуры речи, свои особенные выражения, которые просто невозможно полностью перевести. Если я приложу все усилия, чтобы правильно перевести все слова стихотворения на мой родной немецкий язык, то оно не станет от этого немецким стихотворением. Мне нужно не только слова, но и реальный смысл сделать понятным для немецкого читателя. Так, например, когда я перевел сатиру Пушкина на Александра I, то пояснял это для немецкого читателя в своей книге на примере иронических замечаний в адрес кайзера Вильгельма II.

Я перевел не только стихи Пушкина, но и стихи его друга Вильгельма Кюхельбекера. Мне хотелось бы, чтобы немцы больше интересовались русской культурой, чем они делают это сегодня.

– Как оценили немецкие слависты Ваши переводы Пушкина?

– Я ведь адвокат и пишу в основном юридические статьи, очерки, книги. И потом, знаете, как это часто бывает, цеховые дела. Профессионалы не любят пускать в свою область посторонних. Моя книга как таковая почти не была замечена специалистами. Но когда мне случается выступать, то на таких вечерах обычно эта моя работа получает высокую оценку и искренние аплодисменты.

– Переводческая деятельность была для Вас хобби? Передышкой в ученых занятиях? Или душевной потребностью?

– Скорее хобби. Но настоящая причина политическая. Через культуру, через поэзию народы сближаются. Мы, немцы, слишком мало знаем о России. Поэтому я хотел рассказать людям о великом русском поэте и о той любви, которой он пользуется у себя на родине. Ведь как много прочных культурных связей между Германией и Россией было до Первой мировой войны, как переплетены были истории наших двух стран! Сегодня, к сожалению, этого уже нет. И я хотел бы внести свой небольшой вклад в изменение этой ситуации.

– Господин Аден, в июне 2019 года весь мир будет отмечать 220 лет со дня рождения Пушкина. Планируете ли Вы принять участие в торжествах, посвященных этому событию?

– Я являюсь членом Немецкого Пушкинского общества (Deutsche Puschkin Gesellschaft e.V.) и членом его Правления. Я буду рад внести свой вклад в юбилей Пушкина. Может быть, нам стоит поговорить об этом позднее и немного больше.

– Большое спасибо Вам за уделенное нашему журналу время, и примите, пожалуйста, наши пожелания всяческих успехов в Вашей благородной деятельности!

Der Prophet

Vom Durst der Seele wie verbrannt
musst ich durch dunkle Öde ziehn,
als mir, sechs Flügel ausgespannt,
im Kreuzweg ein Seraph erschien.

Mit Fingern, wie im Traum geführt,
hat er mein Auge leicht berührt.
Ich schaute, wurde schreckensstarr
dem Adler gleich in der Gefahr.
Und dann berührte er mein Ohr –
Gelärm und Tönen kam mir vor,
und im Himmel dröhnten, schwirrten
Engelflug, Posaunenklang,
ein Urtier zog am Grund entlang,
Zweige, die vor Kälte klirrten.

Und er lag auf meinem Mund,
brach die Zunge aus dem Schlund,
gleisnerische lügenhafte,
und der weisen Schlange Wort
fügte er nun an den Ort,
wo die Wunde blutig klaffte.
Die Brust zerschnitt er mit dem Schwert,
mein Herz wild pochend riss er raus,
die Brust zerschunden und versehrt,
brannte er mit Kohle aus.
Ich lag wie tot in jenem Land,
da ward mir Gottes Wort gesandt:

»Steh auf, Prophet, und sieh und höre,
voll meines Geistes, nicht zu fehlen,
geh aus in Länder über Meere,
entzünde mit dem Wort die Seelen.«

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, –
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Gespenster

Wolken türmen, Wolken schieben,
schneeverhangen ohne Macht
glimmt der Mond, die Flocken stieben,
fahl der Himmel, schwarz die Nacht.
Und ich fahre frei ins Weite,
Schlittenglöckchen ding, ding, ding...
Ring's verklärt sich's, ich entgleite,
fremd das Feld, fremd jedes Ding.

»Kutscher, ho!« »Ach Herr, die Pferde
mühen sich, so gut es geht,
selber seh ich kaum die Erde,
Wege sind im Schnee verweht.
Nun verliert sich noch die Spur.
Himmel hilf, wir sind verirrt.
Böser Spuk beherrscht die Flur,
seh, wie er im Kreis uns führt.

Schaut nur Herr, dort, wie es rackert,
wie pfeift und sproutzt und weht,
jetzt wie wildes Feuer flackert,
bald zügelnd um den Schluchtrand steht.
Dort auf jener Teufelswerst
hat der Spuk begonnen.
Da, seht doch, blitzt es – eben erst ...
und schon ist's in nichts zerronnen.«
Wolken türmen, Wolken schieben,
schneeverhangen ohne Macht
glimmt der Mond, die Flocken stieben,
fahl der Himmel, schwarz die Nacht.

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» – «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Die Kraft versiegt. Wir sind am Ende,
nun auch das Schlittenglöckchen stumm.
Die Pferde starr. Dort im Gelände –
Ein Wolf vielleicht? Ein alter Trumm?

Der Schneesturm gellt. Das Wetter schreit.
Die Pferde schnauben aufgeregt.
Glutaugen aus der Dunkelheit!
Dort, wieder hat es sich bewegt.
Die Pferde reißen, und wir fahren,
Schlittenglöckchen ding, ding, ding...
Ja, ich seh die weißen Scharen
der Gespenster weit im Ring.

Spielhaft und gestaltlos wallen
in des Monds verschneitem Licht
wie Blätter im November fallen
Gespenster, Spuk und Spukgesicht.
Wie viele nur! Wohin sie jagen,
welchen Singsang singen?
Sind es ihre Totenklagen,
ob sie Hochzeitsständchen bringen?

Wolken türmen, Wolken schieben,
schneeverhangen ohne Macht
glimmt der Mond, die Flocken stieben,
fahl der Himmel, schwarz die Nacht.
Geisterschwärme taumeln, jagen
endlos fallend erdenwärts,
und ihr schmerzerfülltes Klagen
gräbt sich langsam in mein Herz.

Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» –
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

*Переводы стихов А. С. Пушкина «Пророк» и
«Бесы», сделаны доктором Менно Аденом*

Вальдемар ВЕБЕР
Аугсбург

НЕМЕЦКАЯ ЭПИГРАММА

От переводчика

Первоначальная форма греческой эпиграммы – не сатира, не ироническое короткое стихотворение, не язвительная насмешка. Это надпись на предметах, надгробиях. Лишь порой в греческих эпиграммах появляются элементы игры, комического изображения людских пороков. В Древнем Риме жанр эпиграмм продолжает оставаться серьезным, но в него постепенно вкрадываются сатирические нотки. Сатиры Марциала, вернувшиеся к читателю в период позднего Ренессанса, переведенные на многие языки, вызвали к жизни новый жанр европейской эпиграммы. Немецкая литература не была в этой области исключением. В 18-ом веке сей жанр стал настолько популярным, что у Георга Лихтенберга, создателя великих афоризмов, даже вырвалось однажды с раздражением: «Эпиграммы сыпятся на нас подобно дождю, молниям и граду». Время от времени немецкие поэты пытались вернуть эпиграмме серьезность, классичность, но каждый раз из этих попыток рождалось что-то новое, не похожее на предыдущее: например, Брехт не случайно назвал свои «Буковские элегии», соединившие язвительно-сатирическую интонацию эпиграммы с восточной традицией короткого стихотворения, именно элегиями, намекая на античное происхождение жанра.

Георг Рудольф Веккерлин (1584–1653)

Священнику, сравнившему количество волос на своей голове с количеством своих грехов

Святой отец, позволь задать вопрос:
Зачем душой кривишь перед народом?
Пускай всё меньше у тебя волос,
Зато грехов всё больше с каждым годом.

Андреас Грифиус (1616–1664)

Скупой Буск

Скупому Буску в девяносто лет
Чахотка смертью пригрозила.
Буск в ярости! Он любит жизнь? – Да нет,
В пятнадцать крецеров влетит ему могила.

Камилле

Все псы кидаются на мужа твоего.
Видать, с сохатым путают его.

Кристиан Грифиус (1649–1706)

Читая «Одиссея»

Заманивала дорогих гостей
Цирцея в глубину своих покоев
И там свиной творила из героев.
Наш век творит героев из свиной.

Кристиан Вернике (1661–1725)

На Астольфа, высокопарного пиита

Он зверя описал нам, что в лесах
Живет и в дуплах исполинских спит,
Что в скалах кружит, рыщет в небесах
И странников в пустыне не щадит.
Высокий этот слог столь сладостен для слуха –
Ты думаешь: «О, лев!» А это муха.

Абрахам Гютхельф Кестнер (1719–1800)

Одному виртуозу

Орфей всевластным пеньем укрощал
Свирепость львов и неприступность скал.
Ты большего достиг. О благодать!
Ты наших дам заставил замолчать.

Памятник

Тот, кто весь век глумился над пиитом,
Решил ему воздвигнуть монумент.
Не проще ль хлеба в нужный дать момент,
Чем после смерти потчевать гранитом?

Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781)

Читателю

Те, что Клопштока чтят, читают
Его едва ли – вот беда!
Пусть нас поменьше почитают,
Зато читают иногда.

Тракс и Стакс

– Тракс, как понять поступок твой лихой?
Ты спятил, что ль – жениться на глухой!
– Вдвойне, мой Стакс, несчастен жребий мой –
Ведь я к тому ж считал ее немой!..

Любителю произносить надгробные речи

Как тошен твой высокопарный слог!
Все выдает фальшивую игру.
Чтоб на моей могиле ты не смог
Речей читать, возьму да не умру!

Георг Кристоф Лихтенберг (1742–1799)

Красивой девушке, которая была очень набожна в церкви

Лишь кротость и смирение в глазах
Люцинды нашей – каждому движенью
Сопутствует раскаянье в грехах,
И каждому – призыв к грехопаденью.

Готфрид Август Бюргер (1747–1794)**Утешение**

Когда тебя злоба чужих языков
Ужалит, утешься вопросом:
Не самые ль зрелые те из плодов,
Которые нравятся осам?

Иоганн Генрих Фосс (1751–1826)**Опечатка**

Внемли, друг Рольф, разумному совету:
С наборщика за опечатку эту
Не взыскивай! В ней скрыта, без сомненья,
Вся прелесть твоего стихотворения.

Фридрих Рюккерт (1788–1866)**Старая пословица на новый лад**

Словам, что правда лишь на дне бокала,
Как видно, время самое настало.
Взаправду надо нынче пьяным быть,
Чтоб захотеть о правде говорить.

Генрих Гейне (1797–1856)

* * *

Вы меня не понимали,
Понимал я редко вас.
Но едва в дерьмо попали,
Как поладили тотчас.

* * *

Едва ты прижалась ко мне, как – о чудо!
Душа воспарила к святым небесам.
Пускай полетает, я думал, покуда
К медовым твоим припадаю устам.

* * *

Когда мне плоть смирать случалось,
Казался раем мой удел.
Ну а когда не удавалось,
Я не особенно жалел.

Макс Кальбек (1850–1921)

Одной красавице

Зубы, локоны, цвет лица –
Всё подделка в ней, всё до конца.
Не подделка – лишь сердце одно:
От природы фальшиво оно.

Отто Эрнст (1862–1926)

Карьера

Вокруг себя струя елей волшебный,
Он воздавал и дьяволу, и Богу –
Вот почему по лестнице служебной
Он опускался кверху понемногу.

Бертольт Брехт (1898–1956)

С чувством стыда

Семь лет мы ели хлеб палача,
Семь лет мастерили телегу войны.
Племя поработанных, выходим в поход
поработать других.

Срочно

Правительства составляют
Пакты о ненападении.
Человек,
Составь завещание.

Моей матери

Когда она наконец угасла, ее предали земле.
Цветы над нею цветут, бабочки пляшут.
Она была так легка, что едва ощущалась землей.
Сколько же надо страдать,
чтоб достичь невесомости этой!

 Цных уж нет...

Владимир АВЦЕН
Вуиперталь

ЗРИМЫЙ ПРОЧНЫЙ СЛЕД

«Именно от вас, Эммануил Маркович, идёт в науке гуманная ветвь иммунологии, прозванная в народе «Клиническая Эммануилология»

А.Н. Череев, президент РНОИ

«Профессор Коган со своими учениками сделал важное открытие, которое у нас по понятным причинам не фиксировалось. Это идеология радиационного гидролиза воды в постчернобыльский период»

А.Г. Румянцев, президент РАМН

«Как одинокий мамонт, возвышалось воздвигнутое среди пустырей детище Э.М. Когана – новая ЦНИЛ»

Р.В. Петров, вице-президент РАН

«То, что у нас сегодня такая потрясающая иммунология, что есть биофизика и биохимия, – его за»

слуга. Он сделал чрезвычайно много для медицинской науки. Перед нами великий человек!»

Ю.А.Владимиров, академик РАН

«Самое удивительное, что всё это правда!»

Реплика из зала

По пятницам у Когана

С профессором Коганом, перед которым снимают шляпы видные академики, меня познакомил лет десять назад фотограф Валерий Гольшейдер: попросил помочь своему старшему другу в подготовке книги стихов его любимой, тяжело больной жены Инны Черновой. Помню, как при первой встрече с Эммануилом Марковичем мой внутренний голос спросил: «И этому человеку восемьдесят пять?!» Молодым и энергичным он оставался ещё многие годы: легко вальсировал с дамами на всевозможных вечерах, проникновенно пел фронтовые песни, блестяще читал стихи Симонова. А как страстно, с каким юмором под овации зала выступал он в Москве перед студентами-медиками и своими неизменно «удиви-

«удивил» его студенты-медики и своими неизменно «удиви-

тельными», «замечательными», «гениальными» коллегами, не преминув попенять властям на недостаточное внимание к любимой им науке...

Общительный, доброжелательный, щедро дарящий тепло окружающим, он после смерти жены жил с чувством непреходящего одиночества. Поэтому так жаждал общения, радовался, как ребёнок, любому телефонному звонку и каждому гостю в его квартире. По настоянию Эммануила Марковича мы с Валерой сделались постоянными участниками его пятничных посиделок, на которых хозяин, обладающий поразительно цепкой памятью, делился интереснейшими воспоминаниями. Разливая по рюмкам свой любимый «Русский стандарт», профессор частенько шутил, что именно регулярные сто грамм, к которым он приобщился на фронте, – там, правда, был спирт из его фельдшерских запасов, – улучшили его плохую наследственность (все мужчины в их роду уходили рано) и сделали долгожителем. Однажды он назовёт нам ещё одну причину, но об этом чуть ниже.

Не допит стакан сорокаградусной...

Воспоминания Эммануила Марковича материализовались в 2011 году в его книгу «Эммануилология. Записки простого профессора». Полистаем главы о войне, оставившей в его душе незаживающую рану.

Он мог запросто сгинуть в мясорубке Второй мировой, как почти все его одноклассники. Но, спасибо провидению, которое вело его по жизни, уцелел и прожил большую, наполненную творчеством жизнь. Он родился в 1923 году в белорусском Гомеле в бедной еврейской семье. Революция дала возможность его отцу овладеть в зрелом возрасте грамотой, окончить Рабочую Академию и в начале 30-х стать замначальника «Мосхлебторга». Так в шесть лет Эмма оказался в столице. Мама видела в нём будущего музыканта, но он с большей охо-

той посещал после уроков театральную студию в Доме пионеров, а вечерами во дворе до изнеможения сражался в хоккей и в футбол. В последнем так преуспел, что по окончании школы в 1940 году был приглашён играть за московское «Динамо». Но тут провидение призвало на помощь отца. Целую ночь он переубеждал отпрыска, что с его способностями к точным наукам надо не мяч пинать, а поступать в престижную Бауманку (МВТУ). Эмма легко сдал туда экзамены. Года учёбы ему хватило, чтобы в будущем успешно применять полученные знания в деле всей его жизни – научной медицине. А пока что на дворе 41-й, летние каникулы, футбольные баталии и радужные планы на ближайшее завтра.

А завтра была война... Бауманцы получили бронь, но Эмма рвался на фронт, и когда к ним в училище прибыл полковник Ленинградской Военно-медицинской академии, формирующий из желающих курс ускоренного обучения на военных врачей, он, не задумываясь, согласился. А далее Ленинград, пара месяцев учёбы и – блокада.

Вспоминает Э.М.Коган:

«Вместе с сотнями других гражданских мы фактически жили на крышах, где чуть живые от голода и холода боролись с немецкими зажигалками. Невозможно описать муки, которые испытывали мы, получая в день 120 граммов непонятно из чего приготовленного хлеба. Особенно тяжело приходилось детям. Я своими глазами видел, как они в поисках съестного ковырялись в трупах животных и людей... По официальным данным, от арт-обстрелов и бомбардировок в блокаде погибло около 17 тысяч, а от голода скончалось более 600 тысяч человек. Медали «За оборону Ленинграда» и «За освобождение Ленинграда» мне дороже любых моих наград».

В октябре 1942 года поредевший первый курс несостоявшейся академии, для которого служба в Красной Армии началась в июле 41-го, эвакуировали в Новую Ладугу. Некоторые

там сразу набросились на еду и умерли в страшных мучениях от заворота кишок. У Эммы хватило силы воли от этого удержаться. Горстку оставшихся в живых отправили Ашхабад – приходиться в себя и заодно учиться в военно-медицинском училище. По его окончании военфельдшер Коган был направлен служить в весьма специфическую воинскую часть...

Вспоминает Э.М.Коган:
1944 и 1945 годы я про-

С сестрой Юлей. Вернулся живым!

вёл на 1-м и 4-м Украинских фронтах в 15-ой Краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого Винницкой штурмовой бригаде резерва главного командования. Я воевал в батальоне ранцевых огнемётов и, если бы не моя профессия фельдшера, вряд ли б уцелел. Большинство огнемётчиков погибли мотой смертью: по ним, ползущим, немцы открывали шквальный огонь из всех видов оружия, и достаточно было осколку или пуле зацепить баллон с горючим, чтобы он взорвался и человек превратился в факел. Тысячи заживо сгоревших у меня на глазах ребят... Счастье, если кто-то из них был только ранен, тогда я мог вытащить его из-под огня и оказать первую помощь. В наш, по сути, батальон смертников обычно направляли политэзков, пожелавших защищать Родину. Один из них – мой хороший друг, командир роты Андрей Ежов – пришёл 6 февраля 1945 года ко мне в окоп, чтобы поздравить с двадцатидвухлетием. «Я написал стих, – сказал он. – Тебе – подарок». И прочитал:

*Не допит стакан сорокаградусной,
Стоит на столе пред тобой.
Чего же ты, друг мой, нерадостный,
Чего ты поник головой?*

В стихотворении шла речь о боевых буднях, о надежде уцелеть и встретиться после войны. Больше друзья не увиделись... Горящие заживо бойцы – одно из самых мучительных послевоенных видений, много лет лишавших покоя и сна вернувшегося с войны фельдшера.

Обида

Оказавшись по семейным обстоятельствам в Германии, ветеран не переставал удивляться тому уважению, которое неизменно здесь оказывали ему, победителю фашизма. А вот соотечественник однажды нанёс обиду...

Прошел год после выхода книги. Позади – несколько презентаций, добрые отзывы читателей. И вдруг замечаем: что-то гнетёт её автора. Выяснилось, что нашёлся «добрый» человек, который ляпнул, что в его научных успехах он не сомневается, а вот о войне кто нынче чего только не болтает – поди проверь... Слова эти больно ранили ветерана. Мы с Валерой пытались утешить уважаемого профессора, говорили, что, вспоминая о войне, он нигде не хвастается своими подвигами, а пишет о неисчислимых и неизмеримых страданиях, которые она приносит, а свидетельством тому, как он воевал, – его боевые награды, среди них орден Красной Звезды, который давали исключительно за личный героизм. А он возражал, что как раз в этом сегодня уже мало кто разбирается, и припомнил, как во время съёмки о нём в Москве фильма «Боец» создатели поведали, что впервые видят оригинальные ордена, и поинтересовались, нет ли у ветерана снимков тех сражений.

«Даже современные профессионалы и те сегодня уже плохо представляют себе и то время, и боевые условия, в которых было не до фотографий... Я как-то сказал сыну, что уже и сам начинаю сомневаться, случилось ли это всё со мной на самом деле», – сетовал Эммануил Маркович.

Утешить деда удалось внуку Игорю. Зная о его переживаниях, он зашёл на сайт «Общедоступный электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и обнаружил там два документа: «Наградной лист» от 11 октября 1944 года с представлением лейтенанта м/с, старшего фельдшера Когана Эммануила Марковича к ордену Красной Звезды и приказ от 27 октября 1944 года с грифом «Секретно» о его награждении этим орденом. Из «Наградного листа» за подписью командира батальона майора Панкратова в «Кратком описании личного боевого подвига или заслуг» следует, что Коган Э.М. в Красной Армии с июля 1941 года, получил контузию в 1943-м, а о том, как он на тот момент воюет в батальоне ранцевых огнемётов, сказано следующее:

«Все дни боевых действий лейтенант мед. службы Коган Э.М. находился на передовой линии вместе с личным составом роты.

Под артиллерийским, миномётным и пулемётным огнём противника 29.09 и 30.09.44 года он оказал медицинскую помощь 8 раненым бойцам и организовал их вынос с поля боя. Не жалея сил и жизни он под огнём противника передвигался от взвода к взводу, от раненого к раненому. За время 4-х дней боевых действий им была оказана помощь 13 бойцам сапёрного батальона. При штурме высоты 1098 в составе 129 сд. на поле боя им была оказана помощь 8 бойцам.

Всё своё время л-т медслужбы Коган отдаёт на улучшение быта личного состава, на улучшение качества питания и санобслуживания.

14-17 июля 1944 года в боях за Бялокарница, Бзовица личным примером воодушевлял бойцов на боевые подвиги. В эти дни им была оказана медпомощь 17 бойцам и сержантам.

Достоин награждения орденом Красной Звезды».

Все графы заполняются полностью.

НАГРАДНОЕ ЛИСТ

286

1. Фамилия, имя и отчество Коган Михаил Иванович
2. Ранг лейтенант, № 3. Должность и часть Сл. стрельбы 3-го отд. батальона разведыв. огнестр. 15 штурм. авт. - саперн. бригады РГТ ордена Богдана Хмельницкого бригады РГТ
Представляется к ордену Красной Звезды.
4. Год рождения 1903, Число 10 месяца сентября года рождения Киевской губернии Киевской области Киевской области.
5. Участие в гражданской войне, партизанских боевых подвигах по фронту ЮФР и Отечественной войне (год, где) Ленинградский фронт с 11.07 по 8.08.44. Известное наименование с 8.08.44.
6. Место для награждения в действующей воинской части 61943.
7. С какого времени в Красной Армии с июля 1941 года.
8. Каким РГТ награжден Порвалским рай. гор. Москвы.
9. Чем ранее награжден Мед. наградной.
10. Настоящий домашний адрес представляемого к награждению и адрес семьи [REDACTED]

Без пяти боевых действий лейтенант мед. службы Коган М. И. Находится на передовой линии фронта с личным составом роты. Под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем противника 29.9 и 30.09.44 года он оказал медицинскую помощь в разбитой бойцам и организаторам их действий под боевыми атаками снарядов и огня противника в период от взвода к взводу, от раненого к раненому. За время 4-х дней боевых действий им была оказана помощь 13 бойцам саперного батальона. При штурме высоты 1096 в составе 129 отд. полка 306 див. была оказана помощь в боях. За это время 7-й мед. роты Коган орудит на участке 14-тапачного фронта, на участке высоты 1096 атакован саботажниками 14-17 июня 1944 года в боях за Глебополье, Тлощаа личным прикормом доукомплектовал бойцов на боевые подвиги. За это время была оказана медицинская помощь 17 бойцам и сержантам.

Достоин награждения орденом Красной Звезды.

отд. батальона разведыв. огнестр. 15 штурм. авт. - саперн. бригады РГТ ордена Богдана Хмельницкого бригады РГТ
майор Ушурин (Ташкент)

№ 11/10844/1944

Секрет

П Р И К А З

15 ШТУРМОВОЙ ТЫЛЕНКА О САПЕРНОМ БИЛЕТНОМ ОРДЕНА БОГДАНА ХМЕЛНИЦКОГО БРИГАДЫ РГТ

21 октября 1944г. № 032/И Действующая Армия

Орденном КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

8. Лейтенант м/с ЮЛИЯ Эммануиловна Маринович	Старшего фельдшера 38 Отдельного батальона разведыв. огнестр.
9. Старшего лейтенанта м/с МАКЕДА Александра Васильевич	Старшего врача 38 Отдельного батальона разведыв. огнестр.
10. Рядового НИКОЛАЯ Борисовича	Старшего 2 роты 38 Отдельного батальона разведыв. огнестр.

Когда Эммануил Маркович увидел эти документы, то, по его признанию, воспоминания снова нахлынули на него и ему, как в первые годы после фронта, опять стала сниться война. Припомнил ветеран и то, что после контузии комбат хотел отправить его, мальчишку-фельдшера, в тыл, от чего он, подлечившись, отказался: не мог представить, как без него обойдутся такие же юные, как и он, солдаты-огнемётчики. «Я всё удивляюсь своему долголетию. Наследственность у меня плохая, спирта на войне и водки в мирное время выпито немеряно, а я вот живу... Сейчас понял – это контузия вмешалась в мои гены, продлив жизнь и сохранив память», – в очередной раз пошутит он...

Митинг памяти у стены старого здания института с именами врачей-выпускников, павших на войне. Слева ректор РГМУ им. Н.И.ПИРОГОВА академик РАМН Н.Н.Володин, справа – председатель Совета ветеранов университета профессор В.И.Пыцкий

Здесь уместно сказать, что сыновья Эммануила Марковича Николай и Александр, племянник Марк, внуки Митя и Игорь не только пошли по его стопам и стали медиками, но и сохранили трепетное, уважительное отношение к военному прошлому ветерана.

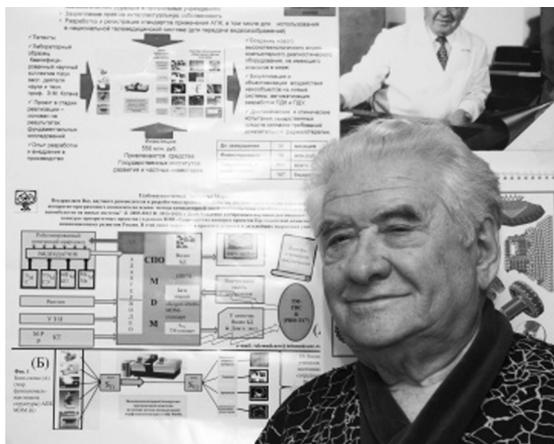
Москва, Красная площадь, парад в честь 60-летия Победы в ВОВ.

Комментируя это фото, Эммануил Маркович перефразирует известный анекдот о Папе Римском: «Раньше, когда нас видели вместе, говорили: глядите, Коган с каким-то мальчиком! А теперь спрашивают: а кто такой рядом с главным гинекологом Москвы, руководителем клиники «Мать и дитя», профессором Марком Курцером?»

Самое удивительное, что всё это правда

Я пишу главным образом о военном прошлом ветерана, но, конечно, не могу хотя бы конспективно не коснуться дела всей жизни этого непростого «простого профессора»...

После войны – успешная учёба во 2-м медицинском институте (2-й МОЛГМИ) имени И.В. Сталина. С 1951 – аспирантура. Намеревался стать хирургом, но в стране шла выросшая из дела «врачей-отравителей» компания

В своём кабинете в Германии

борьбы с «безродными космополитами», и ректор института С.И. Миловидов (очередная игра провидения!) порекомендовал ему выбрать что-то менее опасное. Коган выбрал науку морфологию. За год до защиты кандидатской диссертации был назначен заведующим институтской лабораторией с 27 работниками, где, к его радости, можно было заниматься реальной наукой, без которой, по его убеждению, немислим современный преподаватель. Здесь сложился круг единомышленников, будущих научных светил, которым стало тесно в её рамках. При поддержке ректоров Н.Г. Сироткиной и Ю.М. Лопухина Коган предложил и реализовал свой личный проект восьмиэтажной **первой в стране ЦНИЛ**, и многие годы ежедневно контролировал её строительство, проложив к ней дорожку, которую до сих пор студенты называют «Коган-стрит». Построив лабораторию, выбил у государства миллион долларов (колоссальные по тем временам деньги) на её оснащение и закупил на них в ГДР самое современное оборудование и новейшую вычислительную технику. В 1966 году ЦНИЛ была признана решением Коллегии Минздрава РСФСР **головной по организации научных исследований и подготовке научных кадров в СССР** и стала именоваться «Научно-исследовательский центр

при 2-м МОЛГМИ». Директором центра, в котором образовался ряд новых структур по различным направлениям медицинской науки, назначили Когана. Сюда потянулись молодые талантливые педагоги и учёные, и вскоре центр насчитывал более 1000 сотрудников как штатных, так и кафедральных! Как только образовался научно-исследовательский Центр, в него стали приходить из столичных медучреждений и приезжать со всей страны учёные и одарённые студенты-медики. Для них это была единственная возможность осуществить свои научные задумки на сверхсовременном оборудовании. Совместно с «гениальными мальчишками» – будущими академиками – в этом центре были заложены и разрабатывались новаторские основы смежных медицинских наук, отсюда со временем вышло очередное детище Когана – **НИИ физико-химической медицины на Большой Пироговской**. Ну и конечно, отдельным памятником ему служит организованный им и возглавляемый многие годы на тот момент единственный в своём роде **медико-биологический факультет (МБФ)**, научный авторитет которого таков, что до сих пор его выпускники легко находят работу во всём мире! Среди многочисленных трудов и работ профессора Когана особое место занимает открытое им совместно с профессором А. В. Жукоцким и группой учёных новое направление в медицинской науке – **морфоденситометрия** и разработанный **уникальный диагностический прибор «Диаморф»**, позволяющий диагностировать 98% случаев начальной степени рака. При наличии соответствующих программ им могут пользоваться и врачи любых других специальностей. Надо сказать, что деятельность доктора медицинских наук, профессора Эммануила Марковича Когана страна по достоинству ценила. Среди многих его наград – Государственная премия РСФСР в области науки и техники (1989). Заслуженно отметил его и «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова», в который благодаря своему высочайшему научному потенциалу был преобразован **2-й МОЛГМИ**.

Одна из последних наград Э.М. Когана – учреждённая в 2017 году Золотая медаль «За выдающиеся заслуги» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Завещание

В какой-то момент начало казаться, что этот человек и впрямь знает секрет вечной молодости и бессмертия. Увы, в конце февраля 2018 года, вскоре после его девяностопятилетнего юбилея, Эммануила Марковича не стало.

Помните, как вопрошал поэт Леонид Мартынов?

... Скажи: / Какой ты след оставишь? / След, / Чтобы вытерли паркет / И посмотрели косо вслед, / Или / Незримый прочный след / В чужой душе на много лет?

Эммануил Маркович Коган из тех, кто, уходя, оставляет после себя и зримый – его дела, и незримый след, о котором так хорошо сказал поэт.

В заключение обратимся ещё раз к его книге, где есть слова, адресованные нам, живущим, можно сказать, – завещание ветерана.

«Часто думаю: вот я, обычный человек, с каким-то своим талантом, но отнюдь не семи пядей во лбу, стал известным учёным-медиком и, несмотря на преклонный возраст, до сих пор занимаюсь наукой... Не перемолоти война десятки миллионов таких, как я, сколько полезного могли бы сделать они за свою

жизнь! Да и не в полезности даже дело. Не сгинь они в этой мясорубке, сколько счастливых встреч случилось бы, сколько молодых семей образовалось бы, сколько новых продолжателей рода человеческого появилось бы на свет. Когда-то мне, как, наверное, многим, казалось, что из ошибок, сделанных в минувшем веке, люди извлекут уроки, и в XXI веке разум и добро победят безумие и зло, и человечество наконец заживет в мире и согласии. Что-то действительно изменилось к лучшему, но в то же время цивилизация наша стала намного уязвимей, и возможность ещё более страшного, чем в прошлом веке, мирового катаклизма, увы, – не плод чьей-то больной фантазии, а пугающая реальность. У моего поколения во время застолий среди прочих тостов был один – главный: «Чтобы не было войны!»

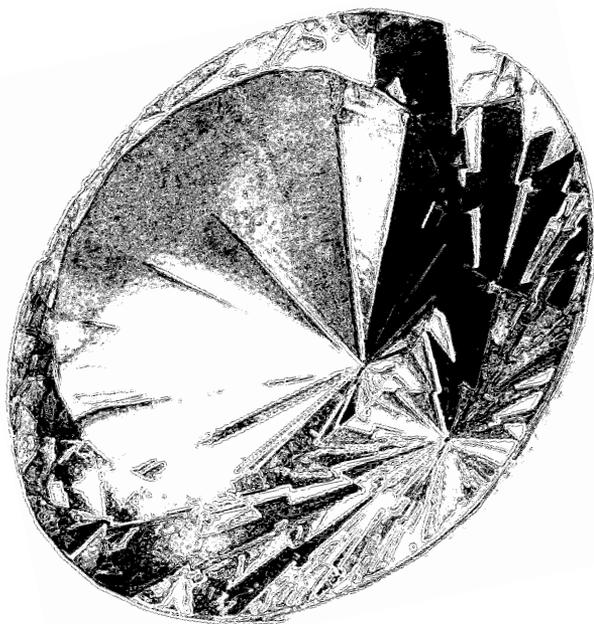
К великому сожалению, пожелание это не утратило актуальности и сегодня...

Последние из «могикан»...

(В статье использованы фотографии Валерия Гольшейдера, а также фото из архива Э.М. Когана и сайта «Общедоступный электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» – ВА)

Лёд
и пламень

Клавдия ЛЕЙБОВА

Ратинген

ТАГАНКА. ВОЛОДЕТЕРАПИЯ

Это – запоздалое объяснение в любви. К Театру и Артисту, ставшими частью и моей жизни, о которой неизбежны попутные воспоминания, простите...

Когда я сразу после смерти Высоцкого пыталась об этом написать, я поставила эпитафию из стихотворения Маяковского к Сергею Есенину:

*Вам и памятник еще не слит, –
Где он, бронзы звон или гранита грань? –
А к решеткам памяти уже понесли
Посвящений и воспоминаний дрянь.*

А теперь, когда и памятник слит, и бронзы звон имеет место, взяла бы из того же Маяковского: «Пожалуйста, не сплетничайте, покойный этого очень не любил...» Очень надеюсь, просто даже претендую на то, что своими непритязательными воспоминаниями не вношу лепту в подношения к решеткам памяти...

В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году мы с мужем пребывали в длительной командировке в Москве, вернее, в Подмосковье. Мы представляли разработчика в соответствующем учреждении, где проводились летные испытания самолета АН-14 – «Пчелки», как его называли. Наш генеральный вообще был человеком, не чуждым романтики, и многие его самолеты имели еще и собственные имена – видимо, с легкой руки народной, ласково прозвавшего его первенца, АН-2, «Аннушкой». Один, очень большой, назван был даже сгоряча «Ан-

теем», и никто почему-то не озаботился судьбой героя-прототипа в момент его отрыва от матушки-земли...

Проживали мы на подмосковной станции Валентиновка, снимая комнату у пожилой супружеской четы. Валентиновка находилась в чудесной лесной зоне, была идиллически тихой и пахла в знойные дни разогретой на солнце сосновой хвоей. Опавшей за многие годы хвоей были покрыты и тропинки, по которым через лес мы пробирались к дому. Дорога слегка пружинила под ногами, и это было невыразимо приятно. Неподалеку находился поселок Болшево, где когда-то были ведомственные дачи НКВД. Много лет спустя я узнала, что на одной такой даче перед войной проживали Сергей Эфрон, Марина Цветаева и их дети Ариадна и Георгий. Отсюда в 1937 году увезли сначала Ариадну – на долгие шестнадцать лет, а потом Сергея – навсегда.

У хозяев был огромный цепной пес Цыган. Цыган был черен и злобен, никого, кроме хозяина, не признавал. Хозяйка ругалась: вот же, вражина, с миской подпускает, а нажрется – и бросается, пройти нельзя. В этом было что-то дефективное, и мы шмыгали мимо будки с опаской.

Небольшой участок использовался на сто процентов рационально. Там произрастало все, и на этом «всем» старик со старухой вечно стояли кверху попами. Исключением был малюсенький палисадничек как раз перед окошком нашей крохотной комнаты – там буйно росли георгины невиданных красок и размеров.

Мы были заядлыми театрами и старались воспользоваться нашим длительным пребыванием «почти» в Москве. Однажды я, выстояв огромную очередь в кассу «Современника», купила билеты на «Балладу о невеселом кабачке» по пьесе Олби. Стою, своему счастью не веря, и вдруг кто-то берет меня за плечо. Я обернулась. Молодой человек жуликоватого

вида спросил: «Хотите в любой театр без очереди?» Я хотела, конечно. Мы ушли с людного места, и он вытащил из портфеля несколько туго смотанных рулонов, перетянутых пестренькой бельевой резинкой. Это были билеты в разные театры на разные спектакли. Фокус состоял в том, что все они, независимо от их реальной цены, продавались по два рубля. Напомню, что в драмтеатры самый дорогой билет стоил тогда два двадцать.

Мы уже кое-что слышали о театре на Таганке, и я знала, что там играет тот самый Владимир Высоцкий, который кричал с нашей «Яузы» и был легендарно популярен. Я выгребла все деньги, что были у меня с собой, купила несколько билетов. А с молодым человеком договорилась о встрече, и он не обманул. Так мы пересмотрели всё тогда игравшееся на Таганке, и увидели Высоцкого, которого сначала слышали. И слышали в разноголосице шестидесятых, когда людей будто бы прорвало, – все сочиняли и пели под гитару. Это настолько отличалось от всего того, что нам до сих пор пели и что мы пели сами, что вся «бардовская» продукция поглощалась поначалу без разбору. Когда же установился некий фон, над ним оказались вознесенными трое. Каждый со своим особенным голосом, со своей неповторимой темой. И сколько лет с тех пор ни минуло, сколько новых и новых бардов ни появлялось, эти трое для меня неизменно оставались и каждый сам по себе, и триедины: Галич, Окуджава, Высоцкий... Никого уже нет из них на свете, и никто не может до них дотянуться. Это ощущение сугубо мое индивидуальное, я понимаю, что пристрастия у всех свои...

Да, относительно того, что мы тогда пели. Вспоминаю первые студенческие выезды в колхоз. Ошалелые от счастья, что стали студентами, что нас выпустили на травку, мы по вечерам плясали под гармошку первого на деревне парня Васи, который наяривал довольно музыкально «Амурские волны»,

«Карапета», «цыганочку» и, совершенно неожиданно, бравурную немецкую «Розамунду», под которую мы танцевали нечто подобное фокстроту. «Розамунда» досталась в наследство от немецких солдат, виртуозно выдававших ее на губной гармошке, – места эти во время войны были оккупированы. Студентки шли нарасхват у местных кавалеров, а их однокурсники дулись и вынашивали планы мести. Когда уставали от танцев, садились на бревна, вместо скамеек обрамлявшие танцплощадку, и пели. Так вот, пели мы такое: «Ландыши», «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?», «У девушки с острова Пасхи украли любовника тигры», «Лежат в тазу четыре зуба...», и на прощание – забойную с рефреном «Ах, Жора, поддержи мой макинтош!». На бревнах каждый вечер посиживал с нами колхозный бригадир и наш шеф Трофим Карпович. Он был одноног, деревяшку свою строгал собственноручно, каждый год новую. Трофим крутил из газеты сигарку, набивая ядреным доморощенным табаком. Сигарка трещала и дымила нещадно от глубоких частых затяжек. Он слушал нас, скорбно головой покачивая, потом вставал, и, грозя указательным пальцем заскорузлой натруженной руки, говорил: «Жорою авторытэту нэ заробыш!»

...И тут вдруг как взорвалось! Окуджава, Высоцкий, а потом и почти запретный Галич!

Высоцкий ворвался в наши дома, все сдвинул с мест, перепутал «приличное» с «неприличным», ввел в наш интеллигентный круг какую-то совершенно непотребную публику, ставшую неожиданно родной и близкой. Он завоевал, покорил, захватил, соблазнил, потащил за собой... Какие есть еще глаголы, обозначающие то активное воздействие, которое он на нас оказывал? О этот низкий, с хрипом голос! Мне всегда казалось, что он – нечто материальное. И не говорите мне, акустику по образованию, что это просто определенной частоты колебания воздуха! Право, вполне можно было бы соорудить прибор вроде вертушки Лебедева, чтобы определить

давление этого невероятного голоса. Но кроме необычности содержания и формы, артистичности исполнения было в его песнях нечто, что обещало с годами превратиться в факт несомненной и серьезной поэзии. Обещало – и не обмануло!

Для меня обаяние Высоцкого было таким, что однажды в минуту жизни трудную я придумала песенку на мотив его песни «Который раз лечу Москва-Одесса». Вот она:

*Который раз уже лечусь от стресса,
Элениум не впрок и аспирин,
Но стоит лишь Володе прокричать
«Москва-Одесса» –
И сразу забываю я про сплин.*

*Кто лечится от всех болезней сном,
Предпочитая яви летаргию,
Кто лечится махоркой, кто вином,
А я лечусь Володетерапией.*

*Меня, друзья, от гриппа и печенки
Не вылечат ни МХАТ и ни балет,
Зато незамедлительно легчает от девчонки,
Что, бровь подбрив, надела свой берет.*

*Когда совет дают лечиться сном,
Предпочитая яви летаргию,
Лечусь я не махоркой, не вином,
А я лечусь Володетерапией.*

*Когда болит живот или нет ребенка,
Когда остопостылил неуют,
Когда на теле сыпь или когда вокруг подонки,
Тебе антибиотики суют.*

*Да это же издевка над людьми –
Валить в одно и корь, и ностальгию,
Мне это надоело, черт возьми,
И я лечусь Володетерапией!*

Песенка в компании понравилась, иногда даже пели, выкрикивая с особым удовольствием слово «Володетерапия». Мы его ввели у себя в обиход. «Володетерапия» не утратила своего магического воздействия, когда Высоцкого не стало.

Моя подружка В., зная, что при каждом пребывании в Москве я стараюсь попасть на Таганку, как-то предложила: «А ты передай Высоцкому свою песенку». Я так взбесилась, что меня пришлось утихомиривать. Я совершенно искренне считала, да, может, так оно и было, что поклонение, признание людей со стороны ему не нужны и даже досаждают и мешают жить. Я ведь твердо была привержена тютчевской установке, что «мысль изреченная есть ложь». И не я одна, мы все скупимся часто на доброе слово, отговариваясь Тютчевым. Наверное, ни одна библейская заповедь не исполняется с таким тщанием... А теперь думаю – а вдруг ему было бы приятно получить это не Бог весть какое свидетельство его популярности и любви к нему? Да что уж теперь об этом – некому. А всё наша суетная боязнь попасть в неловкое положение.

Со временем Высоцкий стал человеком такой легендарности, что и не верилось, что есть возможность увидеть его «живьем». Были «Антимиры», «Павшие живые», «Десять дней, которые потрясли мир», «Галилей», «Послушайте!», «Товарищ, верь!», «Пугачев» и наконец «Гамлет». Это просто перечисление тех спектаклей, где я его видела. Есть специалисты, которые профессионально расскажут о Высоцком-актере. Кстати, в ансамбле с таганцами он смотрелся абсолютно гармонично, такого ощущения не было от его первых киноролей. Там просто бросались в глаза его актерская необычность, странность,

непохожесть. Он был настолько «другой», что выпадал из ансамбля нетаганских актеров. Он был иноходец! Вы скажете: «Это плохо!» Но это было так, и его кинонеудачи я объясняла тем, что он был иноходцем во всем. Я думаю, это понимали и снимавшие его режиссеры, но велик был искус, притяжение, обаяние актерской индивидуальности Высоцкого. Слава Богу, были очень удачные фильмы и роли: «Служили два товарища», «Плохой хороший человек», ну и, конечно, фильмы Станислава Говорухина. Так мало, но и прожил он трагически мало...

...И вот когда мы с мужем шли на спектакль «Послушайте! Маяковский», я попросила у хозяйки Валентиновской квартиры три георгины: красную, оранжевую и желтую. Огромные, как подсолнухи, в обрамлении зеленых листьев на толстых трубчатых стеблях. Я отдала цветы Высоцкому, а он положил их к одному из портретов Маяковского, установленных на просцениуме. Цветы лежали у портрета огромноглазого трагического Владимира Маяковского, как половина радуги...

Леонид ДУБИНШТЕЙН

Штутгарт

Журналист, писатель, сценарист. Автор книг «Мотив», «Клуб «Грустный шваб», «Старая монета», «Жидовка», «Наши в городе» и других.

НА РАССТОЯНИИ РУКИ

Этюд с кефиром

Для начала запомним: июль семьдесят восьмого.

Высоцкого знали все. Все слушали, видели его в фильмах, а многие – на театральных подмостках. Одна была проблема: СМИ (тогда говорили «пресса») о нём не писали или писали очень скупо. Редакторы остерегались, что «сверху» не одобряют.

Автор этих строк в 1978 г. работал собкором газеты «Культура и жизнь» по Донбассу. В начале июля мы узнали, что скоро в Донецк приезжают группа «Самоцветы» и Владимир Высоцкий. По тем временам это называлось «паровозом». То есть какой-то ВИА брал с собой известного исполнителя, чтобы под его именем получить свою долю аплодисментов и выручки.

В этот раз «паровозом» стал Высоцкий. Я позвонил редактору и сказал, что хочу сделать интервью с ним. Редактор долго пыхтел в трубку, что-то бормотал и наконец изрёк: «Делай большой материал о «Самоцветах» и два последних абзаца – о Высоцком».

...Я недавно подумал вот о чём. Представим, что Высоцкий жил бы сегодня и за его спиной торчали бы бройлеры-телохранители... Дурной сон. А тогда у него был один администратор Валерий Янклович, который решал все вопросы артиста, в том числе о связях с прессой.

Янклович (кстати, он сейчас живёт в Германии) выделил мне полчаса после концерта, но сразу предупредил: «Никаких вопросов о личной жизни».

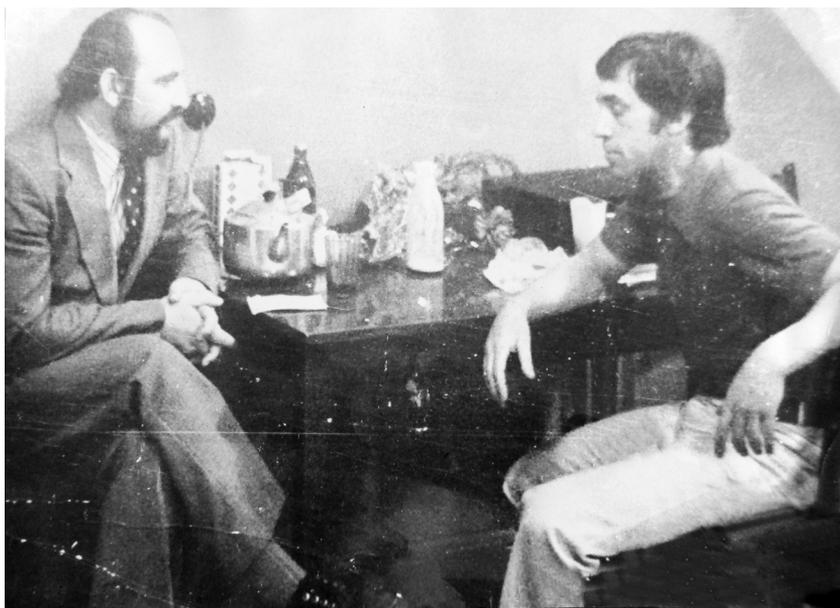
...На фотографии мы видим то, что я увидел, когда вошёл в гримборную Высоцкого во Дворце спорта «Дружба»: чайник на столе и почти допитую бутылку кефира. Позже я узнал, что в это время Высоцкий носил в брюшной полости «торпеду», предохраняющую от алкоголя. Но и она оказалась бессильной. Правда, в тот вечер и на том концерте он был чист, как стёклышко.

– Привет! – сказал он. – Газета «Культура и жизнь»?.. У меня к ней личных рекламаций нет. Начинаем разговор.

Для начала я спросил, что для него важно – театр, кино или эстрада. На что получил исчерпывающий ответ:

– Я публичный человек, и для меня гораздо важнее, как меня воспринимают люди в данный момент, живём, на расстоянии руки. А не тогда, когда через несколько месяцев после окончания съёмок кинокритики расскажут мне о реакции зрителей.

В.Высоцкий и автор статьи (1978 г.)

– Однако ваши фильмы имеют гораздо большую аудиторию, чем театральные спектакли, в которых вы участвуете. Это ведь тоже важно для артиста?

– Да, кино делает меня популярнее, раздвигает мою географию, но, повторяю, живой, ежеминутный контакт со зрителем даёт только театр, сцена. Это дорогого стоит.

– Я принёс буклет «Владимир Высоцкий», изданный только что Фондом пропаганды советского киноискусства. Подпишите, пожалуйста.

– Буклет? Я его не видел. Дайте взглянуть.

Буклет был яркий, богато иллюстрированный, с подробным текстом и комментариями. Высоцкий перелистал его и сказал не без удовольствия:

– Это первое печатное издание обо мне. Спасибо. Рад был встрече.

Мы пожали друг другу руки.

На следующий день группа переехала в Жданов (ныне Мариуполь). Я поехал с ними. Когда автобус с артистами подъехал ко Дворцу металлургов, весь район (жилые дома, клубы, общежития) как по команде врубил «Кони привередливые», и под эту музыку Высоцкий стал подниматься во Дворец.

Повторю, это был июль семьдесят восьмого.

А в начале девяностых мне довелось общаться и с другими членами семьи Высоцкого.

В девяносто первом в Донецк приезжала Людмила Абрамова, мать сыновей Владимира Семёновича. Она обитала в том же номере гостиницы «Шахтёр», где останавливался тринадцатую годами ранее её супруг. И в том же девяносто первом, в этом же номере жил сын Высоцкого Никита. Он был приглашён в Донецк со съёмочной группой фильма «Призрак», где сыграл первую в своей творческой судьбе главную роль.

Тридцать лет уже прошло, а я, как сейчас, вижу сидящего на расстоянии руки великого артиста и поэта.

Волна

и

камень

Урина АЛЬТМАН

Вупперталь

ПРИНЦ ФИВАНСКИЙ ПИШЕТ СИНЕМУ ВСАДНИКУ

11 февраля 2019 года исполнится 150 лет со дня рождения выдающейся поэтессы XX века Эльзы Ласкер-Шюлер, уроженке нашего города. В 14 и 16 номерах альманаха публиковалась её переписка с известным художником Францем Марком. В связи с юбилеем Эльзы Ласкер-Шюлер мы решили, опубликовав новые фрагменты их переписки, напомнить вам, дорогие читатели, об этих творцах, оставивших заметный след в мировой культуре.

В.А.

Франц Марк

Эльза Ласкер-Шюлер

Библейский Иосиф, попавший из-за вероломства братьев в Египет, в Коране названный Юсуфом, в детстве вызывал пронзительное, до слез, сочувствие Эльзы. В процессе

личностного и творческого ее становления развивается образ Иосифа-Юсуфа, делаясь ее alter ego. Содержание образа обогащается на исторической почве благодаря выдающимся археологическим открытиям памятников Древнего Египта в начале XX века. Город Фивы являлся воплощением высокой культуры. Египтяне владели глубокими знаниями о природе, о связи жизни на Земле с миром Вселенной, стремились к познанию тайн души человека. Невиданным мастерством отмечены были произведения искусства.

Город Фивы Эльзы Ласкер-Шюлер – образ, наделенный ее фантазией. В Фивах царят права мечты, все определяется состоянием души. Здесь рождается вдохновение, вера в силу искусства, отступает обыденность и побуждает поэзия.

Космические знаки: звезды, серп Луны, кометы в письмах Эльзы Ласкер-Шюлер – свидетельства ее убеждения, что подлинная поэзия соединяет земное с небесным. Преданно и бескомпромиссно защищает она свои Фивы и заявляет: «Я родилась в Эльберфельде на Вуппере, мыслями – в небе. Я служу городу Фивы. Я – Принц его, Юсуф». Причастными Фивам могли быть любимые друзья и духовно близкие люди. С неистощимой фантазией она давала им новые имена и вовлекала их в неподражаемый мир ее своеобразной поэзии.

Франца Марка, Синего Всадника, она называет еще и Рувенем (по Библии, Рувен – сводный брат Иосифа), утверждая этим особую близость с ним. «Твои священные животные обитают в рощах моих Фив», – говорила она Францу.

Эльзу радовали его успехи и приходящая к нему известность. «В Праге тобой восхищаются», – пишет она Францу, возвратившись в Берлин. Эльза негодовала, когда работы художника оказывались непонятыми и отвергнутыми.

На что он отвечал: «Принц, да не печалься же по моему поводу! Я к глупости людской привык. Мои работы не взяли?! Да и пусть! Мы знаем цену этим людям. (...) Потому и сидим в Зиндельсдорфе. (...) А у тебя сейчас все, что ни делаешь, прекрасно получается» (из письма 13 апреля 1913 года).

Зная чувствительную, вибрирующую натуру Эльзы и о ее недавней депрессии, Франц своими посланиями, почтовыми открытками с маленькими «картинками» – эскизами старался приободрить ее, заинтересовать идеями новых своих работ и просто позабавить.

На открытке с картинкой «Из мирных времен Юсуфа» (21 мая 1913) Эльза читает:

«Милая сестрица, береги себя! А когда заснешь, пусть привидятся тебе золотые деревья и бабушкины овечки. Здесь, в Зиндельсдорфе, блеет всё полнейшим миром».

Жизнь Франца Марка, пылкого теоретика и творца нового искусства, полна была динамики непрерывного творческого

Франц Марк. Под дождем. 1912. Холст, масло. Галерея «Дом Ленбаха», Мюнхен

поиска. Содержанию и целям современного искусства посвящена его статья о «Новой живописи» в журнале «Пан». «Сейчас мы ищем вещи в их подлинном виде, скрытом за внешней формой».

В 1913 году он вместе с А.Макке и В.Кандинским был организатором и участником знаменательной для современного искусства выставки в галерее «Штурм» Херварта Вальдена в Берлине. (...) «Мы ищем и изображаем эту внутреннюю, духовную сторону природы», – пишет Ф.Марк.

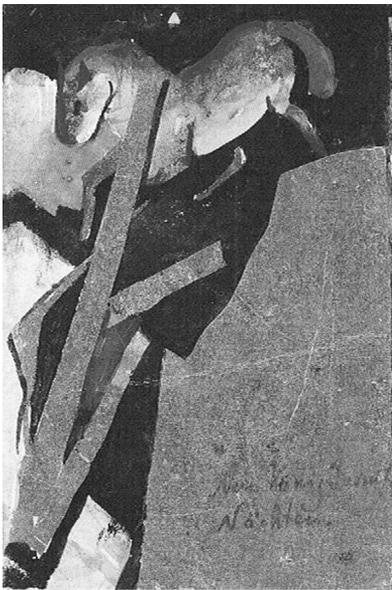
На открытку из Зиндельсдорфа с «бабушкиными овечками» в рисунке Франца и дружески тёплым пожеланием Эльзе благословенного душевного спокойствия она отвечает 24 мая:

«Мои дорогие Синие Всадники из Всадников! Как же мне благодарить за чудесные открытки?! Они стоят на моем столе и сияют».

Из письма Эльзы Франц и Мария узнают о ее напряженной жизни в Берлине. Недавно написанные стихи уже приняты известными журналами. Теперь она работает над сценарием фильма с восточным сюжетом. Но денег все так же не хватает, и в венском издательстве она берет опять в долг под будущие гонорары. Досаждают еще амбициозная среда, эта «ярмарка тщеславия». Однако появились прекрасные рецензии. «Даже мой недоброжелатель в «Эхо» хорошо отозвался. (...) Вот бы государству меня поддержать», – замечает она.

В поддержку Эльзы из Зиндельсдорфа отправляется 27 мая открытка с рисунком коня.

«Дорогая сестрица, если тебя уж очень сердит твое окружение, садись на этого коня и спеши сюда. Мы увлечены твоей книгой «Лица». В ней – вся ты. Спасибо за посвящение! Ф. и М.».

*Конь.
Гуашь, тушь, цветная фольга*

Хольцман из Германии отправился в Польшу. Там как участник акции анархистов был арестован, доставлен в Россию, где находился в тюрьме.

На просьбу Эльзы по делу Хольцмана откликнулась художница Марианна Веревкина. В это время она вместе со своим другом художником А.Явленским жила в Баварии. Верёвкина была племянницей министра внутренних дел в правительстве России. Адвокаты с российской и немецкой сторон готовили материал для освобождения из российской тюрьмы больного туберкулёзом Хольцмана.

Йоханнес Хольцман

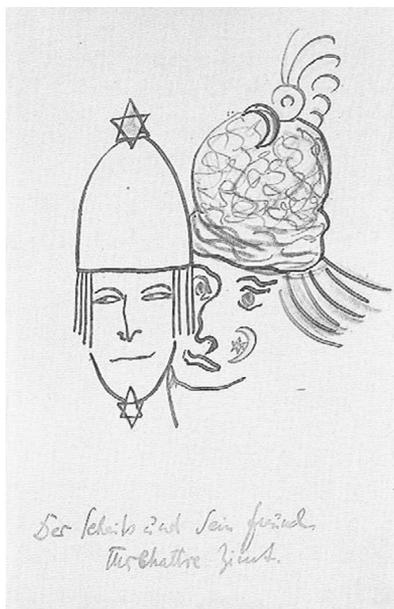
Эссе «Цирк» в книге посвящено Францу и Марии. «Небесный конь» в сиянии звезд был исполнен Францем гуашью с применением фольги.

Эльза отвечала 30 мая:

*«Скажу тебе, мой Синий
Всадник, этот вольный лохматый
молодец – драгоценный
конь. Я поцеловала его в морду».*

С весны 1913 года в письмах Эльзы всё чаще встречается имя Сенна Хой. Так называла она молодого писателя-публициста, анархиста Йоханнеса Хольцмана, произнося наоборот его имя.

Эльза Ласкер-Шюлер.
Рисунок для книги «Принц
Фиванский»

Эльза Ласкер-Шюлер. Факир.
Тушь, цветные мелки.
Рисунок для книги «Принц
Фиванский»

О ходе дела Эльза сообщает 25 июля: «Баронесса Верёвкина так добра. (...) Я думаю, что через четыре недели всё будет в порядке». Франц отзывается на это: «Привет С.Х., когда он явится, от его здешних библейских братьев».

В августе Эльза Ласкер-Шюлер закончила работу над книгой «Принц Фиванский». Ее рукопись с авторскими иллюстрациями уходит в Лейпциг, в издательство Курта Вольфа.

«Я теперь бедна и пуста. Без картин, которые создавала, которые всё влекли меня куда-то», – этим чувством, что будто рвется связь с дорогими ей образами, делится она с Францем. (...). «Тебе и Марии посвящаю я в новой книге «Дервиша». (...) Благодарю тебя и Марию еще раз за всё», – пишет она.

«Утёс мечты».

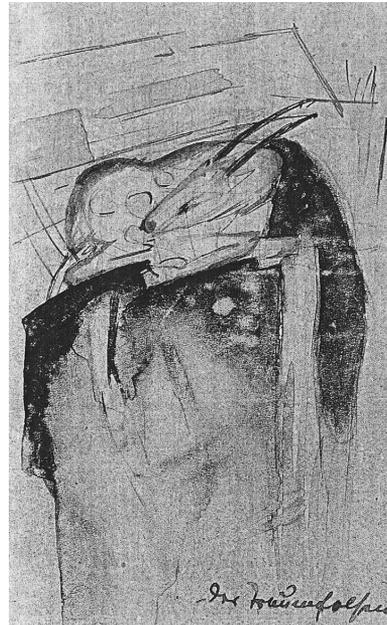
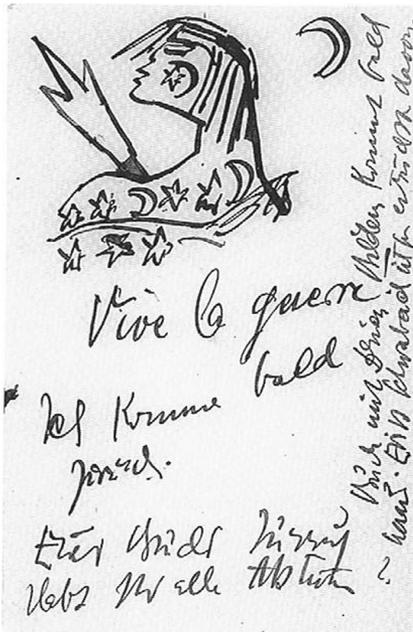
Акварель, тушь, гуашь

Открыткой с рисунком «Утёс мечты» Эльзу приглашают друзья:

«Любимейший Юсуф, (...) явись к нам на утёс мечты. Тут можно молчать и быть в согласии с самим собой. (...) Берлин – нездоровая почва для мечты. Приди на наши высоты.

Твои»

«Я постоянно думаю о вас, хотя не часто пишу. Очень много работы», – отвечала Эльза.

В Зиндельсдорфе были озадачены, когда получили открытку Эльзы от 14 ноября 1913 года. На открытке рисунок, передающий «боевой дух» Эльзы и загадочное: «Я скоро вернусь».

Через несколько дней – еще открытка, но уже из Москвы. По делу Хольцмана Эльза отправилась вместе с его братом в Россию. Йоханнеса она застала в тяжелом состоянии в тюремной боль-

Почтовая открытка с рисунком Эльзы Ласкер-Шюлер

нице под Москвой. Но скорое его освобождение уже предвиделось, что отражено в характере и тоне её послания:

«У нашего брата скоро всё изменится к лучшему. Москва – страшно красива и очень бурная. Я ношу черный бархатный кафтан, подвязанный зеленым кушаком. Ваш Принц».

В декабре в берлинской жизни Эльзы Ласкер-Шюлер вновь очень много работы. 31 декабря Эльза пишет Маркам, что она очень хотела бы видеть их на своем литературном вечере, который состоится 19 января 1914 года в художественном Салоне Пауля Кассирера.

«О, будьте здесь! Может быть, и ваша милая мама придет? (...) Никакая пошлость не коснётся сердца. Будет подлинное искусство», – приглашает она. На Рождество Марки приехали к матери Марии в Берлин.

Свои «Древнееврейские баллады» она читала в этот вечер. В рецензии было отмечено: «В отношении языка все замечательно. При этом личностное своеобразие дает этим произведениям такую жизненную силу, что невозможно избежать её воздействия».

Впечатление о чтении Эльзой Ласкер-Шюлер своих стихов передал писатель Виланд Херцфельд: «Твердость, отрывистость были в ее словах, а сама она раскалена, как металл, (...) и совершенно внезапно она обрывала стих. (...) Это была не речь, а какое-то пение, как молитва восточного пророка».

Процесс возвращения Хольцмана в Германию затягивался, и усиливалось беспокойство Эльзы за его судьбу. В январе она обращается к Маркам:

«Посылаю вам письмо адвоката в Москву. Прошу немедленно отправить его баронессе Вевекиной. Меня она больше не слушает. (...) Пожалуйста, убедите Вевекину. Ведь каждый день погребен заживо на каторге. (...) Пусть она срочно напишет. (...) Пожалуйста, сделайте это!. С благодарностью, ваш Юсуф».

В марте 1914 Эльза Ласкер-Шюлер встречается с членом Рейхстага Рихтхофеном, бывшим дипломатом в России, надеясь на его помощь в деле Хольцмана.

В письме Маркам Эльза упоминает княгиню Паулину, которая имела знакомых при дворе Николая Второго в Петербурге:

«Рувен, Марейя, обратитесь к княгине Паулине. Она должна написать Царю. (...) Ваш Юсуф. Руки мои дрожат!»

Дело Хольцмана оказалось сложным. Материалы к его освобождению из российской тюрьмы, подготовленные немецкими и российскими адвокатами, казались весомыми. Можно предполагать, что германская сторона не захотела возвращения в страну анархиста.

30 апреля 1914 года Франц читает:

«Рувен дорогой, подумай, Сенна Хой умер. Теперь будто бы все готовы были помочь. Это всегда так. Не могли мы сделать большего. (...) И я, его товарищ, слишком мало сделала. Ваш Юсуф».

Цикл стихов, исполненных любви и боли утраты, посвящает Эльза Ласкер-Шюлер Йоханнесу Хольцману. Франц Марк особенно ценил эти стихи, признавая, что в них – «она подлинно большой поэт. (...) Здесь вся её слабость превращается в мощь и торжество поэзии».

Весной 1914 года Франц и Мария переехали из Зиндельсдорфа в Рид. На присланной Францем открытке с акварелью «Замок Рид» он пишет:

«Дорогой Юсуф, эту картинку посылаю Паулю, я нарисовал для него, чтобы он видел наш замок. Да славится Юсуф! Твои».

Рид на акварели – это отражение мира, наполненного тем, что дорого Францу Марку, что он любит. Маленькая картинка передает открытые просторы, дальние луга, пастбища

Франц Марк. «Замок Рид». Акварель

олений, коней, косуль и вдалеке замок. На ближнем плане изображен скачущий на коне индеец с копьём – образ общего увлечения Франца, Пауля и Эльзы.

Сын Эльзы Пауль был симпатичен Францу, о чем он однажды написал: «Что-то есть в лице Пауля, что очень трогает меня, пробуждает мои мальчишеские воспоминания и самое сокровенное».

Порой Пауль жил у Марков, читал книги, рекомендованные Францем, и находил здесь поддержку в своем увлечении рисованием.

Рид с открытки Франца вскоре становится картиной – воспоминанием, элегическим миражем гармонии и счастья. Началась Первая мировая война, и жизнь наполнилась неизбежной тревогой. Сюда уже в начале войны пришла горестная весть о гибели близкого друга Франца, 27-летнего художника Августа Макке. Осенью ушел на войну Франц Марк. Как унтер-офицер, затем лейтенант легкой артиллерии он находил

ся на французском фронте. Трудно понять сейчас, что воодушевляло идущих на фронт добровольцами А.Макке и Ф.Марка.

В них была тогда вера в то, что больной мир старой Европы, пройдя жестокий, жертвенный путь войны, обновленным выйдет к подлинным духовным ценностям.

Эльзе Ласкер-Шюлер чужда была эта идея. Глубокий трагизм войны ощутила она.

Осенью 1914 года Эльза пишет Францу первое письмо на фронт:

«Мой бесценный брат Рувен, дорогой, милый Синий Всадник, я только что узнала, где ты находишься. И не подумай, что я, твой преданнейший товарищ и глубочайше тобой очарованный Принц, не думаю о тебе. Я постоянно душою с тобой на войне и стыжусь, что не могу за тобой следовать.

Всегда искренне любящий тебя и горячо почитающий Юсуф.

Пожалуйста, верь этому! Ты сейчас лучший человек на свете. В твоём сердце видят Бога, бесконечно любимый Рувен.

Марейя, конечно же, согласится со всем тем, что я тебе пишу».

В ноябре Эльза пробовала навестить Франца, но на границе с Францией ее остановили.

Из письма 20 ноября 1914 года:

«Мой драгоценный брат, (...) я приветствую тебя из Фив. Как хотел бы я следовать за тобой на войну. Не могу. (...) И сделался я пастухом. И вяжу я тебе, я правитель Фив, тебе моему бесценному брату шарф, (...) – шарф, который уже длинный-длинный и вьется так, как ручеёк, огибая луга и кусты роз моего сада. (...)

Навечно твой Юсуф»

О чём бы ни писала Эльза в дни войны Францу: о своей жизни, событиях, переживаниях и о самой атмосфере военного

времени, – всё проникнуто нежной любовью к Францу и тревогой за него. Здесь истоки образа ее поэзии: шарфа-ручейка, возникшего в ноябрьском письме. Петля к петле, как слово к слову любви, вяжется синий шарф, вьётся и, как ручеёк, пробивается сквозь сумрак войны к памяти о чуде жизни, и ещё будет слышен его чистый голос.

Из письма середины февраля 1915 года:

*«Дорогой Рувен,
я не могу больше выносить этот мир, повсюду или бугор, или стена, я не могу больше карабкаться, я зависаю над каждым обрывом и плачу. И люди здесь, в ковчеге, втыкают картошку на зубцы моей короны. (...) Вы все придете с войны, как из стали, а я превращусь в камень. Мое сердце очерствеет и замкнется.
Будь невредим, мой драгоценный брат.
Твой Юсуф».*

Из письма 14 апреля 1915 года (в конверт Эльза вкладывает свой рисунок, связанный с образом синего шарфа):

*«Мой дорогой, чудесный Синий Всадник, (...) как рада была бы я, если б войне пришел конец. Могут ли я навестить тебя? Пожалуйста, не думай об опасности для меня. Разрешение я получу определленно. (...)
Этот синий шарф посылаю я тебе, он напоён из глубины моего сердца. В мгновение стал он синим-синим, как синева моря. Возвратись же невредим! (...)
Твой бедный Юсуф»*

Написанное Эльзой тронуло чуткого к поэзии Франца Марка. Здесь он почувствовал близость к произведениям его любимых поэтов-романтиков.

Вести с фронта от Франца Эльзе передавала Мария. Она пересылала ей некоторые письма мужа. Франц писал жене, по-

свящая её в реалии войны. Он просил Марию навещать Эльзу, называя её страдающим, «трагическим духом», а от посещения его на фронте просил со всей настойчивостью отговорить. «Она, к счастью, не представляет, – пишет он, в каких условиях я нахожусь».

На фронте Франц Марк вел дневник, писал статьи, которые при посредничестве Марии печатались в газетах и журналах. За отвагу на фронте Франц Марк был награжден орденом Железного креста. Но со временем к нему приходит прозрение о самой этой войне.

В ноябре 1915 года Франц Марк приезжает в отпуск с фронта. Эльза не виделась с ним. Франц встречался в Мюнхене с Паулем, продолжавшим там свое художественное образование.

Эльза Ласкер-Шюлер (в дни войны)

«Мой Рувен, мой. В Риде только и думают о твоём окончательном возвращении. Всё для этого предпринято. Страшна война. Чума чумой лечится. Яд – ядом, и меня мучает совесть», – этими словами начинает Эльза Ласкер-Шюлер свое письмо на фронт Францу Марку в начале декабря 1915 года. Признанная в поэзии «верховой жрицей любви» она так жёстко и беспощадно оценивает иллюзию о войне как о «чистилище», в котором «преобразится мир».

В письме дальше следует:

«Одиноко вяжу я шарф для тебя на холме моего города Фивы, моему брату, моему; золотые овечки приходят и хотят пить из этого ручья, что пробивается через медовый клевер лугов.

Что же мне дальше писать, когда я стыдилась видеть тебя. Так неодолим был бы стыд от моей беспомощности в эту кровоточащую, вечную ночь. Как же хороши ты. Паульхен пишет мне, как ты выглядишь. (...) Мой Пауль хороший мальчик, не так ли? Как радуется меня, что ты это замечаешь! Я счастлива, что ты так добр к нему».

Письмо Эльзы Ласкер-Шюлер января 1916 года передает состояние ее полного отторжения эйфории военного патриотизма.

«Мой дорогой Синий Всадник.

Это письмо я пишу тебе в кафе «Westens». Люди с их лицами, их речью, жестами исчезают – все это, как на обоях, неживое. (...) Мое одиночество сегодня вечером тяжело, как никогда. Не воспринимаю я мир. Сейчас раздирают на части тела, а до того заколоты были души. (...)

Я знаю, что главное – это сберечь синий цветок сердца, это Небо, которое и есть душа. (...)

Я одинока здесь. И думаю о многих солдатах, об этих Иисусах – мучениках войны, о тебе особенно, дорогой Синий Всадник.

Твой Юсуф навсегда».

В конце 1915 года было получено разрешение на демобилизацию Франца Марка. В марте 1916 года были готовы все документы. 4 марта Франц пишет жене:

«Среди безмерных, вызывающих ужас картин разрушения, (...) мысли о возвращении на родину являются как сияние. Это столь желанно, что описать невозможно».

Во второй половине того же дня, 4 марта, под Верденом Франц Марк был смертельно ранен.

В газете «Berliner Tagesblatt» 9 марта был помещен некролог, написанный Эльзой Ласкер-Шюлер.

«Погиб Синий Всадник, великий Библиец, возле которого царил дух земногорая. Синюю свою тень оставил он на Земле. Он был тем, кто слышал, как говорят звери, и объяснял их непонятные души. (...) Где бы ни являлся Синий Всадник, всюду дарил он Небо». (...)

Я не видела художника более нежного, чем он. (...) Даже хищные звери начинали расцветать, как чудесные растения под его тропически теплой рукой. (...)

Пошли же привет мне и твоей любимой жене, Синий Всадник, слуге твоему и твоей служанке, твоему ослику в стойле, твоим косякам и оленям на пастбище, и не забудь, мой чудесный брат, Руссея, твою верную собаку. (...)

Все это было до войны».

Эльза Ласкер-Шюлер вспоминает о Франце Марке в своей книге «Земля иудеев»:

«Синий Всадник, мессия зверей, все еще кровоточащая жертва мировой бойни. Перед моими глазами парит тихое печальное облако».

Францу Марку посвятила Эльза Ласкер-Шюлер свой роман «Малик» со словами:

«Моему незабвенному Францу Марку (Синему Всаднику) – в Вечность».

Перевод с немецкого Ирины Альтман

Франц Марк. «Синий конь». 1911. Холст, масло. Галерея «Дом Ленбаха», Мюнхен

Виктор ЛЕВЕНГАРЦ

Вупперталь

ОДИНОЧЕСТВО

На черном блестящем основании чуть выше человеческого роста стоит черная блестящая пластина. Чуть выше, но не настолько, чтобы выделяться среди идущих, спешащих по своим делам людей.

На пластине над белым воротником блузки крупное лицо, окаймленное широкой лентой черных волос. Большие глаза. Черные густые брови.

Два цвета – Черный и Белый с редким вкраплением серого. И напряженный внимательный взгляд. Она смотрит на меня и говорит со мной. Нет, она смотрит на себя и говорит с собой, потому что напротив стоит такая же пластина с таким же портретом.

Так получилось, что почти ежедневно я прохожу этот перекресток и встречаюсь с ней. Возможно, когда я иду мимо этого места, она случайно оказывается здесь. Возможно.

В городе редко идет снег. Чаще всего он тает, не успев опуститься на мостовую. Но сегодня он сыплется крупными хлопьями, которые и снежинками трудно назвать. Кажется, что кто-то наверху рвет вату и бросает ее на землю. Весь город в снегу. И её ноги припорошены снегом. Но с лица не сходит улыбка. Ей явно нравится этот неожиданный снегопад.

Вчера же целый день шёл дождь. И ей от этого было грустно. А кому будет по душе, когда небо весь день затянуто плотным серым занавесом и нет на нём ни одного светлого пятнышка, которое бы вселяло надежду, что дождь скоро прекратится. Вся мокрая, она стояла в ожидании просветления на небе. И не было видно конца ее слезам.

А когда светит солнце, его лучи скользят по ее лицу. Кусочки смальты блестят, переливаются, лицо ее светится и взгляд искрится.

Она – это немецкая еврейская поэтесса Эльзе Ласкер-Шюлер. Две пластины стоят напротив друг друга. Два лица одного человека всматриваются друг в друга. А как же иначе посмотришь в себя, если не всматриваться?

С каким-то тревожным чувством я покидал этот перекресток, и, может быть, поэтому мне вспомнилось ее стихотворение «Бегство от мира» («Weltflucht»):

*Я стремлюсь в беспредельность
Назад к себе,
Уже цветет безвременник осенний
Моей души,
Может быть, уже поздно идти назад.
О, среди вас я умираю!
Вы душиите меня собой.
Хотела бы я натянуть вокруг себя нити,
Заканчивая хаос!
Смущая,
Запутывая вас,
Бежать,
Оставаясь собой.*

Перевод стихотворения: Виктор Левенгарц

Валерий ГОЛЬШЕЙДЕР

Вупперталь

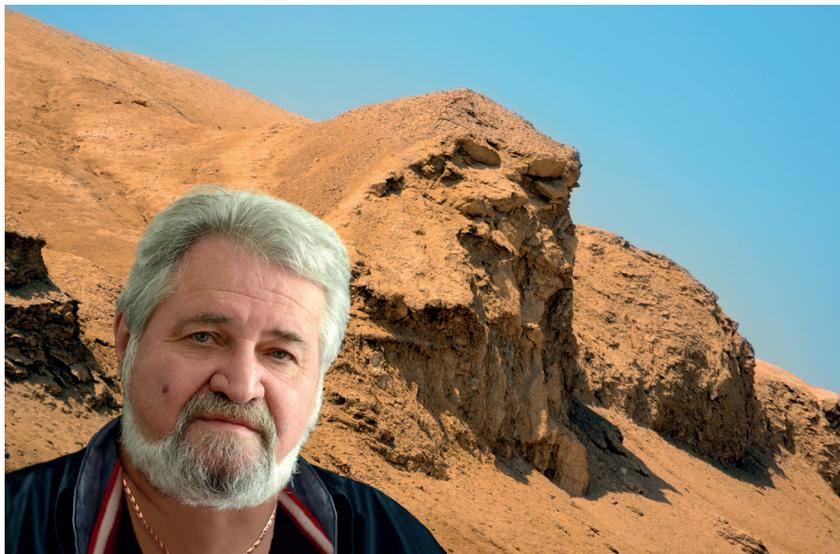
СЕМЬ ДНЕЙ В ИЗРАИЛЕ

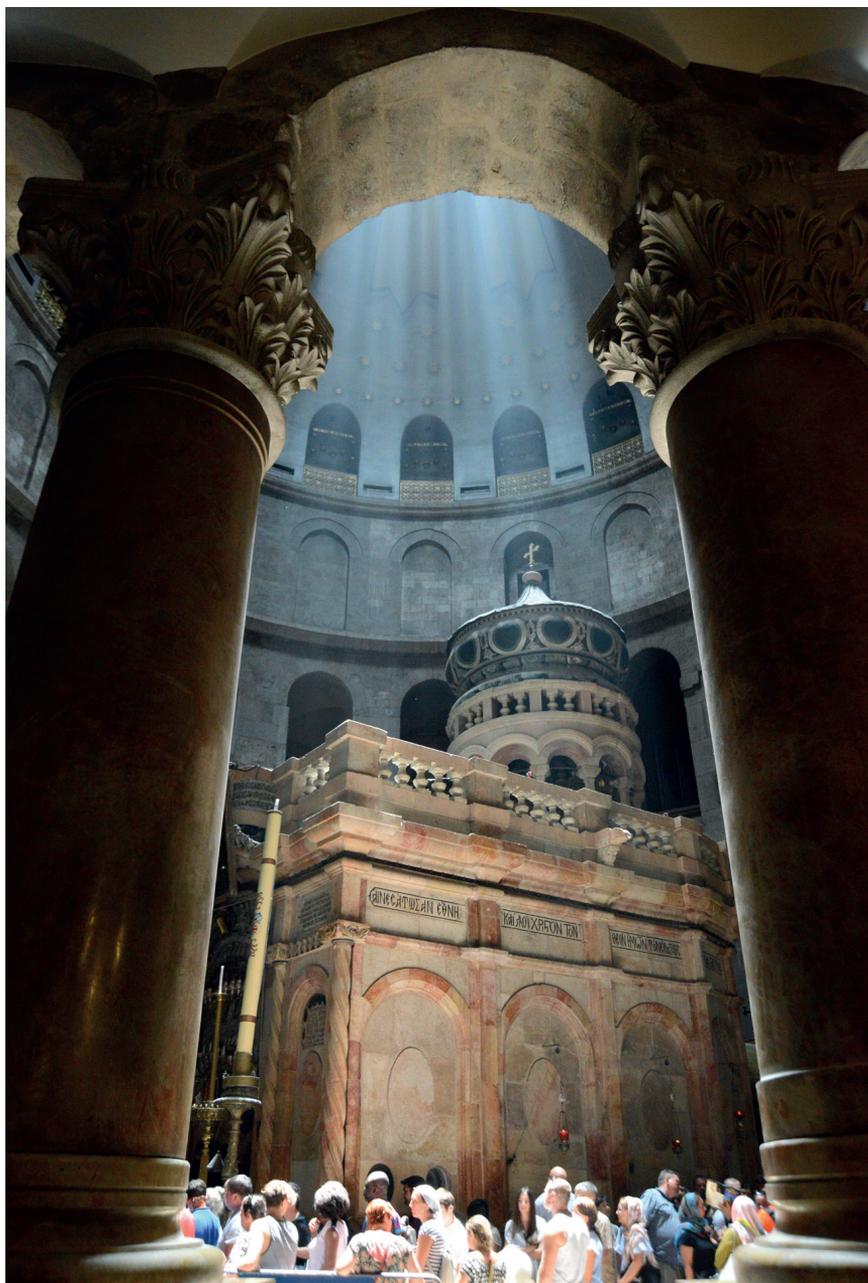
Израиль – маленькая, с населением около девяти миллионов человек, стойкая жизнелюбивая страна – существует на карте мира 71 год. Существует и процветает вопреки недружественному окружению соседей, с непростыми внутренними противоречиями, и при этом дарит человечеству всё новые и новые открытия в области науки, техники, медицины...

А какая там литература! Русский читатель знаком в переводах с творчеством поэта Хаима Нахмана Бялика, поэта и прозаика лауреата Нобелевской премии по литературе Шая Агнона, писателей Ханоха Бартова, Моше Шамира, Амоса Оза и других. Известны и любимы современные авторы, пишущие по-русски, – Игорь Губерман, Дина Рубина. Может быть, менее популярны, но, на мой взгляд, не менее талантливы поэты Игорь Бяльский, Сара Погреб, Лев Беринский (творчество двух последних было представлено в нашем альманахе, а в этом номере мы знакомим читателя с ещё одним с талантливым израильским переводчиком Ханохом Дашевским).

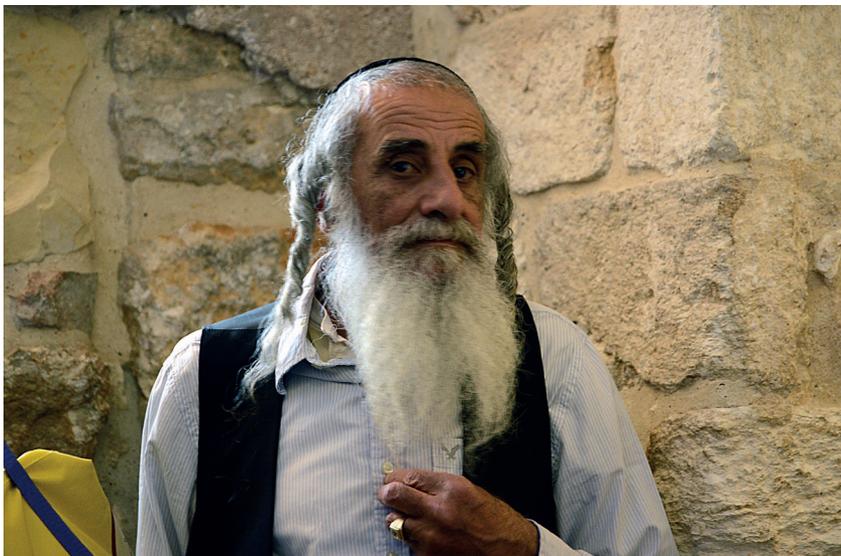
А еще Израиль необыкновенно красив! Те, кто хоть раз побывал здесь, кроме знакомства со страной трех религий с её многообразием культур, уносит в душе незабываемые впечатления о красоте этой земли.

Проведя 7 дней в Израиле, фотохудожник Валерий Гольшейдер сделал около тысячи снимков, каждый из которых мог бы оказаться на этих страницах. Но, к сожалению, это невозможно... После многих обсуждений и споров мы выбрали для публикации вот эти.

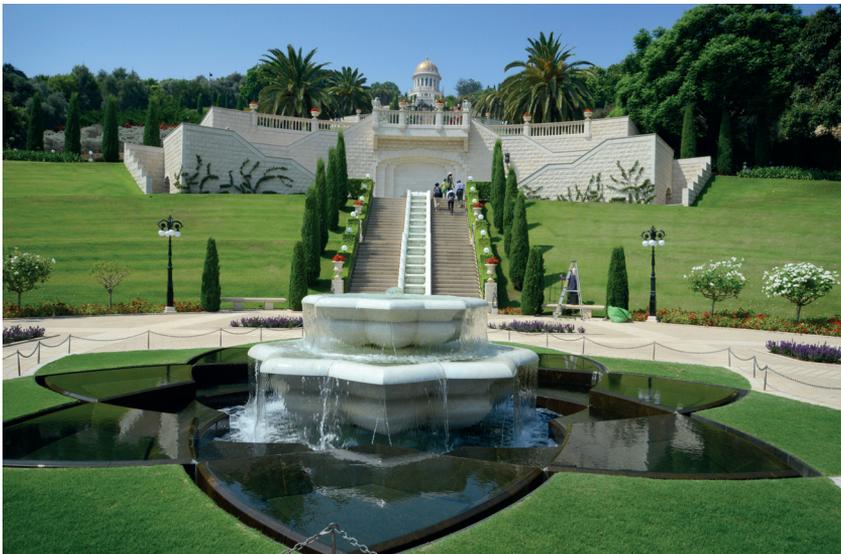

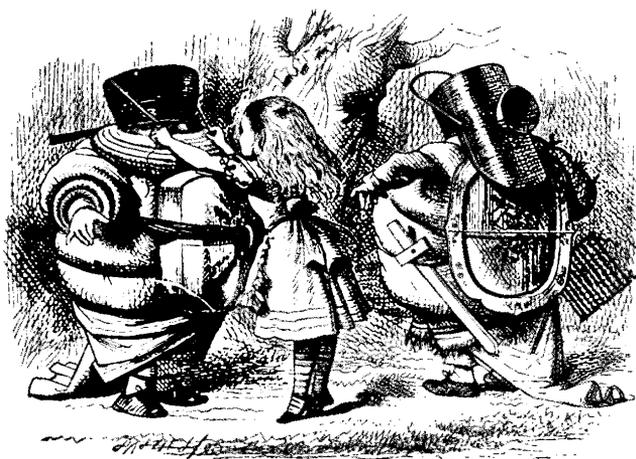

*Они
сошлись*

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Бохум

КОГДА ГЕНРИ ФОРД БЫЛ МАЛЕНЬКИМ

Из цикла «Жизнь замечательных детей»

Форд и фермеры

Когда великий создатель автомобиля Генри Форд был маленьким, он жил на ферме вместе с мамой и папой.

Мама и папа у него были фермерами, и бабушки с дедушками были фермерами. И все люди в округе тоже были фермерами. Поэтому маленький Генри Форд считал, что на земле живут одни только фермеры. Они выращивают пшеницу, кукурузу, картошку и морковку, ухаживают за коровами и лошадьми, а куры и утки дают им яйца.

На ферме всегда было всегда много работы, и отец нанимал помощников – молодых крепких парней, которые собирались за длинным деревянным столом рано утром и поздно вечером, чтобы съесть огромный котёл еды, от которой поднимался густой вкусный пар. Утром за едой помощники шутили друг над другом, а вечером ели молча, устало положив на стол огромные загорелые руки, а некоторые прямо за едой засыпали.

Отец боялся, что не успеет собрать урожай с полей и свезти его в амбары, поэтому он всегда торопил помощников, и сам работал вместе с ними. Утром он вставал, когда они ещё спали, а вечером ложился позже всех, потому что вместе с мамой готовил корм для кроликов, кур, уток, поило для коров... И разные инструменты на завтрашнюю работу.

– Вырастешь, сынок, – и всё это хозяйство будет твоим, – говорил отец. – А ты передашь его своим детям.

Форд и локомобиль

Маленький Генри Форд был американцем. И все люди, которых он тогда знал, тоже были американцами. Он жил в штате Мичиган, а недалеко от них был городок по имени Дирборн. Некоторые были американцами давно, а некоторые – недавно, потому что недавно приехали из Европы. Но все они гордились званием американцев и работали изо всех сил, чтобы сделать богатой свою жизнь и свою страну.

Это были шестидесятые годы позапрошлого века. В Америке недавно закончилась большая война, которую назвали Гражданской, и люди теперь хотели только одного – работать с утра до вечера.

Вечером в окнах светились маленькие огоньки – это зажигали керосиновые лампы. Электричества тогда ещё не было, не было телевизоров, магнитофонов, компьютеров... Не было даже автомобилей и асфальтовых дорог.

Зато недалеко от фермы Генри Форда была лесопилка. А на ней работала паровая машина, которую называли локомобиль. На лесопилку часто привозили брёвна. Машина со страшным визгом и грохотом распиливала эти брёвна на доски. А из досок фермеры строили дома и амбары.

– Ты, сынок, не подходи близко к этой адской штуке, – говорил отец маленькому Генри Форду. – Стоит заглядеться, как она тебе руку отхватит, а то и голову. Видишь, я сам стараюсь быть от неё подальше.

А Генри любил наблюдать за работой людей с инструментами – и как доски они обстругивают, и как молотилку чинят. Он уже знал название каждого инструмента и пробовал ими работать, старался помочь мастерам.

Только отец сразу же звал его к себе.

Телега без лошади

Однажды папа собрался в город и взял с собой маленького Генри. На телегу нагрузили разные овощи, которые отец хотел продать в городе, запрягли двух лучших лошадей, маленького Генри посадили на подстилку позади груза, а отец с вожжами в руках сидел впереди. Мама открыла ворота и телега, покачиваясь на ухабах, поехала по земляной дороге.

Неожиданно им навстречу выкатилось настоящее чудо. Генри смотрел на это чудо и не мог поверить, что такое возможно.

С боковой дороги на главную выезжала, громко шипя и стуча колёсами, телега без лошадей, нагруженная всяческими грузами. Сзади телеги, на подставке, стоял котёл, в котором кипела вода, а из узкой её трубы вырывался пар. Под котлом была топка, там жарко горел каменный уголь. Машинист управлял телегой, он подбрасывал в топку уголь из ящика и подливал, если надо, воды в котёл.

Машинист остановил свой локомотив, чтобы пропустить лошадей, которые везли отца и маленького Генри Форда. Генри мгновенно соскочил со своей телеги и подбежал к машинисту.

– Удивительная у вас штука, сэр! – сказал он. – Я такой прежде не видел, должно быть, хорошо возит?

– Она – главная моя помощница. Не зря платил столько денег! – с гордостью ответил машинист. – Хочу, будет доски пилить, захочу – хлеб молотить. А силища в ней такая, что дом зацеплю – своротит!

– Удивительная штуковина, сэр! Чтоб управлять ею, нужна большая наука?

– Нет, малыш, тут всё просто. Смотри: захотел остановиться, рычаг подвинул и – стоп! А вместо цепи поставишь приводной ремень – и другие машины от неё заработают. Вся сила – от пара. Вот так-то, сынок.

– Генри, а ну быстро на телегу! – закричал отец неожиданно.

И пришлось маленькому Генри Форду прервать интересную беседу. Отец машин не любил, он считал, что всякую работу человек должен делать руками.

Зато маленький Генри тут же решил построить такую же машину. И на городских улицах он по сторонам не смотрел, вывески и витрины не разглядывал, а глядел он на землю под ногами. В городе на земле, если внимательно к ней присмотреться, можно подобрать целое богатство: гайки, болты и всяческие другие железные обломки. Из них-то он и решил построить локомобиль.

Ржавые гайки и ломаные часы

Теперь всякий раз, когда отец собирался в город, Генри тоже ехал вместе с ним. Кому-то надо было сторожить добро на телеге, пока отец покупал в лавках соль, одежду, бочки, порох для ружей. Вот маленький Генри и сторожил. А заодно он обследовал пространство вокруг телеги и обязательно находил что-нибудь железное. Дома у него не было игрушек – гайки и ржавые болты стали его игрушками.

– Если ты, сынок, помоешь их в керосине, ржавчина с них сойдёт, – подсказала мама и даже налила в склянку немного керосина.

Маленький Генри Форд помыл их и протёр старой тряпкой, после этого гайки стали хорошо навинчиваться на болты. На чердаке среди хлама Генри нашёл ящик со старыми инструментами, и они очень скоро пригодилось ему для дела.

Раньше вещи, которые ломались, отец отвозил в мастерскую к механику, а теперь Генри повозится с ними день-два – и сам всё починит. Он даже телегу сумел починить, жаль только, что на ремонт ушли почти все гайки с болтами, которые он собирал среди городских улиц.

Зато в последнюю поездку ему сильно повезло: он подобрал на дороге ломаные часы.

Часы пошли

Большие карманные часы вместе с толстой цепочкой валялись среди улицы в пыли, и по ним бегал муравей.

Генри сдул со стекла муравья, стёр пыль и сунул их в карман к гайкам и кусочкам железа, которые успел подобрать раньше. Всю долгую дорогу домой, трясясь на телеге, он думал только о том, как в своей комнате положит часы на стол у окна, откроет крышку и будет рассматривать механизм. А может быть, он сам разберётся и сам починит часы?

Но сначала нужно было перенести покупки с телеги в дом, потом задать корм кроликам, которые сидели в своих клетках, потом натаскать воды в бочку, зато уж потом он всё-таки сел у окна и раскрыл крышку.

Солнце, устав за день, опускалось к земле, и его лучи очень хорошо освещали комнату Генри. Удивительное дело – он быстро разобрался в часовом механизме.

Оказывается: когда часы заводят, в них сжимается маленькая пружинка. Потом весь день пружинка медленно раскручивается и потому крутится зубчатое колёсико. Это колёсико зацепляет другие зубчатые шестерёнки и, в конце концов, их движение доходит до двух стрелок – большой, минутной, и маленькой, часовой. А ещё в часовом механизме был маятник, который, как и у больших часов с гирями, должен был качаться то в одну сторону, то в другую.

Но в этих найденных часах маятник качаться не мог, потому что на его пути лежала песчинка. Она была едва заметна глазу, но для маятника стала настоящим булыжником.

Генри попытался сдунуть песчинку, но песчинка продолжала лежать, потому что она устроилась в едва заметной ямке.

Генри подобрался к песчинке кончиком очень тонкого ножа и сдвинул её с места. Как только песчинка была убрана, часы пошли.

Генри положил часы на подоконник, лёг в постель и продолжал слушать их тиканье. Ночью проснулся: часы тикали и очень даже громко. Утром часы тоже продолжали идти.

Когда мама позвала всех к завтраку, Генри положил часы на стол перед отцом.

– Откуда у тебя эта дорогая вещь, сынок? – испугался отец.

– Нашёл вчера в городе.

– Разве мы не объясняли тебе, что нельзя брать чужое, даже если оно лежит без присмотра? – спросила мама.

– Они были сломанные, а я их вчера вечером починил. Сам!

– Всё равно добром это не кончится! – покачал головой отец. – Чем чинить чужие часы, лучше бы ты увёз навоз на наше поле.

– Но, может быть, мальчик похож на моего дядю? – робко вставила своё слово мама. – Смотри, как хорошо починил он мебель в доме и пристроил к телеге колесо!

– А я говорю, добром это не кончится! – повторил отец. – Фермер должен ухаживать за землей и за скотиной, а если нужен механик, то его всегда можно нанять.

Часовых дел мастер

Однако слух о том, что фермерский мальчишка Генри Форд нашёл в городе часы и починил их, скоро обошёл округу. Ведь папа эти часы не выбросил, а стал носить, и обязательно на них поглядывал при встрече с людьми. Вот почему как-то к их ферме подъехал верхом сосед и смущенно спросил, не может ли Генри посмотреть его часы.

– Только когда управится с делами, – ответил отец.

Вечером Генри открыл часы соседа, долго искал поломку и наконец нашёл: у них соскочила пружинка. У Генри не было подходящего инструмента, чтобы поставить её на место, но он заточил маленькую отвёртку тонким напильником и с работой справился.

Благодарный фермер подарил ему кое-какие инструменты.

Скоро Генри снова поехал в город. И тут ему опять повезло. Потому что неделей раньше в городе умер часовщик, а у

часовщика скопилось много ломаных часов. Про запас. Только теперь эти часы никому были не нужны: сын часовщика часовщиком не был, он занимался торговлей – соль продавал фермерам.

Когда отец важно вынул часы, починенные Генри, и рассказал, что их починил сынишка, который на улице караулит телегу, торговец предложил купить у него весь часовой хлам за бесценок. Отец увидел, с какой жадностью Генри этот хлам рассматривает, и подумал, что может осчастливить мальчишку всего за один доллар. Но он всё-таки стал торговаться и выторговал ещё несколько инструментов умершего часовщика.

По дороге домой отец, правя лошадь, с сомнением покачивал головой. Он раздумывал – правильно ли он поступил, подтолкнув сына к городскому занятию, когда на ферме и так было много дела.

Погибший человек

Скоро в комнате Генри со всех сторон тикали, отбивали время и наигрывали мелодии всевозможные часы. И все они, конечно, показывали точное время, потому что побывали у него в руках.

Теперь Генри и с закрытыми глазами мог себе представить внутренности часов. А чтобы уметь их ремонтировать, Генри сам выточил несколько инструментов. Теперь, когда он приезжал в город, первым делом шёл к старьевщикам. Они специально для него откладывали старые ломаные часы, которые никто не хотел чинить. Дома Генри разбирал их, отыскивал ломаную деталь. Иногда он её чинил, а часто сам делал новую, глядя в деталь через увеличительное стекло.

Генри решил поступить учеником в механическую мастерскую.

– Сынок, у тебя есть земля, есть свой дом, зачем тебе город? – расстраивался отец. – В городе живут одни перекаати-по-

ле, у кого за душой ничего нет. Настоящий человек должен жить на земле.

Но Генри не послушался отца и стал учиться на механика.

Пропавший мальчик

Однажды на ферме отца Генри Форда собрались родственники.

– Где же наш Генри? Почему его нет с нами? – спросил старший из родственников.

– Лучше не вспоминайте о нём, – сказал огорчённый отец. – Мой сын пропавший мальчик. Он совсем перебрался в город.

И все родственники удрученно покачали головами.

А в это время Генри читал всевозможные научные книги по механике, какие только мог отыскать. С утра до вечера изучал он устройство механизмов, а ночью работал в мастерской у ювелира. В его комнате показывали точное время уже больше трёхсот часов. Часы лежали на подоконнике, тикали на полках, наигрывали мелодии со стен.

Генри мог теперь и сам сделать любые часы, какие бы только захотел. Например, однажды для городского вокзала он сделал огромные часы с двойным циферблатом. Часы показывали сразу два времени: время местное, по которому жил город, и время общее для всей железной дороги. Горожане смотрели на эти часы как на достопримечательность.

Генри подумывал, а не начать ли ему делать часы для граждан всей страны. Ему хотелось начать делать какое-нибудь большое полезное дело. Но каждый раз, когда он задумывался о большом полезном деле, важном для всей страны, то вспоминал встречу на дороге с самодвижущейся телегой без лошадей. С локобилем.

И Генри решил: часы, безусловно, штука полезная, но гораздо важнее и ещё полезнее – делать самодвижущиеся тележки, локомобили. Но только лёгкие и быстрые.

Генри уже научился управлять локомотивом. Он даже нанялся на работу туда, где собирали и ремонтировали эти самые полезные локомотивы.

Мечта о новом моторе

Генри Форд читал все технические журналы.

Из журналов он узнал, что не только он, американский парень Форд, сын фермера, мечтает построить самодвижущуюся тележку, об этом мечтают многие инженеры Европы и Америки. Только пока у них, как и у него, это плохо получалось.

Однажды поехал Генри к отцу на праздник на локомотиве весом с паровоз. Локомотив грохочет, шипит горячим паром, встречные лошади шарахаются. Въехал Генри на мост через речку, а мост под ним и провалился. Ведь мост был рассчитан на обычную телегу да на несколько лошадок, а не на такую тяжёлую штуковину.

Генри выпрыгнул на берег, стал бегать вокруг локомотива, а тот ни с места. Застрял. Хорошо ещё, что было неглубоко. Пришлось Генри идти к отцу пешком, вместо праздника – запрягать всех лошадей, какие были на ферме, чтобы вытащили они локомотив на берег.

– Сам видишь, сынок, никудышным делом ты занялся, – проговорил отец, взглянув на развороченный мост. – Возвращайся-ка лучше на ферму. Если бросишь свои машины, я тебе участок леса подарю.

И Генри согласился.

Отец подарил ему участок леса. Генри построил на нём лесопилку. Сам рубил деревья, сам распиливал их на доски. Сам построил уютный дом, потому что решил жениться. А в свободное от рубки деревьев и разговоров с женой время он выстроил просторную мастерскую, в которой стал собирать моторы.

Теперь-то он понял, что на телеге с паровым котлом и угольной топкой далеко по американским дорогам не уедешь: или в реку с моста свалишься, или телегу разворотишь.

Он мечтал о моторе лёгком. Такой мотор ему даже по ночам стал сниться.

Нароботается он в мастерской, приляжет под утро рядом с женой и вдруг начинает громко жужжать, словно майский жук. Жена проснётся от такого жужжания, взглянет на Генри с любовью и не беспокоит его: знает, мужу снится его очередное изобретение.

Первый шофёр Америки

Какие только моторы не строил Генри в своей мастерской, из разных железных трубок и кусков металла вытачивал и выпиливал он все детали.

Сначала он решил, что вместо каменного угля в топке будет гореть газ, и сделал машину с газовым обогревом.

В другом двигателе у него горела лёгкая нефть. Выедет он на такой самодвижущейся телеге из мастерской, поедит немного по кругу – и назад.

Потому что всё равно в машине оставалась самая главная и самая тяжёлая часть. Этой частью был паровой котел. Ну кому приятно сидеть на котле, внутри которого кипит вода, и котёл этот в любую минуту может взорваться?

– Всё, – сказал однажды жене Генри Форд, – с паровыми котлами я покончил. Я придумаю совсем другую машину. Жаль только, что лес, который подарил нам отец, весь уже спилен и продан. Не знаю, где деньги найти.

А тут как раз Генри Форда пригласила на работу инженером электрическая компания. Электрическими кампаниями руководил тогда другой гений Америки – Эдисон. Эдисон решил провести электрическую энергию по всей стране.

Генри вместе с женой переехал в город и перевёз туда свою мастерскую.

Всю зиму по ночам строил он в своей новой мастерской, которая помещалась в кирпичном сарае, новую машину. Котла в ней уже не было, и стала она намного легче. Каждую деталь двигателя Генри Форд сделал своими руками, по собственным чертежам. А на тележку времени решил не тратить: купил её по частям, приделав к ней велосипедные колеса.

Вот почему сегодня каждый, кто смотрит на её изображение, говорит одно и то же:

– Да это же помесь современного автомобиля с крестьянской тележкой!

Таким был первый автомобиль, на котором молодой Генри Форд стал разъезжать по городу.

О появлении автомобиля жители узнавали заранее – грохот мотора был слышен издали. Но главная неприятность была в другом. Едва Форд останавливал свою машину и заходил в дом, как вокруг собиралась группа зевак. И обязательно находился человек, который пытался на его машине поехать.

Форд стал возить с собой тяжёлую цепь. Когда останавливался, прикручивал автомобиль цепью к фонарному столбу.

Однажды Форда вызвали в полицию.

– Покажите разрешение ездить по городу в столь странном экипаже, – строго сказал полицейский.

– Сначала покажите мне закон, который запрещает это делать, – ответил находчивый Генри Форд.

– Откуда закону взяться, – смутился полицейский, – если подобных машин в Америке ещё не было. А ну-ка, покажите, как она ездит, эта ваша машина?!

Генри Форд покатали полицейского на своём автомобиле, и полицейский выдал ему первое в Америке водительское удостоверение. На этом автомобиле Форд проехал несколько тысяч миль.

Но скоро он захотел построить автомобиль новый – и более легкий, и более удобный.

Автомобиль для каждой семьи

И снова Генри Форд делал расчёты, сидел над чертежами, а потом строил двигатели собственными руками.

Ведь он продолжал мечтать о большом и добром деле. Он мечтал, чтобы каждый работающий американец смог купить для своей семьи автомобиль, и ездил бы на нём в своё удовольствие. А для этого машина должна была стать простой, удобной и дешёвой.

Генри Форд снова заперся в кирпичном сарае, чтобы ему ничто не мешало создавать машину своей мечты, такую, о которой вместе с ним начал мечтать каждый американец. И её создал: его машины на гоночных соревнованиях были быстрее всех, а на ужасных дорогах оказывались всех крепче.

Скоро Генри Форд построил первый завод. Оказалось: люди встают в очередь, чтобы купить его автомобиль. Автомобили так и называли – «фордами». Желающих стать автомобилистами было так много, что Генри Форду пришлось к одному своему заводу пристраивать другой. Потом третий, потом четвёртый...

И тогда Форд создал научную организацию труда.

Уж если в двигателе можно продумать каждую мелочь, так, чтобы не было ничего лишнего, то и в заводских цехах это нужно было сделать!

Теперь его автомобили собирали на конвейере, где каждый рабочий делал одну и ту же простую работу, но зато делал её очень хорошо.

Форд стал выпускать в год больше миллиона автомобилей. Вокруг его заводов вырос большой город. Форд построил для своих рабочих удобные дома, чтобы они могли ночью отдохнуть, а днём ещё лучше работать. Он открыл на заводе бесплатные столовые, где рабочих вкусно кормили, и детские сады, где детей рабочих почти бесплатно воспитывали. Каждый рабочий, который хотел поучиться мастерству, мог ходить в вечерние бесплатные училища. Таким рабочим Форд повышал зарплату.

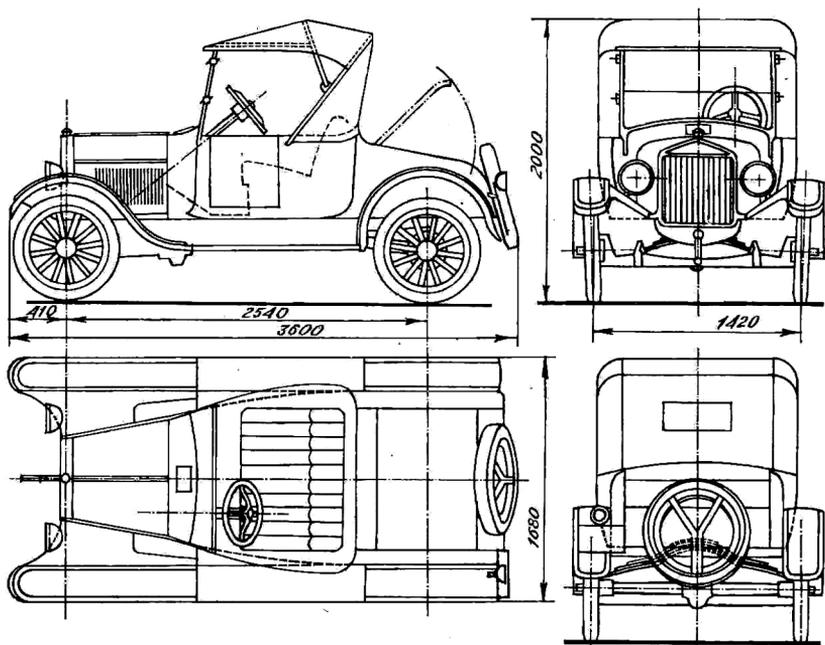
Из многих стран к Форду приезжали предприниматели, инженеры, психологи, изобретатели, чтобы поучиться секретам его работы. Вся промышленность Америки старалась перестроить свои предприятия так, как это было сделано у Форда.

– Простые люди будут тогда покупать много машин, когда у них есть деньги, а деньги у них есть тогда, когда они хорошо зарабатывают. Значит, капиталисты всего мира должны постоянно заботиться, чтобы у людей были хорошие заработки и хорошая жизнь, – убеждал Форд владельцев других заводов.

Когда они его слушались, то людям и в самом деле хорошо жилось, так что на автомобилях Форда стали разезжать даже безработные.

И только отец, прочитав в очередной газете очередную статью о своём великом сыне, удрученно вздыхал:

– А я так мечтал, что он станет фермером!

Наталья БЕЛОЕДОВА

Омск

Стихи подростковые

* * *

Если в воду бросить камень,
если в воду бросить палку,
если в воду бросить мысли –
поплывут они по ней.
Если в воду бросить страхи,
если в воду бросить статус,
бросить имя, настроенье,
положение вещей...
Все, что бросишь в воду смело,
побежит и закружится,
и завертится, умчится,
и исчезнет навсегда.
Если знаешь, что бросаешь.
Если веришь, что бросаешь.
Уплывет и не вернется.
Не вернется никогда.

* * *

опустишь в реку руку
а рака нет в реке
а есть сегодня волны
и блики вдалеке
а есть сегодня щука
она сидит на дне
она откусит руку
кому-то, но не мне

а я ее в ведерко
а я ее домой
емеля я, емеля
но все-таки герой
и три своих желанья
и три свои хочу
по щучьему
по рыбьему
шепчу шепчу шепчу

Когда мы были
маленькими ртами,
носами,
подбородками,
локтями...
Когда нас вовки дергали за косы,
всё было равно:
шмели, шершни, осы.
Теперь мы рассудительны и правы.
Коленки затянулись –
ноют раны.

Не зная броду,
Не суйся в воду.
Не суйся в...
То ли от глупости,
То ли от умности
Вечные трудности.
Не зная правил,
Ходов не делай.
Из мухи не делай слона.

Летает кто-то,
Слоновье тело
И мухина голова.

* * *

По Иркутску ходят люди.
По Иркутску ходят звери.
Над Иркутском в небе птицы.
Город выглядит таким.

Раз – влюбиться.
Два – проститься.
Три – навеки стать другим.

* * *

Я ношу в себе
голубой аквариум,
голубую реку,
голубое море.
Я ношу в себе рыбу,
из аквариума сбегающую,
но приносивую волнами обратно.
Я ношу в себе воды всех подземных источников,
все гейзеры, водопады и марианские впадины.
Всю воду Земли, всю воду Вселенной.
И одну своевольную рыбу,
которая всякий раз возвращается.

* * *

Ко мне прилетела книга,
бросилась в самые руки.
Она летела над морем,
горами, быстрыми реками.

Ко мне прилетела книга,
и с ней повернулось время.
Вспять побежали стрелки,
я вместе с ней изменилась.

Летят перелетные книги,
шелестят от ветра страницы.
Если не стать мне птицей –
хотелось бы стать книгой.

* * *

Раньше здесь плавали рыбы –
Сейчас тут мы.
Раньше здесь были воды –
Сейчас земля.
Завтра мы вдруг проснёмся –
И нет тут нас.
Только огромные рыбы
И глубина.

* * *

Отпускаю удочку.
Отпускаю.
Подо мною белые облака.
Я сижу у самого края
и ногой качаю слегка.
Отпускаю удочку.
Без намека,
без прицела.
Искренний жест.
А с другой стороны
кто-то дергает
и спускает
меня с небес.

* * *

Мост над рекой,
Перекладыны расходятся.
На воде пена.
Ступени, как водится.
Дыры, дыры.
Под ними пропасть.
Давай руку. Трусишь?
Брось ты.
Дыши ровно,
Нырять не бойся.
Пройдем по мосту –
Попадем в осень!

* * *

Завтрак в оконной раме.
Картина – май.
Каша пахнет корицей.
Мятой – чай.

Небо дёргает левым,
Правым – ай!
Стало несносным плаксой.
Ну что ж, пускай.

Так ведь оно терпело
Огромный год.
Был заготовлен повод.
Рыдаем вот!

Анастасия ТУНДЕР

Орёл

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

Старшая сестра

Брат у меня маленький и такой непонятливый. Всему приходится его учить. Вот я и учу.

– Серафим, не ешь руками! Серафим, не рви книжку! Серафим, писать нужно в горшок!

Я уже многому научила брата. Посылать воздушные поцелуи. Прыгать по кровати. Варить куклам суп. Кричать, как индейцы. Ходить в маминых туфлях. Танцевать, как принцесса. Обнимать папу с разбегу. И рисовать на обоях.

Целый день учу Серафима. Устаю, конечно. Но ничего не поделаешь. Я ведь старшая сестра.

Самая любимая игрушка

У меня много игрушек: куклы в платьях пышных, коляска розовая, медведи плюшевые, собака, жираф и заяц, есть кубики и конструктор, юла и мячи. Но все они мне надоели. Ни с чем играть не хочется.

Но как только брат мою игрушку возьмёт, то мне она вдруг становится ужасно нужна, даже если это старая корова с отломанным рогом.

– Это моя корова! Отдай! – говорю я Серафиму. Но он не отдаёт, отворачивается и игрушку к себе прижимает.

Тогда я тяну корову к себе, а Серафим – к себе. Я плачу. И Серафим плачет.

Прибегает мама:

– Возьми другую, – просит она и протягивает мне пупсика. – Это же твоя любимая игрушка.

Но я не хочу играть с пупсиком и продолжаю тянуть корову, потому что самая моя любимая игрушка та, что брат в руке держит.

Кем быть?

Когда меня спрашивают, кем я хочу стать, то я говорю, что не знаю.

Вообще-то, мне нравится быть принцессой. Люблю, когда мама наряжает меня в пышное платье и волосы по кругу в косу заплетает – настоящая корона получается. И туфельки у меня розовые есть: с цветочками и на каблуках, хотя и совсем маленьких.

Но вот когда я, такая красивая, за стол сажусь, начинаю макароны рукой есть и рот скатертью вытирать, то мама все время меня одергивает и говорит, что принцессы себя так не ведут.

А ещё принцессы громко не кричат! По кровати не прыгают! По полу не катаются! С братом не дерутся и игрушки у него не отбирают! Зато всё это, по словам мамы, делают разбойницы. Поэтому разбойницей мне тоже нравится быть.

Говорю же, я ещё не решила, кем стать.

И что тут смешного?

Когда мой брат упадёт, то мама все бросает и бежит к нему. Она хватает Серафима на руки и носит, носит, приговаривая: «У собачки боли, у кошечки боли, а у Серафимушки не боли...»

А когда я упаду, то мама ко мне не бежит, а просто спокойно говорит: «Не бегай так быстро!» или «Надо быть поаккуратней». Но если громко поплакать, то мама всё-таки обнимет и ногу больную поцелует.

А вот если папа головой о полку ударится или споткнётся сильно, то мама к нему не бежит и ничего папе не говорит. Она так начинает хохотать, что даже слёзы на глазах появляются.

И что тут смешного, не понимаю...

Моя мама – Солнце

– **М**ама, мамочка! Давай почитаем! – тычу я в маму книжкой.

– Ма-а-ам! Дай а-а-а-ам! – дёргает брат маму за платье.

– Помоги мне трубу подержать! – просит из ванной папа.

Но мама стоит на месте – она чистит картошку.

И вот я думаю: в книжке написано, что все планеты вокруг Солнца крутятся, а у нас дома все крутятся вокруг мамы. Значит, моя мама – Солнце!

Про пап...

Мы едем на пруд, через деревню. По пути всё время с братом в окно смотрим и головами в разные стороны вертим, чтобы ничего интересного не пропустить.

– Корова! Корова! – кричу я.

– Му, му-у-у! – радуется брат.

Едем дальше...

– Коза! Коза! – ещё громче кричу я, потому что козы встречаются реже, чем коровы.

– Ме-е-е-е-е! – старается вовсю брат.

Папа останавливает машину, выходим:

– Смотри, Серафим, это мама-коза и маленький ребёночек – козлик, – говорит брату мама.

Брат внимательно смотрит, а потом спрашивает:

– А папа де?

– А папа-козёл на работе, – отвечаю я за маму.

Про ножки

Когда мы идём гулять с папой и мамой, то Серафима всегда везут в коляске, а меня ногами заставляют идти, потому что я уже большая. Вначале я впереди бегу и папу с мамой поторапливаю. Потом я рядом с родителями иду, потом на маминой руке вишу, а потом вдруг останавливаюсь и говорю:

– Всё! У меня ножки болят! Папочка, возьми меня на ручки. И тогда папа сажает меня на плечи.

И вот я уже не иду, а еду – за папины уши держусь и на всех с высоты смотрю. Мама сверху маленькая: на каблуках, а даже до папиного плеча не достаёт. Вот поэтому, когда мы гуляем без папы, ножки у меня не болят: всё равно мама меня не поднимет.

Про почту

В мультике есть почтальон Печкин, он приносит дяде Фёдору почту. Мне тоже нравится быть почтальоном, только приношу я вместо писем и посылок поцелуи.

Когда маме нужно о чём-то попросить папу, то она отводит меня в сторону и тихо просит:

– Веселина! Иди поцелуй папу и скажи, чтобы он просыпался и отвез нас в магазин.

Я иду к папе, целую его в колючую щёку и говорю:

– Бодрое утро, папочка! Отвези нас с мамой в магазин.

Папа с закрытыми глазами обнимает меня и на ухо шепчет:

– Веселина, иди к маме, поцелуй её и скажи, пусть папа ещё полчаса поспит.

И я со всех ног бегу к маме...

Я птичка

У меня есть сиреневая кофта, у нее вместо рукавов – крылья.

– Мама, мама, смотри, у меня крылышки!

– Ой, а ведь, и правда, рукава похожи на крылья, – говорит мама.

– Я птичка! Я птичка! – радуюсь я и, раскинув руки в стороны, летаю по комнате! Пока не врезаюсь в папу...

У папы коленка твёрдая. Больно бьёт. Даже шишка на лбу вскочила.

А всё потому, что птичкам простор нужен и небо.

Яблоко

У бабушки в саду яблоня есть, сама маленькая-маленькая, а яблоки на ней большие-пребольшие – наполовину розовые, наполовину зелёные.

Срываю с дерева яблоко, откусываю. И вдруг вижу: червяк из яблока высовывается и на меня смотрит. Я на него, а он на меня. Я на него, а он на меня.

– Ладно, – говорю я червяку, – ешь, мне не жалко.

И аккуратно кладу яблоко под дерево.

Шмякотно

Осень. Маму на улицу совсем не вытащить. «На улице сл-я-якотно» – жалуется она. И это правда.

Выйдешь во двор в новеньких ботинках, бережёшь их, бережёшь, все лужи обходишь и вдруг – «шмя-я-я-як!» – и ботинок в грязи утонул, как в болоте.

А брат мой про обувь свою и вовсе не думает: «шмяк-шмяк», как танк, идёт.

И мама туда же – новенькие сапожки на каблуках испачкала: «Шмяк, шмяк, шмяк...», – по грязи бежит, чтоб брата от лужи оттащить.

Так и шмякаем все втроём. А всё потому, что осень: на улице шмякотно.

Живой камень

На море мне больше всего понравились... камни. Они там повсюду: большие и маленькие, серые и белые, есть камни в крапинку, а есть в полоску. И все они гладкие. А ещё тёплые! Будто живые.

Пока папа плавал, я строила каменный замок для принцессы. А когда мама с Серафимом плескалась возле берега, я складывала из камней зайцев с разными ушами.

Самые интересные камни я брала с собой – и скоро у нас в комнате выросла гора.

Все камни я хотела отвезти домой, но мама с папой не разрешили – слишком они тяжёлые.

Перед отъездом мама их выбросила, но один камушек я спасла: крепко в руке сжала, а потом незаметно в мамину сумку положила. В сумке у мамы много всего лежит, так что она камень и не заметила. Только осенью нашла, когда сумку в шкаф прятала.

– Смотри, что у меня есть! – обрадовалась мама и камень мне протянула.

Белый, с двумя серыми полосками-ниточками, лежал он на моей ладошке. Сразу вспомнилось лето, море и берег, весь в камнях, – на душе потеплело. И камень в моей руке стал тёплым. Наверное, море вспомнил.

Теннадий ЭФЕНГЕЙМ
Дюссельдорф

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА:
«КАК Я ДОШЁЛ ДО ЭТОГО...»

Раньше, в течение почти сорока лет, я, окончив режиссёрский факультет Шукинского училища, ставил спектакли. Происходило это в разных частях «нерушимого Союза»: в Прибалтике, Казахстане, России и Украине. Увлечение театром родилось, по словам В.Немировича-Данченко, «из тоски по лучшей жизни». И на время работы жизнь действительно становилась лучше. Но «всё течёт, всё изменяется» – Союз распался, началась другая жизнь... В связи с тем, «что распалась связь времён», какое-то время было не до театра.

Побудительной причиной для написания сказок стало рождение внуков. Хотелось с ними общаться, но возможности не было, т.к. мы жили уже в разных странах. А сказки помогали сокращать расстояние и давали нам общие темы. Многие из них были написаны по заявкам и учитывали интересы и критику внуков. Их можно считать эксклюзивными, потому что они создавались в сотворчестве, рождались из нашего непосредственного общения, были ответом на споры и предназначались конкретному ребёнку в его конкретных обстоятельствах. Со временем выяснилось, что сказки интересны и для других детей. Тогда была издана книжка «Дедушкины сказки» и под названием «Сказки дедушки Геня» открыт сайт в Интернете. Как известно, взрослые – это подросшие дети, поэтому надеюсь, что мои «сказочные истории» смогут их заинтересовать.

Г.О.

ССОРА

У одного человека было в хозяйстве много разных животных и птиц: конь, вол, корова, козёл, коза, свинья, павлин, петух, куры, собака и кошка, не считая мышей, которые завелись сами, никого не спрашивая.

Однажды под вечер между ними вспыхнула ссора. Началось, как обычно, с пустяка: собака залаяла на кошку, которая сидела на заборе и грелась в лучах заходящего солнца.

– Ну какой от тебя толк? – лаяла собака, – сидишь целыми днями на заборе да греешься, а живёшь, как барыня, в доме, рядом с хозяином, как будто важнее тебя во дворе никого нет.

– Собака лает – ветер носит, – лениво промурлыкала кошка, чуть приоткрыв глаза. – Моё дело ловить мышей, и я работаю, не покладая лап.

– Что-то я тебя ни разу не видела за работой, – продолжала гавкать собака. – Только и слышу: мур-мур да мур-мур, только и вертишься вокруг хозяина да подлизываешься.

– Не бреши, если не понимаешь. У меня ночная работа. И я работаю тихо, без шума, не как некоторые пустобрехи, которые поднимают лай по каждому пустяку и только делают вид, что верно служат. Когда я выхожу на охоту, ты уже третий сон видишь, бездельница. Только и знаешь, что за своим хвостом гоняться да шум поднимать на весь двор.

– Это я брешу?! Это я бездельница?! – яростно загавкала собака. – Да я даже во сне нюхом всё чую! А вот из-за твоей лени мышей в амбаре развелось видимо-невидимо. Скажешь, не так?

– Не твоё собачье дело! – огрызнулась кошка. – Ты лучше со своими блохами разберись. Это тебе ближе.

– Не моё? Сейчас я тебе покажу, чьё это дело, – зарычала собака и стала прыгать на забор, пытаясь достать кошку.

В ответ кошка выгнула спину, злобно зашипела, спрыгнула с забора прямо на морду собаки и побежала вглубь двора. Собака с воем рванула за ней. Во время этой погони они переполошили весь двор.

– Безобразие! – закудахтали куры. – Мы уже уселись на насест и приготовились ко сну. Нам завтра с утра нужно яйца нести, и не простые, а диетические. Это требует абсолютного покоя. А из-за вашей вечной свары мы не сможем отдохнуть и сосредоточиться. Есть же режим, в конце концов! Петя, скажи им, – обратились они к петуху, – это мужское дело – защищать нас от всяких дебоширов.

– Да! – важно прокукарекал петух, потряхивая гребешком. – Нести яйца – это очень серьёзная и тонкая работа. Ошибка может иметь роковые последствия. Яйцо – очень хрупкая вещь.

Он хотел ещё что-то добавить, но его перебили.

– Да при чём тут яйца! Что вы нам вечно голову морочите? Ничего с ними не случится. Не золотые же они! – закричал павлин, распуская веером свой огромный хвост. – Есть вещи и поважнее ваших яиц: если я не выплусь как следует, у меня будет ужасный вид и мой хвост может потерять краски и померкнуть. Вот это, и в самом деле, будет трагедия. И не только для меня, я уверен.

– А кому вообще нужен твой хвост? – захрюкала свинья. – Вечно распускаешь его ни с того ни с сего на весь двор, только место занимаешь да кричишь дурным голосом.

– Это называется со свиным рылом да в калашный ряд! Что ты можешь понимать в красоте? – заорал павлин. – Ты же всю жизнь роешься в отбросах да валяешься в грязи. Посмотри на себя: ни шерсти, ни вида. А хвост? Позорище! Недоразумение какое-то, а не хвост. Закорючка и всё! А что касается моего голоса, то не тебе судить. Настоящий вокал – это не свиное хрюканье и не отруби в корыте. И вообще искусство – это не для свиней. Не нужно в него лезть грязными копытами. Умоляю! «Нас мало избранных, любимцев праздных...»

– То-то и оно, что праздных, – завизжала свинья. – Носишься со своим хвостом, как дурень с писаной торбой, а пользы ни на грош. Хоть бы двор подметал. И зачем таких держат? А я вот скоро опять принесу поросят, и мне нельзя нервничать. Нужно, чтобы жирок завязался.

– От твоих поросят, – прокричал павлин, – в мире ничего не изменится, только свиной больше станет, а красота спасёт мир, запомни это, хавронья. Впрочем, не стоит метать бисер перед тобой.

– Смешно слушать этот вздор! – заржала лошадь и забила копытом. – Трещат о каких-то пустяках. Я целыми днями перевожу тяжести и слышу одни понуканья. Придёшь усталая, станешь в стойло, но даже здесь нельзя отдохнуть. Так ведь и пасть недолго.

– Да замолчите вы все, – заревел вол. – Расшумелись, как дикие звери. «Яйца, хвост, поросята, тяжести...» – ерунда какая-то! Мне с утра опять впрягаться и пахать до вечера, и это уж, конечно, поважней вашей дребедени. Дайте, наконец-то, отдохнуть после рабочего дня!

– Му-мучители, имейте хоть каплю совести, – замычала корова. – Из-за вас молоко пропадёт. А какая жизнь без молока? Ни масла, ни сыра, ни сметаны, ни творога – ничего. Весь дом останется голодным.

– Корова и есть корова, – замычал козёл, – и рассуждение твоё чисто коровье. Можно подумать – на тебе одной весь дом держится.

– Уж кто-кто, а ты бы лучше помолчал, – обиделась корова. – Не зря говорят: пользы, как от козла молока. Только и можешь трясти бородой, бодаться да мекать без толку.

– Ты лучше жуй свою жвачку и не лезь в чу-чужую жизнь, – сказал козёл, заикаясь от возмущения, – а то можешь напороться и на неприятности, – и он угрожающе выставил свои длинные и острые рога. – У меня своя задача. И я не намерен обсуждать её с каждой коровой.

– Да, у нас своя задача, – поддержала мужа коза. – А что касается молока, о котором столько шума, то козье молоко, как это всем известно, гораздо полезнее коровьего. И кто из нас важнее – понятно, как говорится, и ежу.

– При чём тут я? – возмутился ёж, который пролез во двор через щель в заборе и хотел найти себе что-нибудь на ужин. – Как что, так сразу – и ежу понятно. Я что, глупее всех, по-вашему?

– А ты вообще не из нашего двора и не вмешивайся не в своё дело. Катись лучше подбру-поздорову, пока цел, – разом набросились все. – Беги к себе в лес и не суйся к домашним животным. Мы тебе не пара. Дикарь!

Лай, кудахтанье, крик, ржанье, хрюканье, шипенье, мычанье и меканье слились в один невообразимый гам, где каждый старался перекричать другого, доказывая, что именно он самый нужный, а его работа самая важная.

В это время отворилась дверь дома и на крыльцо вышел хозяин.

«Что это они расшумелись, на ночь глядя? – подумал он. – Давно пора спать. С утра столько работы!»

Увидев открытую дверь, кошка юркнула в дом и улеглась на своё место. Хозяин погладил собаку, она сразу успокоилась, завиляла хвостом и пошла в свою конуру; загнал кур в курятник и подсыпал им зерна; закрыл павлина в клетку и добавил ему проса; почесал за ушами свинью, и она, довольно захрюкав, улеглась прямо в лужу; потрепал за гриву лошадь, отвёл её в стойло и положил в торбу овса; похлопал вола по спине и подбросил в ясли свежего сена; за волом пошла корова, и они вместе стали жевать свою жвачку; отвёл козла и козу под навес, где у них была кормушка, и дал им капустных листьев. На опустевшем дворе остался один ёж. Увидев, что все животные разбрелись, он нашёл упавшее яблоко, подцепил его иголками и ушёл обратно в лес, обиженно бормоча: «Домашние, домашние, а всё равно животные, и нечего задаваться».

На дворе стало так тихо, что даже мыши, которые во время ссоры спокойно грызли зерно в амбаре, насторожились и перестали есть. Солнце уже скрылось, и показались первые звёзды.

«Красота-то какая! – подумал хозяин. – Завтра должен быть ясный день».

Он ещё полюбовался немного ночным небом и вошёл в дом.

Через некоторое время животные уснули. Было слышно, как вздыхал вол, всхрапывала лошадь, похрюкивала свинья,

время от времени хлопали крыльями куры, сорвавшиеся с наеста, посапывала собака и мурлыкала кошка. Они мирно спали, и каждому казалось, что именно его хозяин любит больше всех, считает самым главным и самым нужным. И сон их становился всё глубже и спокойнее.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ГУСЬ

Эта история случилась давным-давно, когда ещё не было ни самолётов, ни поездов, ни компьютеров. Да что там компьютеров?! Не было даже самых обыкновенных перьевых ручек, чтобы написать простое письмо! Людям приходилось пользоваться гусиными перьями. А чтобы писать ими, нужно было особое умение. И всё равно, сколько ни старайся, без кляксы не получится! Кроме того, перьев требовалось очень много, потому что они быстро приходили в негодность.

Один молодой человек задумал написать большой роман. А для этого одним пером, конечно, не обойдёшься. Тогда он приказал купить самого крупного гуся.

Каждое утро этот гусь в гордом одиночестве медленно вышагивал по птичьему двору, как будто что-то обдумывал. Иногда он останавливался, строго и как-то свысока смотрел на его обитателей и снова продолжал своё шествие. Особенно часто он прогуливался вдоль веранды, на которой, склонившись над столом, работал писатель. Время от времени тот задумчиво грыз перо и рассеянно смотрел по сторонам. В такие минуты гусь тоже замирал в напряжённом ожидании. Если вдруг кто-нибудь приближался к нему, то он, низко наклонив голову, сердито шипел: «Не мешай!». Поэтому друзей у него не завелось, а его странное поведение рождало множество вопросов.

Все обитатели птичьего двора были в недоумении: «Чем он всё время так занят, что даже на минутку не может отвлечься и познакомиться с нами? Ведь мы всё-таки соседи! Наконец, это просто невежливо!», – говорили они друг другу и не находили ответа.

Вскоре птицы заметили, что писатель время от времени стремительно сбегал с веранды, что-то бормоча про себя, выщипывал из левого гусяного крыла несколько перьев и также стремительно убегал. Иногда это повторялось по нескольку раз за день и сопровождалось душераздирающим криком гуся.

– Как это жестоко! – восклицали они всякий раз. – Что за дикая причуда?! Ведь так и без крыльев недолго остаться.

В связи с этим обстоятельством отношение к новому постельцу резко изменилось.

– Бедный гусь! – сочувственно говорили все. – Мы просто обязаны как-то его поддержать. Идёмте к нему и всё обсудим.

Увидев птиц, гусь зашипел, но это не помогло. Тогда он громко и угрожающе закричал: «Га-га-га!».

– Не бойся, мы только хотим тебе помочь, – успокоили его птицы.

– Мне не нужна ваша помощь, – заявил гусь. – Мне нужно только не мешать!

– Но ты и так всё время один, ни с кем не общаешься, – заметили птицы.

– Это потому, что творчество требует полного уединения и сосредоточенности, – объяснил гусь. – Таков закон, которому мы следуем. И его никто не может отменить.

– Кто это «мы»? – не поняли птицы. – Ведь ты один!

– Мы, писатели, – гордо заявил гусь.

– Но иногда всё-таки нужно и отвлекаться, чтобы набраться сил и новых впечатлений, – сказали они. – Так делают все.

– Ни в коем случае! – возразил гусь. – Настоящий творец не может забывать о своём творении ни на минуту.

– Но что же ты творишь? – спросили птицы.

– Роман, – важно ответил гусь. – Мы с соавтором пишем самый большой роман.

– А при чём здесь твои перья? – не поняли они.

– Ими он записывает наше сочинение на бумагу, – ответил гусь. – Это мой вклад в литературу.

– Но ведь это очень больно! – воскликнули все. – Как ты выдерживаешь такие пытки?

– Тут уж ничего не поделаешь, – вздохнул гусь. – Искусство требует жертв.

– Мы думали, что искусство – это когда интересно и весело, – сказали птицы.

– Не всегда, не всегда, – ответил он с горечью.

– Нам кажется, что ты в чём-то заблуждаешься, – деликатно заметили они.

– А я думаю, что вы просто не разбираетесь в искусстве, – резко ответил гусь. – Ведь это дано не всем.

– Может быть, – согласились птицы. – Но мы от души хотели бы тебе помочь, считаем это своим птичьим долгом. Невозможно равнодушно смотреть на твои творческие муки.

– Спасибо, конечно, но помочь здесь никто не может, – снова вздохнул гусь. – Это моё призвание, моя судьба, моя миссия. Я должен нести свой крест.

– Тогда извини, что отвлекли тебя, – сказали они. – Мы же не знали, что ты такая важная птица. Мы думали, что ты обыкновенный гусь, попавший в беду.

– Ничего, ничего, – успокоил он. – Теперь-то всё прояснилось.

– Скажи хотя бы, о чём ваш роман, из-за которого ты так страдаешь? – поинтересовались птицы.

– Этого я пока и сам не знаю, – ответил гусь. – Творческий процесс – очень глубокая тайна.

В это время с веранды стремительно сбежал писатель, птицы бросились врассыпную, и двор огласился пронзительным криком гуся.

– Это как же нужно любить литературу, чтобы постоянно терпеть такие муки, – удивлялись птицы. – Но, кажется, он всё-таки что-то путает.

И всё продолжилось по-прежнему.

Однако с какого-то времени писатель перестал выбегать во двор и торопливо выдёргивать гусяное перо, хотя по-прежнему проводил за письменным столом долгие часы.

Первым это отметил, конечно, сам гусь. Он нервно вышагивал перед верандой, поглядывая на писателя, который теперь не обращал на него никакого внимания, как будто они никогда и не были соавторами. Кроме того, он заметил, что в правой руке писателя, в которой тот всегда держал его перо, торчала какая-то палочка с маленьким железным наконечником. Время от времени он опускал наконечник в чернильницу и после этого продолжал быстро писать на листе бумаги. Работа над романом продолжалась, но уже без его участия. Как такое возможно?!

Гусь был в полном недоумении. Он даже несколько раз попытался привлечь внимание писателя своим гоготом, но тот только досадливо отмахивался: «Кыш отсюда! Мешаешь!». Не привыкший к такому обращению, гусь испуганно отскакивал и останавливался в полной растерянности и глубоком недоумении. Он готов был терпеть боль ради искусства, но выносить пренебрежение оказалось ещё мучительнее.

Однажды на террасу вышла жена писателя. Она подошла к столу и, просмотрев исписанные листы, воскликнула: «Ну это же совсем другое дело!».

– Нравится? – спросил он.

– Просто отлично! – сказала она. – Тебе уже давно следовало заменить это старое гусяное перо современным железным.

«Так вот в чём дело! – понял, наконец, гусь. – Значит, наше сотрудничество закончилось, и мне дали отставку, даже не предупредив об этом. Теперь вместо живого пера будет холодное железо. О времена! И это после таких страданий! Вся моя жизнь были посвящена литературе, об этом знает даже крошечный цыплёнок. Надо мной теперь будет смеяться весь двор. Нет, этого позора я не вынесу! Мало того, меня могут просто поджарить на Рождество, ведь теперь-то мои перья больше не нужны».

Но птицы повели себя совсем не так, как он думал.

– Ну наконец-то тебя перестали терзать! Рады за тебя! – сказали они. – Людям давно следовало изобрести для своих нужд что-то подобное, а не подвергать живое существо ежедневным пыткам.

– Но это были самые главные события моей жизни! – воскликнул гусь. – Я всегда ждал их с трепетом!

– В этом вопросе у нас твёрдая позиция, – ответили птицы. – Искусство должно приносить радость, а не боль. Иначе для чего оно нужно?

– Ах, вы не понимаете всей глубины случившегося, – отмахивался он. – Я оказался не нужен искусству, которому посвятил жизнь, и без которого она теряет смысл!

– Мы думаем, что ты преувеличиваешь, – успокаивали его птицы. – В жизни смысла всё-таки побольше, чем в любом искусстве.

Долго ещё он переживал и осознавал перемену в своём положении, до тех пор, пока на левом крыле не отросли новые перья.

Уже близилась осень. Караваны птиц потянулись в тёплые края. Гусь подолгу и задумчиво смотрел им в след.

«Нет, не сегодня, – говорил он себе. – Пожалуй, подожду ещё немного. Может быть, он всё-таки вспомнит обо мне».

Но время шло, а в его положении не было никаких перемен, писатель словно забыл о его существовании.

«А, может быть, я ошибся, и литература не моё призвание? И совершенно безразлично, чем пишется роман: живым пером или бездушным железом. Выходит, что я занимался не своим делом!», – сокрушённо думал он, с каждым днём теряя надежду.

Однажды, увидев пролетающих диких гусей, он разбежался и, взмахнув крыльями, взлетел. Перед тем, как влиться в стаю, он сделал несколько кругов над верандой, на которой сидел писатель. Кружившего над ним гуся тот не заметил, потому что торопился записать мелькнувшую мысль. В этот момент все надежды на то, что бывший соавтор наконец-то вспомнит о нём, окончательно рухнули.

«Он же просто ошипывал меня, как обыкновенного гуся, использовал, как вещь, – наконец-то открылось ему. – Довольно, хватит! В конце концов, мне тоже есть чем гордиться: мои

предки спасли Рим, и об этом знает весь мир, а прочтёт ли кто-нибудь его роман, ещё неизвестно».

Гусь резко взмыл над верандой и через короткое время догнал стаю.

- Ты кто? – спросили его на первом же привале.
- Когда-то мне казалось, что я писатель, – ответил он.
- А сейчас? – не отставали дикие гуси.
- Сейчас я свободная птица! – сказал он.

И было не совсем понятно, то ли он ответил на вопрос стаи, то ли пришёл к твёрдому решению начать новую жизнь.

Елена ЖАНЕН
Хайнсберг

ДЕФЕКТНЫЙ...

— А что если мы канарейку подарим? – Макс испуганно посмотрел на брата.

– Канарейку? Птицу что ли? – ответил Ральф, презрительно поджав губы.

Уже несколько дней мальчики пытались придумать, что подарить дедушке на день рождения. Завтра ему исполнялось семьдесят пять лет.

– По-о-омнишь, он рассказывал... у него когда-то жила канарейка, ну и...

– Не помню! – грубо перебил его Ральф. Он не привык церемониться с младшим братом, который раздражал своей манерой говорить медленно и невнятно.

– Ладно, давай канарейку, а то мы уже целую неделю решить не можем.

– Пойдем завтра утром покупать? – вжав голову в плечи, спросил Макс.

– Твоя идея, ты и покупай! – рявкнул Ральф. – Всё, иди давай!

Рано утром Макс отправился в зоомагазин. Он часто заходил сюда просто так – посмотреть на рыб в аквариумах, на птиц, кроликов и всякую мелкую живность, сидящую в клетках и вольерах. В первый раз он зашел в магазин покупателем.

– А родители тебе разрешили купить канарейку? Тебе сколько лет-то? – с напускной строгостью спросил продавец. Звали продавца, как можно было узнать из криво пристёгнутого бейджика, герр Шпац.

– Двенадцать, герр Ш-шпац, – ответил Макс и покраснел. – Конечно, мне разрешили!

Продавец открыл дверцу вольера с канарейками и шагнул внутрь. Птицы, по меньшей мере три десятка, разом вспорхнули и заметались в тесном для полета помещении. У Макса зарябило в глазах от мельтешивших золотистых комочков. Взмахнув наугад сачком, продавец поймал одну канарейку, ловко, но бережно схватил её, осмотрел. И отпустил. Поймал другую и, едва взглянув, снова отпустил. Опять замахал сачком.

– У первой крыло повреждено, – пояснил мальчику продавец, – а у второй глазик только один... Ага, вот эта вроде бы нормальная! Смотри, нравится?

– Какая красивая! Жёлтенькая! – пролепетал Макс.

– Ах, жаль, и эта тоже с дефектом! – скислившись, сказал продавец. – Смотри-ка, у нее на одной лапке только два пальчика – и оба в одну сторону. Она будет с жердочки падать!

Продавец отпустил птицу. Вспорхнув, она уселась на пол.

Четвертая канарейка оказалась нормальной. С двумя глазами, нормальными крыльями и полным набором пальчиков. Продавец осторожно посадил ее в коробку и вышел из вольера.

– А что это они у вас почти все дефектные? – спросил Макс.

– Да просто здоровых мы распродаем, а с дефектами остаются. Вот и накопились со временем, – ответил продавец.

– А можно я и эту тоже куплю? – Макс указал на птичку, всё ещё сидящую на полу. – Которая с жердочки падает. Сколько она стоит?

– Нисколько! Можешь так забирать, её же всё равно никто не купит. Берёшь?

Макс закивал, его длинный рот растянулся в улыбке.

Потом он купил клетку и пакет корма, потратив почти без остатка сорок пять евро, которые они с братом скопили на подарок деду. Довольный, потащил свои покупки домой.

– Ты что, двух, что ли, купил? – вглядываясь в клетку, процедил Ральф.

– Мне вторую так отдали! Бесплатно! Красивые птицы, правда? Деду понравятся!

– А почему бесплатно-то ?

– Потому что вон та – дефектная! Она с жердочки падает, у нее пальчиков не хватает!

Макс попытался улыбнуться, но вышла дурацкая гримаса.

– А вот у тебя мозгов не хватает! – усмехнулся брат. – Кто же это дарит подарки с дефектами? Это все равно что ну... как торт тухлый подарить! Придурок ты! Ничего по-человечески сделать не можешь! Сам ты у нас дефектный! Дефективный! Урод!

Ральф презрительно смотрел на брата, на его длинный рот, такой же, как и у него самого. Они были похожи внешне и оба были некрасивые. Однако Ральф становился все более рослым и крепким, а Макс оставался долговязым дохляком, нескладным и нелепым.

Ральфу нравилось, что младший брат боялся и робел перед ним. Может быть оттого, что Ральф сам боялся и робел многих своих приятелей? Всякий раз, находя повод поорать на брата, а повод находился часто, Ральф с наслаждением отдавался гневу. Вот и сейчас он уже приготовился выпалить пару обидных фраз, но в комнату вошла мама, нарядная и благоухающая.

– Какие милые птички! – воскликнула она, присев перед клеткой. – Молодцы мальчики, отличная идея!

– Да он дефектную птицу принес! – прошипел Ральф. – Вон ту, без пальцев...

– О-о-о, Макс, ну что же ты... Смотреть надо, что покупаешь! И поменять уже времени нет. Жаль, жаль... Ну ладно, идемте, пора!

Мама сокрушённо покачала головой вышла, за ней молча удалился Ральф. Макс подошел к клетке, хотел было взять её, но опустил вдруг руки и уставился на «дефектную» птицу. Гневная гримаса исказила его лицо. Шумно задышав, он плотно сжал губы. Резко открыл дверцу клетки и схватил пытавшуюся взлететь канарейку. Подбежав к окну, распахнул и, словно мячик, выбросил наружу крошечную птичку. Она закувыркалась в воздухе, но лишь на мгновенье, и быстро-быстро замахав

крылышками, полетела прочь. Ярко-желтый комочек быстро исчез за деревьями. Макс схватил клетку с единственной канарейкой, сидевшей на жердочке, и сбежал вниз по лестнице.

Идти было недалеко – дом бабушки находился на параллельной улице, в двух минутах ходьбы. Впереди, с большим букетом выступала мама, рядом шёл отец. Он с пыhtеньем тащил коробку с французскими винами. За отцом налегке топал Ральф, а замыкал шествие Макс с клеткой. Никто не заметил, что в ней сидит только одна птица.

Макс еле сдерживался, чтобы не расплакаться. Он ненавидел и эту улицу, и всех людей вокруг, и себя самого. Особенно себя самого – за то, что он такой трусливый и слабый. За то, что смалодушничал, потерял контроль и совершил подлость.

«Птицу, наверняка, теперь сожрёт кошка. Я убил бедную канарейку. Это всё Ральф... Ненавижу...», – бормотал Макс.

Он решил – как только сможет, уйдет потихоньку и будет искать канарейку. Дефектную, как он сам...

– Мальчики для тебя подготовили сюрприз! – с радостной маской на лице объявила мама. – Ну, где вы там?

Бабушка, которому уже вручили и большой букет, и коробку с винами, стоял посреди гостиной и смущённо улыбался. Братья двинулись к нему. Ральф – протягивая руку и широко улыбаясь, за ним ковылял Макс со своей клеткой. Он тоже пытался улыбаться.

– Вот...

Макс поставил перед дедом клетку с канарейкой. Все ждали поздравительных фраз, но мальчик молчал.

– Мы подумали, одной птичке будет скучно, и взяли сразу... – бодро начал говорить Ральф и вдруг запнулся, увидев, что в клетке сидит только одна канарейка.

– Канарейка! Ну и день у меня сегодня! Что за день! Что за день! – всё повторял старик. Казалось, он не слушал, что говорит Ральф.

Появилась бабушка и пригласила всех к столу, завершив тем самым – к великому облегчению для всех её участников – торжественную часть юбилея.

Макс промучился с полчаса за столом, механически жевал и ждал, когда подвернётся удобный момент улизнуть и отправиться на поиски канарейки. Сначала надо пробраться на чердак – кажется, у деда есть сачок, да, вспомнилось – они когда-то давно ловили бабочек. Не найдётся сачок – всё равно, снимет футболку, можно и футболкой попытаться... главное – найти её! Живой!

За столом между тем начался бестолковый и шумный разговор. Макс встал и пошёл прочь. Никто никак не отреагировал. Он вышел из столовой и вот – уже на чердаке, и странным образом, сразу нашёлся сачок. Макс хватается его, спешит к лестнице... и вдруг в проёме двери появляется дедушка.

– Кого это ты собираешься ловить, мальчик?

Дед всегда обращался к Максиму не по имени, а именно так: мальчик.

– Я скоро вернусь, – сказал Макс, заливаясь краской.

– Что-то с тобой не так. Ну-ка, выкладывай. Давай присядем. Да положи ты свой сачок!

Макс со злостью бросил сачок. Отвернулся, плотно сжатый рот начал кривиться, глаза наполнились слезами. Дед протянул руку, хотел дотронуться до плеча Макса, но тот дёрнулся, отступил в сторону.

– Мальчик!

– Я не мальчик! Я – урод! Я – дефектный!

– Боже мой, что ты такое говоришь!

– Это Ральф говорит! Он говорит, я дефектный... Ненавижу его. Ненавижу!

Злобно щурясь, Макс выпаливал каждое слово со страстью, впервые в жизни он говорил так, и сам удивлялся, и наслаждался тем, что он на такое способен.

– Н-ненавижу, у-у-у, до чего я его ненавижу! Вырасту, стану сильным, он у меня получит! Отколошмачу! До смерти!

Макс умолк, успокоился вдруг, и слёзы уже высохли.

– Значит, ты сачок взял, чтобы Ральфа забить до смерти? – спросил дед. – Да сядь ты, наконец.

Макс криво улыбнулся. Они уселись на старый диван, и Макс рассказал деду историю про канарейку.

– Это всё из-за Ральфа. Зачем он меня дефектным называет? Разве я дефектный, дедушка?

– Конечно, дефектный. Тихо, сядь, пожалуйста! Сейчас объясню, ты погоди обижаться!

Макс хмуро смотрел на деда.

– Знаешь, мальчик, когда кого-то ненавидят, сильно ненавидят, и желают ему смерти, или хотят избить, изувечить, – тогда становятся дефектными. И начинают делать разные глупости. Вот, смотри, ты в ненависти когда был – взял, да птицу-калеку на улицу выкинул. Да что там птицу, брата убить захотел... верю, не сделаешь такое никогда... а вдруг?.. Не надо никогда и никого ненавидеть – ни других, ни себя. Не надо, мальчик!

Макс молчал, но хмурость уже сошла с лица его. Дед вдруг хлопнул себя по лбу и, поднимаясь с дивана, громко произнёс:

– Ай, забыл совсем! Я же за тобой пошёл, чтобы кое-что интересное показать! Иди-ка за мной!

Загадочно улыбаясь, дедушка привел Макса к спальне, открыл дверь. Макс заглянул в комнату. Там, на ковре, сидела ярко-желтая канарейка.

– Представляешь: открываю утром окно, проветрить хотел, и вдруг залетает канарейка! Полетала по комнате и на пол села. Посмотрел внимательно, а у птички ножка повреждена... Зато как поёт красиво! И что сегодня за чудный день!

...Кому-то может показаться нереальным, что канарейка влетела именно в окно дедушки Макса. Уверяю вас, друзья, именно так и случилось! Почему? Да потому, что мир, несмотря ни на что, всё-таки чудный. Не правда ли?